М. Лермонтовъ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Под общей редакцией
И. Л. АНДРОНИКОВА, Д. Д. БЛАГОГО,
Ю. Г. ОКСМАНА

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1957

М·Ю·ЛЕРМОНТОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1957

Подготовка текста и примечания
Э. Э. НАЙДИЧА

Переплет художника
И. ЖИХАРЕВА

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

С автопортрета. 1837

ОТ РЕДАКЦИИ

В первый том настоящего собрания сочинений М. Ю. Лермонтова входят его стихотворения, во второй — поэмы, в третий — драмы, в четвертый — прозаические произведения, письма, материалы записных книжек (планы, наброски, дневниковые записи).

Сам Лермонтов, как известно, при составлении первого и единственного сборника своих произведений, выпущенного в свет в 1840 году, включил в него всего двадцать шесть стихотворений и две поэмы. Из трехсот с лишним стихотворений, написанных до 1836 года, Лермонтов поместил в этот сборник только одно («Русалка»). Из двадцати двух поэм (не считая незаконченных) напечатал всего три («Тамбовскую казначейшу» — в «Современнике» 1838 г.; «Песню про царя Ивана Васильевича...» и «Мцыри» — в сборнике 1840 г.) и боролся за публикацию четвертой («Демон»); из пяти драм отдал в театр одну — «Маскарад» (1835); из прозаических произведений опубликовал только «Героя нашего времени».

Однако за сто с лишним лет, отделяющих нас от первых изданий Лермонтова, в собрания его сочинений постепенно были включены все его юношеские произведения, зачастую очень слабые в художественном отношении, наброски, отрывки, которые поэт рассматривал лишь как заготовки для будущих сочинений. Общее число произведений, печатающихся в полных собраниях сочинений Лермонтова, в наше время примерно в двенадцать раз превышает то, с чем обращался к читателю сам поэт. Таким образом, обычное хронологическое размещение материала внутри каждого тома, необходимое в академических собраниях сочинений, в массовых изданиях Лермонтова оказалось в разительном несоответствии с интересами широкого читателя. Принцип строгой хронологии, механически понятый, привел к тому, что в этих изданиях произведения, не предназначавшиеся для печати, а также шутки, экспромты заслоняют высшие достижения гения Лермонтова, создания его зрелой поры. Приобщаясь к поэтическому наследию Лермонтова, массовый читатель полных собраний сочинений вынужден следить за творческой эволюцией поэта, начиная с первых ученических опытов и подражаний.

Поэтому с особым вниманием редакция издания отнеслась к его структуре. Принцип композиции, положенный в его основу, преследует обе цели: и учет воли автора — взыскательного художника — и обеспечение полноты издания.

Датой, отделяющей в политической и литературной биографии Лермонтова период его поэтического становления от времени, когда он вошел в литературу как автор «Смерти Поэта», «Бородина», «Песни про царя Ивана Васильевича...», является 1837 год. Эта дата и положена в настоящем издании в основу композиции томов стихотворений и поэм.

Первый том открывается «Смертью Поэта», второй — «Песнью про царя Ивана Васильевича..». В основной раздел третьего тома вошел «Маскарад» — сочинение, которое Лермонтов избрал для своего литературного дебюта, с которым хотел впервые обратиться к широкой публике. Четвертый том открывает «Герой нашего времени». Это — произведения художественно наиболее совершенные и общественно значимые. Второй раздел каждого тома составляют ранние произведения, не предназначавшиеся поэтом к печати. В особый раздел первого тома впервые выделены шутки, экспромты, эпиграммы. В приложениях даны наброски неоконченных произведений и редакции, представляющие интерес для широкого читателя. В приложениях к первому тому даны также стихотворения на французском языке и «Коллективное». Внутри каждого раздела хронологический принцип сохраняется.

Такое распределение материала предлагается в настоящем издании впервые. Поиски подобного рода — отказ от принципа строгой хронологии в массовом издании сочинений Лермонтова — уже были предприняты в одном из последних изданий Гослитиздата (Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова под ред. Б. М. Эйхенбаума, 1947).

Тексты в настоящем издании сочинений М. Ю. Лермонтова вновь выверены по рукописям и печатным первоисточникам. В ряде случаев уточнены тексты и датировки собрания сочинений Лермонтова, выпущенного Институтом русской литературы Академии наук СССР в 1953—1956 годах. Письма Лермонтова, написанные по-французски, даются в переводах, тексты оригинала не воспроизводятся. Отдельные слова и строки, зачеркнутые в рукописи самим поэтом, но не замененные другими, воспроизводятся в тех случаях, когда это требуется для понимания произведения (они даются в квадратных скобках). В угловые скобки заключены названия произведений, самим автором не озаглавленные, и слова, чтение которых предположительно.

В примечаниях к каждому тому приведены исторические, литературные и биобиблиографические справки, необходимые как для понимания самого текста, так и для уяснения условий его создания и публикации. В последнем томе дается «Хронологическая канва жизни и творчества М. Ю. Лермонтова».

Так называемые «юнкерские поэмы», не вполне удобные для печати и, по-видимому, представляющие собою плод коллективного сочинительства, в настоящее — массовое — издание сочинений М. Ю Лермонтова не включены.

СТИХОТВОРЕНИЯ
1837—1841

1837

СМЕРТЬ ПОЭТА

Погиб Поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа Поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалека,
Подобный сотням беглецов,

На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок — они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!

Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

БОРОДИНО

— Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.

У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,

И клятву верности сдержали
   Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
   И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
   Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
   В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
   Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
   Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
   Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
   И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
   Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
   Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
   Не отдали б Москвы!

ВЕТКА ПАЛЕСТИНЫ

Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветр в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?

Молитву ль тихую читали,
Иль пели песни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бедные сыны?

И пальма та жива ль поныне?
Все так же ль манит в летний зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?

Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листы?..

Поведай: набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горючих слез?

Иль, божьей рати лучший воин,
Он был с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и божеством?..

Заботой тайною хранима,
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой!

Прозрачный сумрак, луч лампады,
Кивот и крест, символ святой...
Все полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.

УЗНИК

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко,
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустив.

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампады
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями
Звучно-мерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

СОСЕД

Кто б ни был ты, печальный мой сосед,
Люблю тебя, как друга юных лет,
Тебя, товарищ мой случайный,

Хотя судьбы коварною игрой
Навеки мы разлучены с тобой
Стеной теперь — а после тайной.

Когда зари румяный полусвет
В окно тюрьмы прощальный свой привет
Мне, умирая, посылает
И, опершись на звучное ружье,
Наш часовой, про старое житье
Мечтая, стоя засыпает, —

Тогда, чело склонив к сырой стене,
Я слушаю — и в мрачной тишине
Твои напевы раздаются.
О чем они — не знаю; но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Как слезы, тихо льются, льются...

И лучших лет надежды и любовь —
В груди моей все оживает вновь,
И мысли далеко несутся,
И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит — и слезы из очей,
Как звуки, друг за другом льются.

* * *

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога.

МОЛИТВА

Я, матерь божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.

Окружи счастием душу достойную;
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную —
Ты восприять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

* * *

Расстались мы, но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.

И, новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный — все храм,
Кумир поверженный — все бог!

* * *

Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть;
Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь бог да совесть!..

Им сердце в чувствах даст отчет,
У них попросит сожаленья;
И пусть меня накажет тот,
Кто изобрел мои мученья;

Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит;
Пускай шумит волна морей,
Утес гранитный не повалит;

Его чело меж облаков,
Он двух стихий жилец угрюмый,
И, кроме бури да громов,
Он никому не вверит думы...

* * *

Не смейся над моей пророческой тоскою;
Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;
Я говорил тебе: ни счастия, ни славы
Мне в мире не найти; настанет час кровавый,
И я паду, и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцветший гений;
И я погибну без следа
Моих надежд, моих мучений.
Но я без страха жду довременный конец.
Давно пора мне мир увидеть новый;
Пускай толпа растопчет мой венец:
Венец певца, венец терновый!..
Пускай! я им не дорожил.

* * *

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

* * *

Спеша на север издалека,
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж востока,
Принес я, странник, свой поклон.

Чалмою белою от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит.

Но сердца тихого моленье
Да отнесут твои скалы
В надзвездный край, в твое владенье
К престолу вечному аллы.

Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.

Молю, чтоб буря не застала,
Гремя в наряде боевом,
В ущелье мрачного Дарьяла
Меня с измученным конем.

Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! — душа дрожит!
Что, если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт!

Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?

Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?

О, если так! своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей.

1838

КИНЖАЛ

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.

Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза — жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мне,
Исполненны таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный:
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

* * *

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной;

Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать — что мне бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.

Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла;
Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

* * *

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке,
Сердце запрыгает;

Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,

И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.

* * *

Как небеса, твой взор блистает
Эмалью голубой,
Как поцелуй, звучит и тает
Твой голос молодой;

За звук один волшебной речи,
За твой единый взгляд,
Я рад отдать красавца сечи,
Грузинский мой булат;

И он порою сладко блещет,
И сладостней звучит,
При звуке том душа трепещет
И в сердце кровь кипит.

Но жизнью бранной и мятежной
Не тешусь я с тех пор,
Как услыхал твой голос нежный
И встретил милый взор.

* * *

Она поет — и звуки тают,
Как поцелуи на устах,
Глядит — и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли — все ее движенья,
Иль молвит слово — все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.

ВИД ГОР ИЗ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА

Пилигрим

Аллах ли там среди пустыни
Застывших волн воздвиг твердыни,
Притоны ангелам своим;
Иль дивы, словом роковым,
Стеной умели так высоко
Громады скал нагромоздить,
Чтоб путь на север заградить
Звездам, кочующим с востока?
Вот свет все небо озарил:
То не пожар ли Царяграда?
Иль бог ко сводам пригвоздил
Тебя, полночная лампада,

Маяк спасительный, отрада
Плывущих по морю светил?.

Мирза

Там был я, там, со дня созданья,
Бушует вечная метель;
Потоков видел колыбель.
Дохнул, и мерзнул пар дыханья.
Я проложил мой смелый след,
Где для орлов дороги нет,
И дремлет гром над глубиною,
И там, где над моей чалмою
Одна сверкала лишь звезда,
То Чатырдаг был...

Пилигрим

А!..

⟨К Н. И. БУХАРОВУ⟩

Мы ждем тебя, спеши, Бухаров,
Брось царскосельских соловьев,
В кругу товарищей гусаров
Обычный кубок твой готов.
Для нас в беседе голосистой
Твой крик приятней соловья,
Нам мил и ус твой серебристый
И трубка плоская твоя.
Нам дорога твоя отвага,
Огнем душа твоя полна,
Как вновь раскупренная влага
В бутылке старого вина.
Столетья прошлого обломок,
Меж нас остался ты один,
Гусар прославленных потомок,
Пиров и битвы гражданин.

⟨А. Г. ХОМУТОВОЙ⟩

Слепец, страданьем вдохновенный,
Вам строки чудные писал,
И прежних лет восторг священный,

Воспоминаньем оживленный,
Он перед вами изливал.
Он вас не зрел, но ваши речи,
Как отголосок юных дней,
При первом звуке новой встречи
Его встревожили сильней.
Тогда признательную руку
В ответ на ваш приветный взор,
Навстречу радостному звуку
Он в упоении простер.

И я, поверенный случайный
Надежд и дум его живых,
Я буду дорожить, как тайной,
Печальным выраженьем их.
Я верю, годы не убили,
Изгладить даже не могли
Все, что вы прежде возбудили
В его возвышенной груди.
Но да сойдет благословенье
На вашу жизнь, за то, что вы
Хоть на единое мгновенье
Умели снять венец мученья
С его преклонной головы.

ДУМА

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познанья и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны
И перед властию — презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созрелый,

Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
   Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
   Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, боясь пресыщенья,
   Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
         Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
         Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодовитой,
   Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
   Над промотавшимся отцом.

ПОЭТ

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
   Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал —
   Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Тереком отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножон, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на стене —
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает...

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык,
  Нас тешат блёстки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
  Морщины прятать под румяны...

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк!
  Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
  Покрытый ржавчиной презренья?..

1839

* * *

Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый стих.
Да будет с ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных!
Да будет он отца достоин,
Как мать его, прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен
И в правде тверд, как божий херувим.
Пускай не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных дум;
Пускай глядит он без упрека
На ложный блеск и ложный мира шум;
Пускай не ищет он причины
Чужим страстям и радостям своим,
И выйдет он из светской тины
Душою бел и сердцем невредим!

НЕ ВЕРЬ СЕБЕ

Que nous font après tout les vulgaires abois
De tous ces charlatans, qui donnent de la voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase?

A. Barbier[1].

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы, бойся вдохновенья...

---

[1] Какое нам в конце концов дело до грубого крика всех этих горланящих шарлатанов, торговцев пафосом, мастеров напыщенности и всех плясунов, танцующих на фразе?

О. Барбье (франц.).

Оно — тяжелый бред души твоей больной
    Иль пленной мысли раздраженье.
В нем признака небес напрасно не ищи:
    То кровь кипит, то сил избыток!
Скорее жизнь свою в заботах истощи,
    Разлей отравленный напиток!

Случится ли тебе в заветный, чудный миг
    Отрыть в душе давно безмолвной
Еще неведомый и девственный родник,
    Простых и сладких звуков полный, —
Не вслушивайся в них, не предавайся им,
    Набрось на них покров забвенья:
Стихом размеренным и словом ледяным
    Не передашь ты их значенья.

Закрадется ль печаль в тайник души твоей,
    Зайдет ли страсть с грозой и вьюгой, —
Не выходи тогда на шумный пир людей
    С своею бешеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
    То гневом, то тоской послушной,
И гной душевных ран надменно выставлять
    На диво черни простодушной.

Какое дело нам, страдал ты или нет?
    На что́ нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных лет,
    Рассудка злые сожаленья?
Взгляни: перед тобой играючи идет
    Толпа дорогою привычной;
На лицах праздничных чуть виден след забот,
    Слезы не встретишь неприличной.

А между тем из них едва ли есть один,
    Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременных добравшийся морщин
    Без преступленья иль утраты!..
Поверь: для них смешон твой плач и твой укор,
    С своим напевом заученным,
Как разрумяненный трагический актер,
    Махающий мечом картонным...

ТРИ ПАЛЬМЫ

(*Восточное сказание*)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кущей зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые вьюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки

По плечам фариса вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копье на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студеный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне все дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

МОЛИТВА

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

ДАРЫ ТЕРЕКА

Терек воет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:

«Расступись, о старец море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов им, на славу,
Стадо целое пригнал».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:

«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой.
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из корана стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старою враждой;
По затылку чуб заветный
Вьется черною космой».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;
И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:

«Слушай, дядя: дар бесценный!
Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.
По красотке молодице
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою».

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косой размытой,
Колыхаяся, всплыла.

И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.

Он взыграл, веселья полный, —
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.

ПАМЯТИ А. И. О⟨ДОЕВСКО⟩ГО

1

Я знал его: мы странствовали с ним
В горах востока, и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений!

2

Он был рожден для них, для тех надежд,
Поэзии и счастья... Но, безумный —
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной,
И свет не пощадил — и бог не спас!
Но до конца среди волнений трудных,

В толпе людской и средь пустынь безлюдных
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей, и жизнь иную.

3

Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немом кладбище памяти моей!
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челе твоем,
Когда глаза закрылись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый...

4

И было ль то привет стране родной,
Названье ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга,
Кто скажет нам?.. Твоих последних слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряно. Дела твои, и мненья,
И думы — все исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уносит —
Куда они? зачем? откуда? — кто их спросит...

5

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадежной,
Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы нежной...
Что за нужда?.. Пускай забудет свет

Столь чуждое ему существованье:
Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?
Ты не служил ему. Ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье синей степи —

6

И мрачных гор зубчатые хребты...
И вкруг твоей могилы неизвестной
Все, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синеет, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая.

* * *

На буйном пиршестве задумчив он сидел
Один, покинутый безумными друзьями,
И в даль грядущую, закрытую пред нами,
Духовный взор его смотрел.

И помню я, исполнены печали
Средь звона чаш, и криков, и речей,
И песен праздничных, и хохота гостей
Его слова пророчески звучали.

Он говорил: «Ликуйте, о друзья!
Что вам судьбы дряхлеющего мира?..
Над вашей головой колеблется секира,
Но что ж!.. из вас один ее увижу я».

1840

* * *

1-е января

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, — памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком, и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листы
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
    Люблю мечты моей созданье
С глазами полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
    За рощеи первое сиянье.

Так царства дивного всесильный господин —
Я долгие часы просиживал один,
    И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно средь морей
    Цветет на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
    На праздник нѐзванную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
    Облитый горечью и злостью!..

И СКУЧНО И ГРУСТНО

И скучно и грустно, и некому руку подать
    В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..
    А годы проходят — все лучшие годы!

Любить... но кого же?.. на время — не стоит труда,
    А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
    И радость, и муки, и все там ничтожно...

Что страсти?—ведь рано иль поздно их сладкий недуг
    Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем
                                                                        вокруг, —
    Такая пустая и глупая шутка...

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
    Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
    По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
    Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
    Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
    Образок святой:
Ты его, моляся богу,
    Ставь перед собой;
Да готовясь в бой опасный,
    Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
    Баюшки-баю.

⟨М. А. ЩЕРБАТОВОЙ⟩

    На светские цепи,
На блеск утомительный бала
    Цветущие степи
Украйны она променяла,

    Но юга родного
На ней сохранилась примета
    Среди ледяного,
Среди беспощадного света.

    Как ночи Украйны,
В мерцании звезд незакатных,
    Исполнены тайны
Слова ее уст ароматных,

    Прозрачны и сини,
Как небо тех стран, ее глазки,
    Как ветер пустыни,
И нежат и жгут ее ласки.

И зреющей сливы
Румянец на щечках пушистых
И солнца отливы
Играют в кудрях золотистых.

И следуя строго
Печальной отчизны примеру,
В надежду на бога
Хранит она детскую веру;

Как племя родное,
У чуждых опоры не просит
И в гордом покое
Насмешку и зло переносит.

От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.

* * *

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;

Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

СОСЕДКА

Не дождаться мне, видно, свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высокó над землей,
И у двери стоит часовой!

Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.

Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно
Да с двойною решеткой окно;

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду..
Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска подымется вдруг.

На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок,

Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она долго вздыхая,
Видно, буйную думу тая,
Все тоскует по воле, как я.

Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь — отворится клетка,

И, как божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.

У отца ты ключи мне украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к дверям,
Постараюсь я справиться сам.

Избери только ночь потемнее,
Да отцу дай вина похмельнее,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.

ПЛЕННЫЙ РЫЦАРЬ

Молча сижу под окошком темницы;
Синее небо отсюда мне видно:
В небе играют всё вольные птицы;
Глядя на них, мне и больно и стыдно.

Нет на устах моих грешной молитвы,
Нету ни песни во славу любезной:
Помню я только старинные битвы,
Меч мой тяжелый да панцирь железный.

В каменный панцирь я ныне закован,
Каменный шлем мою голову давит,
Щит мой от стрел и меча заколдован,
Конь мой бежит, и никто им не правит.

Быстрое время — мой конь неизменный,
Шлема забрало — решетка бойницы,
Каменный панцирь — высокие стены,
Щит мой — чугунные двери темницы.

Мчись же быстрее, летучее время!
Душно под новой бронею мне стало!
Смерть, как приедем, подержит мне стремя;
Слезу и сдерну с лица я забрало.

ЖУРНАЛИСТ, ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ

Les poètes ressemblent aux ours, qui se nourrissent en suçant leur patte.

Inédit[1].

Комната писателя; опущенные шторы. Он сидит в больших креслах перед камином. Читатель, с сигарой, стоит спиной к камину. Журналист входит.

Журналист

Я очень рад, что вы больны:
В заботах жизни, в шуме света
Теряет скоро ум поэта
Свои божественные сны.
Среди различных впечатлений
На мелочь душу разменяв,
Он гибнет жертвой общих мнений.
Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье?..
Зато какая благодать,
Коль небо вздумает послать
Ему изгнанье, заточенье
Иль даже долгую болезнь:
Тотчас в его уединенье
Раздастся сладостная песнь!
Порой влюбляется он страстно
В свою нарядную печаль...
Ну, что́ вы пишете? нельзя ль
Узнать?

Писатель

Да ничего...

Журналист

Напрасно!

---

[1] Поэты похожи на медведей, которые кормятся тем, что сосут свою лапу.
Неизданное (франц).

Писатель

О чем писать? Восток и юг
Давно описаны, воспеты;
Толпу ругали все поэты,
Хвалили все семейный круг;
Все в небеса неслись душою,
Взывали, с тайною мольбою,
К N. N., неведомой красе, —
И страшно надоели все.

Читатель

И я скажу — нужна отвага,
Чтобы открыть... хоть ваш журнал
(Он мне уж руки обломал):
Во-первых, серая бумага,
Она, быть может, и чиста,
Да как-то страшно без перчаток...
Читаешь — сотни опечаток!
Стихи — такая пустота;
Слова без смысла, чувства нету,
Натянут каждый оборот;
Притом — сказать ли по секрету?
И в рифмах часто недочет.
Возьмешь ли прозу? — перевод.
А если вам и попадутся
Рассказы на родимый лад —
То, верно, над Москвой смеются
Или чиновников бранят.
С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышут?
А если и случалось им,
Так мы их слышать не хотим...
Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?

Журналист

Я точно то же говорю.
Как вы, открыто негодуя,
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.

Читатель

Читал я. Мелкие нападки
На шрифт, виньетки, опечатки,
Намеки тонкие на то,
Чего не ведает никто.
Хотя б забавно было свету!..
В чернилах ваших, господа,
И желчи едкой даже нету —
А просто грязная вода.

Журналист

И с этим надо согласиться.
Но верьте мне, душевно рад
Я был бы вовсе не браниться —
Да как же быть?.. меня бранят!
Войдите в наше положенье!
Читает нас и низший круг:
Нагая резкость выраженья
Не всякий оскорбляет слух;
Приличье, вкус — все так условно;
А деньги все ведь платят ровно!
Поверьте мне: судьбою несть
Даны нам тяжкие вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этот вздор, все эти книги, —
И все зачем? — чтоб вам сказать,
Что их не надобно читать!..

Читатель

Зато какое наслажденье,
Как отдыхает ум и грудь,
Коль попадется как-нибудь
Живое, свежее творенье!

Вот, например, приятель мой:
Владеет он изрядным слогом,
И чувств и мыслей полнотой
Он одарен всевышним богом.

Журналист

Все это так, да вот беда:
Не пишут эти господа.

Писатель

О чем писать?.. Бывает время,
Когда забот спадает бремя,
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна во след другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва;
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг нижутся слова...
Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.
Но эти странные творенья
Читает дома он один,
И ими после без зазренья
Он затопляет свой камин.
Ужель ребяческие чувства,
Воздушный, безотчетный бред
Достойны строгого искусства?
Их осмеет, забудет свет...

Бывают тягостные ночи:
Без сна, горят и плачут очи,
На сердце — жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлет;
Невольный страх власы подъемлет;

Болезненный, безумный крик
Из груди рвется — и язык
Лепечет громко без сознанья
Давно забытые названья;
Давно забытые черты
В сиянье прежней красоты
Рисует память своевольно:
В очах любовь, в устах обман —
И веришь снова им невольно,
И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран...
Тогда пишу. Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум:
То соблазнительная повесть
Сокрытых дел и тайных дум;
Картины хладные разврата,
Преданья глупых юных дней,
Давно без пользы и возврата
Погибших в омуте страстей,
Средь битв незримых, но упорных,
Среди обманщиц и невежд,
Среди сомнений ложно-черных
И ложно-радужных надежд.
Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток...
Но, право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решуся показать...
Скажите ж мне, о чем писать?..

К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь,
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?
Чтоб тайный яд страницы знойной
Смутил ребенка сон покойный
И сердце слабое увлек
В свой необузданный поток?

О нет! преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю.

⟨М. П. СОЛОМИРСКОЙ⟩

Над бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой
Читает на воротах рая
Узоры надписи святой.

И часто тайную отраду
Находит муке неземной,
За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.

Так, разбирая в заточенье
Досель мне чуждые черты,
Я был свободен на мгновенье
Могучей волею мечты.

Залогом вольности желанной,
Лучом надежды в море бед
Мне стал тогда ваш безымянный,
Но вечно памятный привет.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

(Из Цедлица)

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы, и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристает.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один —

Стоит он и тяжко вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок,

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

ОТЧЕГО

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

БЛАГОДАРНОСТЬ

За все, за все тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пустыне,
За все, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

ИЗ ГЕТЕ

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

РЕБЕНКУ

О грезах юности томим воспоминаньем,
С отрадой тайною и тайным содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...

О, если б знало ты, как я тебя люблю!
Как милы мне твои улыбки молодые,
И быстрые глаза, и кудри золотые,
И звонкий голосок! — Не правда ль, говорят,
Ты на нее похож? — Увы! года летят;
Страдания ее до срока изменили,
Но верные мечты тот образ сохранили
В груди моей; тот взор, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебе непрошенные ласки?
Не слишком часто ль я твои целую глазки?
Слеза моя ланит твоих не обожгла ль?
Смотри ж, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мне... К чему? Ее, быть может,
Ребяческий рассказ рассердит иль встревожит...

Но мне ты все поверь. Когда в вечерний час,
Пред образом с тобой заботливо склонясь,
Молитву детскую она тебе шептала,
И в знаменье креста персты твои сжимала,
И все знакомые родные имена
Ты повторял за ней, — скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Бледнея, может быть, она произносила
Название, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя? — звук пустой!
Дай бог, чтоб для тебя оно осталось тайной.
Но если как-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его — ребяческие дни
Ты вспомни, и его, дитя, не проклянн!

А. О. СМИРНОВОЙ

Без вас хочу сказать вам много,
При вас я слушать вас хочу;
Но молча вы глядите строго,
И я в смущении молчу.
Что ж делать?.. Речью неискусной
Занять ваш ум мне не дано...
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно...

К ПОРТРЕТУ

Как мальчик кудрявый, резва,
Нарядна, как бабочка летом;
Значенья пустого слова
В устах ее полны приветом.

Ей нравиться долго нельзя:
Как цепь ей несносна привычка,
Она ускользнет, как змея,
Порхнет и умчится, как птичка.

Таит молодое чело
По воле — и радость и горе.
В глазах — как на небе светло,
В душе ее темно, как в море!

То истиной дышит в ней все,
То все в ней притворно и ложно!
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.

ТУЧИ

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

⟨ВАЛЕРИК⟩

Я к вам пишу случайно; право,
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? — ничего!
Что помню вас? — но, боже правый,
Вы это знаете давно;
И вам, конечно, все равно.

И знать вам также нету нужды,
Где я? что я? в какой глуши?
Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души.
Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разуверяюсь я во всем.
Смешно же сердцем лицемерить
Перед собою столько лет;
Добро б еще морочить свет!
Да и притом, что пользы верить
Тому, чего уж больше нет?..
Безумно ждать любви заочной?
В наш век все чувства лишь на срок;
Но я вас помню — да и точно,
Я вас никак забыть не мог!

Во-первых, потому, что много
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаянье бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум младых проказ,
Любовь, поэзию, — но вас
Забыть мне было невозможно.

И к мысли этой я привык,
Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказанье?
Не все ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе как турок иль татарин
За все я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча зло переношу.
Быть может, небеса Востока
Меня с ученьем их пророка
Невольно сблизили. Притом
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночь и днем,
Все, размышлению мешая,
Приводит в первобытный вид
Больную душу: сердце спит,
Простора нет воображенью...
И нет работы голове...
Зато лежишь в густой траве
И дремлешь под широкой тенью
Чинар иль виноградных лоз,
Кругом белеются палатки;
Казачьи тощие лошадки
Стоят рядком, повеся нос;
У медных пушек спит прислуга.
Едва дымятся фитили;
Попарно цепь стоит вдали;
Штыки горят под солнцем юга.
Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалося и нам;
И вижу я неподалеку
У речки, следуя пророку,
Мирной татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
А вот кружком сидят другие.
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету ноговиц,

Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор.
Чу — дальний выстрел! Прожужжала
Шальная пуля... славный звук...
Вот крик — и снова все вокруг
Затихло... Но жара уж спáла,
Ведут коней на водопой,
Зашевелилася пехота;
Вот проскакал один, другой!
Шум, говор. Где вторая рота?
Что, вьючить? — что же капитан?
Повозки выдвигайте живо!
«Савельич!» — «Ой ли!» — «Дай
огниво!»
Подъем ударил барабан —
Гудит музыка полковая;
Между колоннами въезжая,
Звенят орудья. Генерал
Вперед со свитой поскакал...
Рассыпались в широком поле,
Как пчелы, с гиком казаки;
Уж показалися значки
Там на опушке — два, и боле.
А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит,
Он машет, кличет — где отважный?
Кто выдет с ним на смертный бой!.
Сейчас, смотрите: в шапке черной
Казак пустился гребенской;
Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... выстрел... легкий дым...
Эй, вы, станичники, за ним...
Что? ранен!.. — Ничего, безделка...
И завязалась перестрелка...

Но в этих сшибках удалых
Забавы много, толку мало;
Прохладным вечером, бывало,
Мы любовалися на них,

Без кровожадного волненья,
Как на трагический балет;
Зато видал я представленья,
Каких у вас на сцене нет...

Раз — это было под Гихами —
Мы проходили темный лес;
Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов.
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстилался облаками;
И оживилися леса;
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обоз
В поляну, дело началось;
Чу! в арьергард орудья просят;
Вот ружья из кустов <вы>носят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей;
А вот и слева, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки;
И градом пуль с вершин дерев
Отряд осыпан. Впереди же
Все тихо — там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе.
Пустили несколько гранат;
Еще подвинулись; молчат;
Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблистало;
Потом мелькнуло шапки две;
И вновь все спряталось в траве.
То было грозное молчанье,
Недолго длилося оно,

Но <в> этом странном ожиданье
Забилось сердце не одно.
Вдруг залп... глядим: лежат рядами,
Что нужды? здешние полки
Народ испытанный... «В штыки,
Дружнее!» — раздалось за нами.
Кровь загорелася в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня...
«Ура!» — и смолкло. «Вон кинжалы,
В приклады!» — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

На берегу, под тенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленах; мрачно, грубо
Казалось выраженье лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью... на шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал...
«Спасите, братцы. Тащат в горы.
Постойте — ранен генерал...
Не слышат...» Долго он стонал,
Но все слабей, и понемногу
Затих и душу отдал богу;
На ружья опершись, кругом

Стояли усачи седые...
И тихо плакали... потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли. Тоской томимый,
Им вслед смотрел <я> недвижимый.
Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.
Уже затихло все; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по каменьям,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.
Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.
А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»
Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой; я его спросил,
Как месту этому названье?
Он отвечал мне: «*Валерик*,
А перевесть на ваш язык,
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми». —
«А сколько их дралось примерно
Сегодня?» — «Тысяч до семи». —
«А много горцы потеряли?» —
«Как знать? — зачем вы не считали!» —

«Да! будет, — кто-то тут сказал, —
Им в память этот день кровавый!»
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.

Но я боюся вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть. В самозабвенье
Не лучше ль кончить жизни путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужденье?

Теперь прощайте: если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость,
Я буду счастлив. А не так?
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чудак!..

ЗАВЕЩАНИЕ

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навылет в грудь
Я пулей ранен был,
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... все равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалей;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!

1841

ОПРАВДАНИЕ

Когда одни воспоминанья
О заблуждениях страстей,
Наместо славного названья,
Твой друг оставит меж людей

И будет спать в земле безгласно
То сердце, где кипела кровь,
Где так безумно, так напрасно
С враждой боролася любовь,

Когда пред общим приговором
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будет для тебя позором
Любовь безгрешная твоя, —

Того, кто страстью и пороком
Затмил твои младые дни,
Молю: язвительным упреком
Ты в оный час не помяни.

Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас иной
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

ПОСЛЕДНЕЕ НОВОСЕЛЬЕ

Меж тем как Франция, среди рукоплесканий
И кликов радостных, встречает хладный прах
Погибшего давно среди немых страданий
В изгнанье мрачном и цепях;
Меж тем как мир услужливой хвалою
Венчает позднего раскаянья порыв
И вздорная толпа, довольная собою,

Гордится, прошлое забыв, —
Негодованию и чувству дав свободу,
Поняв тщеславие сих праздничных забот,
Мне хочется сказать великому народу:
Ты жалкий и пустой народ!
Ты жалок потому, что вера, слава, гений,
Все, все великое, священное земли,
С насмешкой глупою ребяческих сомнений
Тобой растоптано в пыли.
Из славы сделал ты игрушку лицемерья,
Из вольности — орудье палача,
И все заветные отцовские поверья
Ты им рубил, рубил сплеча, —
Ты погибал... и *он* явился, с строгим взором,
Отмеченный божественным перстом,
И признан за вождя всеобщим приговором,
И ваша жизнь слилася в нем, —
И вы окрепли вновь в тени его державы,
И мир трепещущий в безмолвии взирал
На ризу чудную могущества и славы,
Которой вас он одевал.
Один, — он был везде, холодный, неизменный,
Отец седых дружин, любимый сын молвы,
В степях египетских, у стен покорной Вены,
В снегах пылающей Москвы!
А вы что делали, скажите, в это время?
Когда в полях чужих он гордо погибал,
Вы потрясали власть избранную, как бремя,
Точили в темноте кинжал?

Среди последних битв, отчаянных усилий,
В испуге не поняв позора своего,
Как женщина, ему вы изменили
И, как рабы, вы предали его!
Лишенный прав и места гражданина,
Разбитый свой венец он снял и бросил сам,
И вам оставил он в залог родного сына —
Вы сына выдали врагам!
Тогда, отяготив позорными цепями,
Героя увезли от плачущих дружин,
И на чужой скале, за синими морями,

Забытый, он угас один —
Один, — замучен мщением бесплодным,
Безмолвною и гордою тоской —
И как простой солдат в плаще своем походном
Зарыт наемною рукой.

*

Но годы протекли, и ветреное племя
Кричит: «Подайте нам священный этот прах!
Он наш; его теперь, великой жатвы семя,
Зароем мы в спасенных им стенах!»
И возвратился он на родину; безумно,
Как прежде, вкруг него теснятся и бегут
И в пышный гроб, среди столицы шумной,
Остатки тленные кладут.
Желанье позднее увенчано успехом!
И краткий свой восторг сменив уже другим,
Гуляя, топчет их с самодовольным смехом
Толпа, дрожавшая пред *ним*.

*

И грустно мне, когда подумаю, что ныне
Нарушена святая тишина
Вокруг того, кто ждал в своей пустыне
Так жадно, столько лет спокойствия и сна!
И если дух вождя примчится на свиданье
С гробницей новою, где прах его лежит,
Какое в нем негодованье
При этом виде закипит!
Как будет он жалеть, печалию томимый,
О знойном острове, под небом дальних стран,
Где сторожил его, как он непобедимый,
Как он великий, океан!

ЛЮБОВЬ МЕРТВЕЦА

Пускай холодною землею
Засыпан я,
О друг! всегда, везде с тобою
Душа моя.

Любви безумного томленья,
Жилец могил,
В стране покоя и забвенья
Я не забыл.

Без страха в час последней муки
Покинув свет,
Отрады ждал я от разлуки —
Разлуки нет.
Я видел прелесть бестелесных
И тосковал,
Что образ твой в чертах небесных
Не узнавал.

Что мне сиянье божьей власти
И рай святой?
Я перенес земные страсти
Туда с собой.
Ласкаю я мечту родную
Везде одну;
Желаю, плачу и ревную
Как в старину.

Коснется ль чуждое дыханье
Твоих ланит,
Моя душа в немом страданье
Вся задрожит.
Случится ль, шепчешь засыпая
Ты о другом,
Твои слова текут пылая
По мне огнем.

Ты не должна любить другого,
Нет, не должна,
Ты мертвецу, святыней слова,
Обручена,
Увы, твой страх, твои моленья,
К чему оне?
Ты знаешь, мира и забвенья
Не надо мне!

⟨ИЗ АЛЬБОМА С. Н. КАРАМЗИНОЙ⟩

Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы
И бури тайные страстей.

Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.

Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор,

Люблю я парадоксы ваши,
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
С<мирновой> штучку, фарсу Саши
И Ишки М<ятлева> стихи...

⟨ГРАФИНЕ РОСТОПЧИНОЙ⟩

Я верю: под одной звездою
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.
Но что ж! — от цели благородной
Оторван бурею страстей,
Я позабыл в борьбе бесплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную вверять...

Так две волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
В пустыне моря голубой:
Их гонит вместе ветер южный;

Но их разрознит где-нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодом привычным,
Они несут брегам различным,
Без сожаленья и любви,
Свой ропот сладостный и томный,
Свой бурный шум, свой блеск заемный
И ласки вечные свои.

ДОГОВОР

Пускай толпа клеймит презреньем
Наш неразгаданный союз,
Пускай людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз.

Но перед идолами света
Не гну колени я мои;
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.

Как ты, кружусь в веселье шумном,
Не отличая никого:
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего.

Земного счастья мы не ценим,
Людей привыкли мы ценить;
Себе мы оба не изменим,
А нам не могут изменить.

В толпе друг друга мы узнали,
Сошлись и разойдемся вновь.
Была без радостей любовь,
Разлука будет без печали.

* * *

На севере диком стоит одиноко
  На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
  Одета, как ризой, она.

И снится ей все, что в пустыне далекой,
  В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
  Прекрасная пальма растет.

УТЕС

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана,
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

СПОР

Как-то раз перед толпою
  Соплеменных гор
У *Казбека* с *Шат-горою* [1]
  Был великий спор.
«Берегись! — сказал Казбеку
  Седовласый Шат, —
Покорился человеку
  Ты недаром, брат!
Он настроит дымных келий

[1] *Шат* — Эльбрус. *(Прим. Лермонтова.)*

По уступам гор;
В глубине твоих ущелий
Загремит топор;
И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и злато,
Врежет страшный путь.
Уж проходят караваны
Через те скалы,
Где носились лишь туманы
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труден
Первый был скачок,
Берегися! многолюден
И могуч Восток!»
«Не боюся я Востока! —
Отвечал Казбек, —
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век.
Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин;
И склонясь в дыму кальяна
На цветной диван,
У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.
Вот у ног Ерусалима,
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вечно чуждый тени,
Моет желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил.
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров
И поет, считая звезды,
Про дела отцов.
Все, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя...

Нет! не дряхлому Востоку
  Покорить меня!»

«Не хвались еще заране! —
  Молвил старый Шат, —
Вот на севере в тумане
  Что-то видно, брат!»

Тайно был Казбек огромный
  Вестью той смущен;
И, смутясь, на север темный
  Взоры кинул он;
И туда в недоуменье
  Смотрит, полный дум:
Видит странное движенье,
  Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
  До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
  Движутся полки;
Веют белые султаны,
  Как степной ковыль,
Мчатся пестрые уланы,
  Подымая пыль;
Боевые батальоны
  Тесно в ряд идут,
Впереди несут знамены,
  В барабаны бьют;
Батареи медным строем
  Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
  Фитили горят.
И, испытанный трудами
  Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
  Генерал седой.
Идут все полки могучи,
  Шумны, как поток,
Страшно медленны, как тучи,
  Прямо на восток.

И томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый —
И не счел врагов.
Грустным взором он окинул
Племя гор своих,
Шапку [1] нá брови надвинул —
И навек затих.

СОН

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилася моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснилися кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

---

[1] Горцы называют шапкою облака, постоянно лежащие на вершине Казбека. *(Прим. Лермонтова.)*

* * *

Sie liebten sich beide, doch keiner
Wollt'es dem andern gestehn.

Heine[1].

Они любили друг друга так долго и нежно,
С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной!
Но, как враги, избегали признанья и встречи,
И были пусты и хладны их краткие речи.

Они расстались в безмолвном и гордом страданье,
И милый образ во сне лишь порою видали.
И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали.

ТАМАРА

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.

И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.

---

[1] Они любили друг друга, но ни один не желал признаться в этом другому.

Гейне (нем.).

И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всесильные чары,
Была непонятная власть.

На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух:
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.

На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчу́г убрана,
Ждала она гостя... Шипели
Пред нею два кубка вина.

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавалися там.

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Лишь Терек в теснине Дарьяла,
Гремя, нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.

И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

СВИДАНЬЕ

1

Уж за горой дремучею
Погас вечерний луч,
Едва струей гремучею
Сверкает жаркий ключ;
Сады благоуханием
Наполнились живым,
Тифлис объят молчанием,
В ущелье мгла и дым.
Летают сны-мучители
Над грешными людьми,
И ангелы-хранители
Беседуют с детьми.

2

Там за твердыней старою
На сумрачной горе
Под свежею чинарою
Лежу я на ковре.
Лежу один и думаю:
«Ужели не во сне
Свиданье в ночь угрюмую
Назначила ты мне?
И в этот час таинственный,
Но сладкий для любви,
Тебя, мой друг единственный,
Зовут мечты мои».

3

Внизу огни дозорные
   Лишь на мосту горят,
И колокольни черные,
   Как сторожи, стоят;
И поступью несмелою
   Из бань со всех сторон
Выходят цепью белою
   Четы грузинских жен;
Вот улицей пустынною
   Бредут, едва скользя...
Но под чадрою длинною
   Тебя узнать нельзя!..

4

Твой домик с крышей гладкою
   Мне виден вдалеке;
Крыльцо с ступенью шаткою
   Купается в реке;
Среди прохлады, веющей
   Над синею *Курой*,
Он сетью зеленеющей
   Опутан плющевой;
За тополью высокою
   Я вижу там окно...
Но свечкой одинокою
   Не светится оно!

5

Я жду. В недоумении
   Напрасно бродит взор:
Кинжалом в нетерпении
   Изрезал я ковер;
Я жду с тоской бесплодною,
   Мне грустно, тяжело...
Вот сыростью холодною
   С востока понесло,
Краснеют за туманами
   Седых вершин зубцы,
Выходят с караванами
   Из города купцы...

6

Прочь, прочь, слеза позорная,
  Кипи, душа моя!
Твоя измена черная
  Понятна мне, змея!
Я знаю, чем утешенный
  По звонкой мостовой
Вчера скакал как бешеный
  Татарин молодой.
Недаром он красуется
  Перед твоим окном
И твой отец любуется
  Персидским жеребцом.

7

Возьму винтовку длинную,
  Пойду я из ворот:
Там под скалой пустынною
  Есть узкий поворот.
До полдня за могильною
  Часовней подожду
И на дорогу пыльную
  Винтовку наведу.
Напрасно грудь колышется!
  Я лег между камней;
Чу! близкий топот слышится...
  А! это ты, злодей!

ЛИСТОК

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот, наконец, докатился до Черного моря.

У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных».

«На что мне тебя? — отвечает младая чинара, —
Ты пылен и желт, — и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима, цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море».

* * *

1

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

2

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

3

Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

* * *

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич! взгляни на меня!»

Фыркает конь и ушами прядет,
Брызжет и плещет и дале плывет.

Слышит царевич: «Я царская дочь!
Хочешь провесть ты с царевною ночь?»

Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелко́вой узды.

Вышла младая потом голова,
В косу вплелася морская трава.

Синие очи любовью горят;
Брызги на шее, как жемчуг, дрожат.

Мыслит царевич: «Добро же! постой!»
За косу ловко схватил он рукой.

Держит, рука боевая сильна:
Плачет и молит и бьется она.

К берегу витязь отважно плывет;
Выплыл; товарищей громко зовет:

«Эй вы! сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьется добыча моя...

Что ж вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»

Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий взгляд.

Видит, лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом;

Хвост чешуею змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь, дрожит;

Пена струями сбегает с чела,
Очи одела смертельная мгла.

Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрек...

Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую дочь!

ПРОРОК

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

СТИХОТВОРЕНИЯ
1828—1836

1828

ОСЕНЬ

Листья в поле пожелтели,
И кружатся, и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою
Уж не любит меж цветов
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь отважный поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл и поле
Сквозь туман лишь серебрит.

ЗАБЛУЖДЕНИЕ КУПИДОНА

Однажды женщины Эрота отодрали;
Досадой раздражен, упрямое дитя,
Напрягши грозный лук и за обиду мстя,
Не смея к женщинам, к нам ярость острой стали,
Не слушая мольбы усерднейшей, стремит.
Ваш подлый род один! — безумный говорит.

С тех пор-то женщина любви не знает!..
И точно как рабов считает нас она...
Так в наказаниях всегда почти бывает:
Которые смирней, на тех падет вина!..

ЦЕВНИЦА

На склоне гор, близ вод, прохожий, зрел ли ты
Беседку тайную, где грустные мечты
Сидят задумавшись? Над ними свод акаций:
Там некогда стоял алтарь и муз и граций,
И куст прелестных роз, взлелеянных весной;
Там некогда, кругом черемухи млечной
Струя свой аромат, шумя, с прибрежной ивой
Шутил подчас зефир и резвый и игривый.
Там некогда моя последняя любовь
Питала сердце мне и волновала кровь!..
Сокрылось все теперь: так поутру туманы
От солнечных лучей редеют средь поляны.
Исчезло все теперь; но ты осталось мне,
Утеха страждущих, спасенье в тишине,
О милое, души святое вспоминанье!
Тебе ж, о мирный кров, тех дней, когда страданье
Не ведало меня, я сохранил залог,
Который умертвить не может грозный рок,
Мое веселие, уж взятое гробницей,
И ржавый предков меч с задумчивой цевницей!

ПОЭТ

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой девы лик священный
Живою кистью окончал, —
Своим искусством восхищенный
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его младой,
И утомленный и немой
Он забывал огонь небесный.

Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры

Чарует свет, и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Все тише, и призра́к бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.

1829

К П......НУ

Забудь, любезный П<етерсо>н,
Мои минувшие сужденья;
Нет! недостоин бедный свет презренья,
Хоть наша жизнь минута сновиденья,
Хоть наша смерть струны порванной звон.
Мой ум его теперь ценить иначе станет.
Навряд ли кто-нибудь из нас страну узрит,
Где дружба дружбы не обманет,
Любовь любви не изменит.
Зачем же все в сем мире бросить,
Зачем и счастья не найти:
Есть розы, друг, и на земном пути!
Их время злобное не все покосит!..
Пусть добродетель в прах падет,
Пусть будут все мольбы творцу бесплодны,
Навеки гений пусть умрет, —
Везде утехи есть толпе простонародной;
Но тот, на ком лежит уныния печать,
Кто, юный, потерял лета златые,
Того не могут услаждать
Ни дружба, ни любовь, ни песни боевые!..

К Д....ВУ

Я пробегал страны России,
Как бедный странник меж людей,
Везде шипят коварства змии;

Я думал: в свете нет друзей!
Нет дружбы нежно-постоянной,
И бескорыстной, и простой;
Но ты явился, гость незваный,
И вновь мне возвратил покой!
С тобою чувствами сливаюсь,
В речах веселых счастье пью;
Но дев коварных не терплю, —
И больше им не доверяюсь!..

ПОСВЯЩЕНИЕ. N. N.

Вот, друг, плоды моей небрежной музы!
Оттенок чувств тебе несу я в дар.
Хоть ты презрел священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринул жар...
Я знаю все: ты ветрен, безрассуден,
И ложный друг уж в сеть тебя завлек;
Но вспоминай, что путь ко счастью труден
От той страны, где царствует порок!..
Готов на все для твоего спасенья!
Я так клялся и к гибели летел;
Но ты молчал и, полный подозренья,
Словам моим поверить не хотел...
Но час придет, своим печальным взором
Ты все прочтешь в немой душе моей;
Тогда — беги, не трать пустых речей, —
Ты осужден последним приговором!..

ПИР

Приди ко мне, любезный друг,
Под сень черемух и акаций,
Чтоб разделить святой досуг
В объятьях мира, муз и граций.
Не мясо тучного тельца,
Не фрукты Греции счастливой

Увидишь ты; не мед, не пиво
Блеснут в стакане пришлеца;
Но за столом любимца Феба
Пирует дружба и она;
А снедь — кусок прекрасный хлеба
И рюмка красного вина.

ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

(Стихи в оригинале найдены во Франции на стенах одной государственной темницы)

Зачем вы на меня,
Любезные друзья,
В решетку так глядите?
Не плачьте, не грустите!
Пускай умру сейчас,
Коль я в углу темницы
Смочил один хоть раз
Слезой мои ресницы!..
Ликуйте вы одне
И чаши осушайте,
Любви в безумном сне
Как прежде утопайте;
Но в пламенном вине
Меня воспоминайте!..

Я также в вашу честь,
Кляня любовь былую,
Хлеб черствый стану есть
И воду пить гнилую!..
Пред мной отличный стол,
И шаткий <и> старинный;
И музыкой ослиной
Скрыпит повсюду пол.
В окошко свет чуть льется;
Я на стене кругом
Пишу стихи углем,
Браню кого придется,
Хвалю кого хочу,

Нередко хохочу,
Что так мне удается!

Иль если крыса, в ночь,
Колпак на мне сгрызает,
Я не гоняю прочь:
Меня увеселяет
Ее бесплодный труд.
Я повернусь — и тут!..
Послыша глас тревоги,
Она — давай бог ноги!..

Я сторожа дверей
Всегда увеселяю,
Смешу — и тем сытей
Всегда почти бываю.
. . . .
. . . .
Тогда я припеваю
. . . .
. . . .
«Тот счастлив, в ком ни раз
Веселья дух не гас.
Хоть он всю жизнь страдает,
Но горесть забывает
В один веселый час!..»

К ДРУЗЬЯМ

Я рожден с душою пылкой,
Я люблю с друзьями быть,
А подчас и за бутылкой
Быстро время проводить.

Я не склонен к славе громкой,
Сердце греет лишь любовь;
Лиры звук дрожащий, звонкой
Мне волнует также кровь.

Но нередко средь веселья
Дух мой страждет и грустит,
В шуме буйного похмелья
Дума на сердце лежит.

РОМАНС

Коварной жизнью недовольный,
Обманут низкой клеветой,
Летел изгнанник самовольный
В страну Италии златой.
«Забуду ль вас, — сказал он, — други?
Тебя, о севера вино?
Забуду ль, в мирные досуги
Как веселило нас оно?

Снега и вихрь зимы холодной,
Горячий взор московских дев,
И балалайки звук народный,
И томный вечера припев?
Душа души моей! тебя ли
Загладят в памяти моей:
Страна далекая, печали,
Язык презрительных людей?

Нет! и под миртом изумрудным,
И на Гельвеции скалах,
И в граде Рима многолюдном
Все будешь ты в моих очах!»
В коляску сел, дорогой скучной,
Закрывшись в плащ, он поскакал;
А колокольчик однозвучный
Звенел, звенел и пропадал!

ПОРТРЕТЫ

I

Он не красив, он не высок;
Но взор горит, любовь сулит;
И на челе оставил рок
Средь юных дней печать страстей.
Власы на нем, как смоль, черны,

Бледны всегда его уста,
Открыты ль, сомкнуты ль они:
Лиют без слов язык богов!..
И пылок он, когда над ним
Грозит бедой перун земной!
Не любит он и славы дым:
Средь тайных мук, свободы друг,
Смеется редко, чаще: вновь
Клянет он мир, где вечно сир,
Коварность, зависть и любовь!..

Все проклял он как лживый сон,
Как призрак дымныя мечты.
Холодный ум, средь мрачных дум,
Не тронут слезы красоты.
Везде один, природы сын,
Не знал он друга меж людей:
Так жертву средь сухих степей
Мчит бури ток сухой листок.

2

Довольно толст, довольно тучен
Наш полновесистый герой.
Нередко весел, чаще скучен,
Любезен, горд, сердит порой.
Он добр, член нашего Парнаса,
Красавицам Москвы смешон,
На крыльях дряхлого Пегаса
Летает в мир мечтанья он.
Глаза не слишком говорливы,
Всегда по моде он одет.
А щечки — полненькие сливы,
Так говорит докучный свет.

3

Лукав, завистлив, зол и страстен,
Отступник бога и людей;
Холоден, всем почти ужасен,
Своими ласками опасен,
А в заключение — злодей!..

4

Все в мире суета, он мнит, или отрава,
Возвышенной души предмет стремленья —
слава.

5

Всегда он с улыбкой веселой,
Жизнь любит и юность румяну,
Но чувства глубоки питает, —
Не знает он тайны природы.
Открытен всегда, постоянен;
Не знает горячих страстей.

6

Он любимец мягкой лени,
Сна и низких всех людей;
Он любимец наслаждений,
Враг губительных страстей!
Русы волосы кудрями
Упадают средь ланит.
Взор изнежен, и устами
Он лишь редко шевелит!..

К ГЕНИЮ

Когда во тьме ночей мой, не смыкаясь, взор
Без цели бродит вкруг, прошедших дней укор
Когда зовет меня невольно к вспоминанью:
Какому тяжкому я предаюсь мечтанью!..
О, сколько вдруг толпой теснится в грудь мою
И теней и любви свидетелей!.. Люблю!
Твержу, забывшись, им. Но, полный весь тоскою,
Неверной девы лик мелькает предо мною...

Так, счастье ведал я, и сладкий миг исчез,
Как гаснет блеск звезды падучей средь небес!
Но я тебя молю, мой неизменный *Гений*:
Дай раз еще любить! дай жаром вдохновений
Согреться миг один, последний, и тогда
Пускай остынет пыл сердечный навсегда.
Но прежде там, где вы, души моей царицы,
Промчится звук моей задумчивой цевницы!
Молю тебя, молю, хранитель мой святой,
Над яблоней мой тирс и с лирой золотой
Повесь и начерти: здесь жили вдохновенья!
Певец знавал любви живые упоенья...
...И я приду сюда и не узнаю вас,
О струны звонкие! . . . . .

. . . .

. . . .

Но ты забыла, друг! когда порой ночной
Мы на балконе там сидели. Как немой,
Смотрел я на тебя с обычною печалью.
Не помнишь ты тот миг, как я, под длинной шалью
Сокрывши голову, на грудь твою склонял —
И был ответом вздох, твою я руку жал —
И был ответом взгляд и страстный и стыдливый!
И месяц был один свидетель молчаливый
Последних и невинных радостей моих!..
Их пламень на груди моей давно затих!..
Но, милая, зачем, как год прошел разлуки,
Как я почти забыл и радости и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня к себе?..
Забудь любовь мою! покорна будь судьбе!
Кляни мой взор, кляни моих восторгов сладость!..
Забудь!.. пускай другой твою украсит младость!..
Ты ж, чистый житель тех неизмеримых стран,
Где стелется эфир, как вечный океан,
И совесть чистая с беспечностью драгою,
Хранители души, останьтесь ввек со мною!
И будет мне луны любезен томный свет,
Как смутный памятник прошедших, милых лет!..

ПОКАЯНИЕ

Дева

Я пришла, святой отец,
Исповедать грех сердечный,
Горесть, роковой конец
Счастья жизни скоротечной!..

Поп

Если дух твой изнемог,
И в сердечном покаянье
Излиешь свои страданья:
Грех простит великий бог!..

Дева

Нет, не в той я здесь надежде,
Чтобы сбросить тягость бед:
Все прошло, что было прежде, —
Где ж найти уплывших лет?
Не хочу я пред небесным
О спасенье слезы лить
Иль спокойствием чудесным
Душу грешную омыть;
Я спешу перед тобою
Исповедать жизнь мою,
Чтоб не умертвить с собою
Все, что в жизни я люблю!
Слушай, тверже будь... скрепися,
Знай, что есть удар судьбы;
Но над мною не молися:
Не достойна я мольбы.
Я не знала, что такое
Счастье юных, нежных дней;
Я не знала о покое,
О невинности детей:
Пылкой страсти вожделенью
Я была посвящена,
И геенскому мученью
Предала меня она!..

Но любови тайна сладость
Укрывалася от глаз;
Вслед за ней бежала младость,
Как бежит за часом час.
Вскоре бедствие узнала
И ничтожество свое:
Я любовью торговала
И не ведала ее.
Исповедать грех сердечный
Я пришла, святой отец!
Счастья жизни скоротечной
Вечный роковой конец.

П о п

Если таешь ты в страданье,
Если дух твой изнемог,
Но не молишь в покаянье:
Не простит великий бог!..

ПИСЬМО

Свеча горит! дрожащею рукою
Я окончал заветные черты,
Болезнь и парка мчались надо мною,
И много в грудь теснилося — и ты
Напрасно чашу мне несла здоровья,
(Так чудилось) с веселием в глазах,
Напрасно стала здесь у изголовья,
И поцелуй любви горел в устах.
Прости навек! — Но вот одно желанье:
Приди ко мне, приди в последний раз,
Чтоб усладить предсмертное страданье,
Чтоб потушить огонь сомкнутых глаз,
Чтоб сжать мою хладеющую руку...
Далеко ты! не слышишь голос мой!
Не при тебе узнаю смерти муку!
Не при тебе оставлю мир земной!

Когда ж письмо в очах твоих печальных
Откроется... прочтешь его... тогда,
Быть может, я, при песнях погребальных,
Сойду в мой дом подземный навсегда!..
Но ты не плачь: мы ближе друг от друга,
Мой дух всегда готов к тебе летать
Или в часы беспечного досуга
Сокрыты прелести твои лобзать...
Настанет ночь; приедешь из собранья
И к ложу тайному придешь одна;
Посмотришь в зеркало, и жар дыханья
Почувствуешь, и не увидишь сна,
И пыхнет огнь на девственны ланиты,
К груди младой прильнет безвестный дух,
И над главой мелькнет призрàк забытый,
И звук влетит в твой удивленный слух.
Узнай в тот миг, что это я из гроба
На мрачное свиданье прилетел:
Так, душная земли немой утроба
Не всех теней презрительный удел!..
Когда ж в санях, в блистательном катанье,
Проедешь ты на паре вороных;
И за тобой в любви живом страданье
Стоит гусар безмолвен, мрачен, тих;
И по груди обоих вас промчится
Невольный хлад, и сердце закипит,
И ты вздохнешь, гусара взор затмится,
Он черный ус рукою закрутит;
Услышишь звук военного металла,
Увидишь бледный цвет его чела:
То тень моя безумная предстала
И мертвый взор на путь ваш навела!..
Ах! много, много я сказать желаю;
Но медленно слабеет жизни дух.
Я чувствую, что к смерти подступаю,
И — падает перо из слабых рук...
Прости!.. Я бегал за лучами славы,
Несчастливо, но пламенно любил,
Все изменило мне, везде отравы,
Лишь лиры звук мне неизменен был!..

ВОЙНА

Зажглась, друзья мои, война;
И развились знамена чести;
Трубой заветною она
Манит в поля кровавой мести!
Простите, шумные пиры,
Хвалы достойные напевы,
И Вакха милые дары,
Святая Русь и красны девы!
Забуду я тебя, любовь,
Сует и юности отравы,
И полечу, свободный, вновь
Ловить венок небренной славы!

РУССКАЯ МЕЛОДИЯ

1

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья;
Вдруг зимних бурь раздался грозный вой, —
И рушилось неверное созданье!..

2

Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой
И бескорыстный и свободный!..

3

Он громкий звук внезапно раздает,
В честь девы милой сердцу и прекрасной —
И звук внезапно струны оборвет,
И слышится начало песни! — но напрасно! —
Никто конца ее не допоет!..

ПЕСНЯ

Светлый призрак дней минувших,
    Для чего ты
Пробудил страстей уснувших
    И заботы?
Ты питаешь сладострастья
    Скоротечность!
Но где взять былое счастье
    И беспечность?..
Где вы, дружески обеты
    И отвага?
Поглотились бездной Леты
    Эти блага!..
Щеки бледностью, хоть молод,
    Уж покрылись;
В сердце ненависть и холод
    Водворились!

К...

Не привлекай меня красой!
Мой дух погас и состарелся.
Ах! много лет как взгляд другой
В уме моем напечатлелся!..
Я для него забыл весь мир,
Для сей минуты незабвенной;
Но я теперь, как нищий, сир,
Брожу один, как отчужденный!
Так путник в темноте ночной,
Когда узрит огонь блудящий,
Бежит за ним... схватил рукой...
И — пропасть под ногой скользящей!..

РОМАНС

Невинный нежною душою,
Не знавши в юности страстей прилив,
Ты можешь, друг, сказать, с какой-то простотою:
    Я был счастлив!..

Кто, слишком рано насладившись,
Живет, в душе негодованье скрыв,
Тот может, друг, еще сказать, забывшись:
Я был счастлив!..

Но я в сей жизни скоротечной
Так испытал отчаянья порыв,
Что не могу сказать чистосердечно:
Я был счастлив!

ТРИ ВЕДЬМЫ

(*Из «Макбета» Ф. Шиллера*)

Первая

Попался мне один рыбак:
Чинил он, весел, сети!
Как будто в рубище, бедняк,
Имел златые горы!
И с песнью день и ночи мрак
Встречал беспечный мой рыбак.
Я ж поклялась ему давно,
Что все сердит меня одно...
Однажды рыбу он ловил,
И клад ему попался;
Клад блеском очи ослепил,
Яд черный в нем скрывался;
Он взял его к себе на двор:
И песен не было с тех пор!

Другие две

Он взял врага к себе на двор:
И песен не было с тех пор!

Первая

И вот где он, там пир горой,
Толпа увеселений —

И прочь, как с крыльями, покой
Быстрей умчался тени.
Не знал безумец молодой,
Что деньги ведьмы — прах пустой!

Вторая и третья

Не знал, глупец, средь тех минут,
Что наши деньги в ад ведут!..

Первая

Но бедность скоро вновь бежит,
Друзья исчезли ложны;
Он прибегал, чтоб скрыть свой стыд,
К врагу людей, безбожный!
И на дороге уж большой
Творил убийство и разбой...
Я ныне близ реки иду
Свободною минутой:
Там он сидел на берегу,
Терзаясь мукой лютой!..
Он говорил: «Мне жизнь пуста!
Вы отвращений полны,
Блаженства, злата!.. вы мечта!..»
И забелели волны.

К НИНЕ

(*Из Шиллера*)

Ах! сокрылась в мрак ненастный
Счастья прошлого мечта!..
По одной звезде прекрасной
Млею, бедный сирота.
Но как блеск звезды моей,
Ложно счастье прежних дней.

Пусть навек с златым мечтаньем,
Пусть тебе глаза закрыть,

Сохраню тебя страданьем:
Ты для сердца будешь жить.
Но, увы! ты любишь свет:
И любви моей как нет!

Может ли любви страданье,
Нина! некогда пройти?
Бури света волнованье
Чувств горячих унести?
Иль умрет небесный жар,
Как земли ничтожный дар?..

К N. N.

Ты не хотел! но скоро волю рока
Узнаешь ты и в бездну упадешь;
Проколет грудь раскаяния нож.
Предстану я без горького упрека,
Но ты тогда совсем мой взор поймешь;
Но он тебе, как меч, как яд, опасен;
Захочешь ты проступку вновь помочь;
Нет, поздно, друг, твой будет труд напрасен:
Обратно взор тебя отгонит прочь!..
Я оттолкну униженную руку,
Я вспомню дружбу нашу как во сне;
Никто со мной делить не будет скуку;
Таких друзей не надо больше мне;
Ты хладен был, когда я зрел несчастье
Или удар печальной клеветы;
Но придет час: и будешь в горе ты,
И не пробудится в душе моей участье!..

НАПОЛЕОН

Где бьет волна о брег высокой,
Где дикий памятник небрежно положен,
В сырой земле и в яме неглубокой —

Там спит герой, друзья! — Наполеон!..
Вещают так и камень одинокой,
И дуб возвышенный, и волн прибрежных
стон!..

Но вот полночь свинцовый свой покров
По сводам неба распустила,
И влагу дремлющих валов
С могилой тихою Диана осребрила.
Над ней сюда пришел мечтать
Певец возвышенный, но юный;
Воспоминания стараясь пробуждать,
Он арфу взял, запел, ударил в струны

«Не ты ли, островок уединенный,
Свидетелем был чистых дней
Героя дивного? Не здесь ли звук мечей
Гремел, носился глас его священный?
Нет! рок хотел отсюда удалить
И честолюбие, и кровь, и гул военный;
А твой удел благословенный:
Принять изгнанника и прах его хранить!

Зачем он так за славою гонялся?
Для чести счастье презирал?
С невинными народами сражался?
И скипетром стальным короны разбивал?
Зачем шутил граждан спокойных
кровью,
Презрел и дружбой и любовью
И пред творцом не трепетал?..

Ему, погибельно войною принужденный,
Почти весь свет кричал: ура!
При визге бурного ядра
Уже он был готов — но... воин дерзновен-
ный!..
Творец смешал неколебимый ум,
Ты побежден московскими стенами...
Бежал!.. и скрыл за дальними морями
Следы печальные твоих высоких дум.

Огнем снедаем угрызений,
Ты здесь безвременно погас.
Покоен ты; и в тихий утра час,
Как над тобой порхнет зефир весенний,
Безвестный гость, дубравный соловей,
Порою издает томительные звуки,
В них слышны: слава прежних дней,
И голос нег, и голос муки!..

Когда уже едва свет дневный отражен
Кристальною играющей волною
И гаснет день: усталою стопою
Идет рыбак брегов на тихий склон,
Несведущий, безмолвно попирает,
Таща изорванную сеть,
Ту землю, где твой прах забытый истлевает,
Не перестав простую песню петь...»
. . . .

Вдруг!.. ветерок... луна за тучи забежала...
Умолк певец. Струится в жилах хлад;
Он тайным ужасом объят...
И струны лопнули... и тень ему предстала:
«Умолкни, о певец! — спеши отсюда прочь, —
С хвалой иль язвою упрека:
Мне все равно; в могиле вечно ночь.
Там нет ни почестей, ни счастия, ни рока!
Пускай историю страстей
И дел моих хранят далекие потомки:
Я презрю песнопенья громки;
Я выше и похвал, и славы, и людей!..»

ПАН

(В древнем роде)

Люблю, друзья, когда за речкой гаснет день,
Укрывшися лесов в таинственную сень,
Или под ветвями пустынныя рябины,
Смотреть на синие, туманные равнины.

Тогда приходит Пан с толпою пастухов;
И пляшут вкруг меня на бархате лугов.
Но чаще бог овец ко мне в уединенье
Является, ведя святое вдохновенье:
Главу рогатую ласкает легкий хмель,
В одной руке его стакан, в другой свирель!
Он учит петь меня; и я в тиши дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы.

ЖАЛОБЫ ТУРКА

(*Письмо. К другу, иностранцу*)

Ты знал ли дикий край, под знойными лучами,
Где рощи и луга поблекшие цветут?
Где хитрость и беспечность злобе дань несут?
Где сердце жителей волнуемо страстями?
И где являются порой
Умы и хладные и твердые, как камень?
Но мощь их давится безвременной тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный пламень.
Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчизна!

P. S. Ах, если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки;
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? — Все мы человеки!..

К N. N.***

Не играй моей тоской,
И холодной и немой.
Для меня бывает время:
Как о прошлом вспомню я,
Сердце (бог тому судья)
Жмет неведомое бремя!..

Я хладею и горю,
Сам с собою говорю;
Внемлю смертному напеву;
Я гляжу на бег реки,
На удар моей руки,
На поверженную деву!

Я ищу в ее глазах,
В изменившихся чертах,
Искру муки, угрызенья;
Но напрасно! злобный рок
Начертать сего не мог,
Чтоб мое спокоить мщенье!..

ЧЕРКЕШЕНКА

Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый
И нравы тихой простоты!

Но там, где Терек протекает,
Черкешенку я увидал, —
Взор девы сердце приковал;
И мысль невольно улетает
Бродить средь милых, дальных скал...

Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит
Узреть еще небесный вид:
Так стон любви, страстей и муки
До гроба в памяти звучит.

ОТВЕТ

Кто муки знал когда-нибудь
И чьи к любви закрылись вежды,
Того от страха и надежды

Вторично не забьется грудь.
Он любит мрак уединенья,
Он больше незнаком с слезой,
Пред ним исчезли упоенья
Мечты бесплодной и пустой.
Он чувств лишен: так пень лесной,
Постигнут молньей, догорает,
Погас — и скрылся жизни сок,
Он мертвых ветвей не питает, —
На нем печать оставил рок.

ДВА СОКОЛА

Степь, синея, расстилалась
Близ Азовских берегов;
Запад гас, и ночь спускалась;
Вихрь скользил между холмов.
И, тряхнувшись, в поле диком
Серый сокол тихо сел;
И к нему с ответным криком
Брат стрелою прилетел.
«Братец, братец, что ты видел?
Расскажи мне поскорей».
«Ах, я свет возненавидел
И безжалостных людей».
«Что ж ты видел там худого?»
«Кучу каменных сердец:
Деве смех тоска ми́лого,
Для детей тиран отец.
Девы мукой слез правдивых
Веселятся как игрой;
И у ног самолюбивых
Гибнут юноши толпой!..
Братец, братец! ты что ж видел?
Расскажи мне поскорей!»
«Свет и я возненавидел
И изменчивых людей.
Ношею обманов скрытых
Юность там удручена;

Вспоминаний ядовитых
Старость мрачная полна.
Гордость, верь ты мне, прекрасной
Забывается порой;
Но измена девы страстной
Нож для сердца вековой!..»

ГРУЗИНСКАЯ ПЕСНЯ

Жила грузинка молодая,
В гареме душном увядая;
   Случилось раз:
   Из черных глаз
Алмаз любви, печали сын,
      Скатился:
Ах, ею старый армянин
      Гордился!..

Вокруг нее кристалл, рубины;
Но как не плакать от кручины
   У старика?
   Его рука
Ласкает деву всякий день:
      И что же? —
Скрываются красы как тень.
      О боже!..

Он опасается измены.
Его высоки, крепки стены;
   Но все любовь
   Презрела. Вновь
Румянец на щеках живой
      Явился.
И перл между ресниц порой
      Не бился...

Но армянин открыл коварность,
Измену и неблагодарность
   Как перенесть!

Досада, месть,
Впервые вас он только сам
Изведал!
И труп преступницы волнам
Он предал.

МОЙ ДЕМОН

Собранье зол его стихия.
Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров.
Меж листьев желтых, облетевших,
Стоит его недвижный трон;
На нем, средь ветров онемевших,
Сидит уныл и мрачен он.
Он недоверчивость вселяет,
Он презрел чистую любовь,
Он все моленья отвергает,
Он равнодушно видит кровь,
И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей,
И муза кротких вдохновений
Страшится неземных очей.

ЖЕНА СЕВЕРА

Покрыта таинств легкой сеткой,
Меж скал полуночной страны
Она являлася нередко
В года волшебной старины.
И Финна дикие сыны
Ей храмины сооружали,
Как грозной дочери богов,
И скальды северных лесов
Ей вдохновенье посвящали.
Кто зрел ее, тот умирал.

И слух в угрюмой полуночи
Бродил, что будто как металл
Язвили голубые очи.
И только скальды лишь могли
Смотреть на деву издали.
Они платили песнопеньем
За пламенный восторга час;
И пробужден немым виденьем
Был строен их невнятный глас!..

К ДРУГУ

Взлелеянный на лоне вдохновенья,
С деятельной и пылкою душой,
Я не пленен небесной красотой;
Но я ищу земного упоенья.
Любовь пройдет, как тень пустого сна.
Не буду я счастливым близ прекрасной;
Но ты меня не спрашивай напрасно:
Ты, друг, узнать не должен, кто она.
Навек мы с ней разлучены судьбою,
Я победить жестокость не умел.
Но я ношу отказ и месть с собою,
Но я в любви моей закоренел.
Так вор седой заглохшия дубравы
Не кается еще в своих грехах:
Еще он путников, соседей страх,
И мил ему товарищ, нож кровавый!..
Стремится медленно толпа людей,
До гроба самого от самой колыбели,
Игралищем и рока и страстей,
К одной, святой, неизъяснимой цели.
И я к высокому в порыве дум живых,
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставлю их...

ЭЛЕГИЯ

О! Если б дни мои текли
На лоне сладостном покоя и забвенья,
Свободно от сует земли
И далеко от светского волненья,
Когда бы, усмиря мое воображенье,
Мной игры младости любимы быть могли,
Тогда б я был с весельем неразлучен,
Тогда б я, верно, не искал
Ни наслаждения, ни славы, ни похвал.
Но для меня весь мир и пуст и скучен,
Любовь невинная не льстит душе моей:
Ищу измен и новых чувствований,
Которые живят хоть колкостью своей
Мне кровь, угасшую от грусти, от страданий,
От преждевременных страстей!..

К***

Глядися чаще в зеркала,
Любуйся милыми очами,
И света шумная хвала
С моими скромными стихами
Тебе покажутся ясней...
Когда же вздох самодовольный
Из груди вырвется невольно,
Когда в младой душе своей
Самолюбивые волненья
Не будешь в силах утаить:
Мою любовь, мои мученья
Ты оправдаешь, может быть!..

К***

Мы снова встретились с тобой,
Но как мы оба изменились!..
Года унылой чередой

От нас невидимо сокрылись.
Ищу в глазах твоих огня,
Ищу в душе своей волненья.
Ах, как тебя, так и меня
Убило жизни тяготенье!..

МОНОЛОГ

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем
свете.
К чему глубокие познанья, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?
Мы, дети севера, как здешние растенья,
Цветем недолго, быстро увядаем...
Как солнце зимнее на сером небосклоне,
Так пасмурна жизнь наша. Так недолго
Ее однообразное теченье...
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжко, и душа тоскует...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша;
И уж ничто души не веселит.

ВСТРЕЧА

(*Из Шиллера*)

I

Она одна меж дев своих стояла,
Еще я зрю ее перед собой;
Как солнце вешнее, она блистала
И радостной и гордой красотой.
Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрел на милый рой;
Но вдруг, как бы летучие перуны,
Мои персты ударились о струны.

2

Что я почувствовал в сей миг чудесный
И что я пел, напрасно вновь пою.
Я звук нашел дотоле неизвестный,
Я мыслей чистую излил струю.
Душе от чувств высоких стало тесно,
И вмиг она расторгла цепь свою,
В ней вспыхнули забытые виденья,
И страсти юные, и вдохновенья.

БАЛЛАДА

Над морем красавица дева сидит
И, к другу ласкаяся, так говорит:

«Достань ожерелье, спустися на дно;
Сегодня в пучину упало оно!

Ты этим докажешь свою мне любовь!»
Вскипела лихая у юноши кровь,

И ум его обнял невольный недуг,
Он в пенную бездну кидается вдруг.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся, и мчатся назад,

И снова приходят и о берег бьют,
Вот милого друга они принесут.

О счастье! он жив, он скалу ухватил,
В руке ожерелье, но мрачен как был.

Он верить боится усталым ногам,
И влажные кудри бегут по плечам...

«Скажи, не люблю иль люблю я тебя,
Для перлов прекрасной и жизнь не щадя,

По слову спустился на черное дно,
В коралловом гроте лежало оно.

Возьми!» — и печальный он взор устремил
На то, что дороже он жизни любил.

Ответ был: «О милый, о юноша мой!
Достань, если любишь, коралл дорогой».

С душой безнадежной младой удалец
Прыгнул, чтоб найти иль коралл, иль конец.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся, и мчатся назад,

И снова приходят и о берег бьют,
Но милого друга они не несут.

ПЕРЧАТКА

(*Из Шиллера*)

Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали;
Меж них сидел
Король величаво на троне;
Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасный блестел.

Вот царскому знаку внимают.
Скрыпучую дверь отворяют,
И лев выходит степной
Тяжелой стопой.
И молча вдруг
Глядит вокруг.
Зевая лениво,
Трясет желтой гривой

И, всех обозрев,
Ложится лев.

И царь махнул снова,
И тигр суровый
С диким прыжком
Взлетел опасный
И, встретясь с львом,
Завыл ужасно;
Он бьет хвостом,
Потом
Тихо владельца обходит,
Глаз кровавых не сводит...
Но раб пред владыкой своим
Тщетно ворчит и злится:
И невольно ложится
Он рядом с ним.

Сверху тогда упади
Перчатка с прекрасной руки
Судьбы случайной игрою
Между враждебной четою.

И к рыцарю вдруг своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь:
«Рыцарь, пытать я сердца люблю.
Если сильна так любовь у вас,
Как вы твердите мне каждый час,
То подымите перчатку мою!»

И рыцарь с балкона в минуту бежит,
И дерзко в круг он вступает,
На перчатку меж диких зверей он глядит
И смелой рукой подымает.

И зрители в робком вокруг ожиданье,
Трепеща, на юношу смотрят в молчанье.
Но вот он перчатку приносит назад.
Отвсюду хвала вылетает,
И нежный, пылающий взгляд —

Недального счастья заклад —
С рукой девицы героя встречает.
Но досады жестокой пылая в огне,
Перчатку в лицо он ей кинул:
«Благодарности вашей не надобно мне!» —
И гордую тотчас покинул.

ДИТЯ В ЛЮЛЬКЕ

(*Из Шиллера*)

Счастлив ребенок! и в люльке просторно ему: но дай время
Сделаться мужем, и тесен покажется мир.

К*

(*Из Шиллера*)

Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь:
На кой мне черт душа твоя!..

МОЛИТВА

Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья

Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, боже, не тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращусь.

1830

КАВКАЗ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор,
Пять лет пронеслось: все тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, воспомня тот взор:
Люблю я Кавказ!..

К***

Не говори: одним высоким
Я на земле воспламенен,
К нему лишь с чувством я глубоким
Бужу забытой лиры звон;
Поверь: великое земное

Различно с мыслями людей.
Сверши с успехом дело злое —
Велик; не удалось — злодей;
Среди дружин необозримых
Был чуть не бог Наполеон;
Разбитый же в снегах родимых,
Безумцем порицаем он;
Внимая шум воды прибрежной,
В изгнанье дальном он погас —
И что ж? Конец его мятежный
Не отуманил наших глаз!..

ОПАСЕНИЕ

Страшись любви: она пройдет,
Она мечтой твой ум встревожит,
Тоска по ней тебя убьет,
Ничто воскреснуть не поможет.

Краса, любимая тобой,
Тебе отдаст, положим, руку...
Года мелькнут... летун седой
Укажет вечную разлуку...

И беден, жалок будешь ты,
Глядящий с кресел иль подушки
На безобразные черты
Твоей докучливой старушки,

Коль мысли о былых летах
В твой ум закрадутся порою
И вспомнишь, как на сих щеках
Играло жизнью молодою...

Без друга лучше дни влачить
И к смерти радостней клониться,
Чем два удара выносить
И сердцем о двоих крушиться!..

СТАНСЫ

Люблю, когда, борясь с душою,
Краснеет девица моя:
Так перед вихрем и грозою
Красна вечерняя заря.

Люблю и вздох, что ночью лунной
В лесу из уст ее скользит:
Звук тихий арфы златострунной
Так с хладным ветром говорит.

Но слаще встретить средь моленья
Ее слезу очам моим:
Так, зря спасителя мученья,
Невинный плакал херувим.

Н. Ф. И....вой

Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожаленье;

Счастливцы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.

Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы,
Меня бы примирила ты
С людьми и с буйными страстями;

Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперился изумленный.

Ты покачала головой,
Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослепленный.

Я, веруя твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился,
Однако же нашел я там,
Что ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился,

К тому, чего даны в залог
С толпою звезд ночные своды,
К тому, что обещал нам бог
И что б уразуметь я мог
Через мышления и годы.

Но пылкий, но суровый нрав
Меня грызет от колыбели...
И в жизни зло лишь испытав,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум печальной цели.

* * *

Ты помнишь ли, как мы с тобою
Прощались позднею порою?
Вечерний выстрел загремел,
И мы с волнением внимали...
Тогда лучи уж догорали,
И на море туман густел;
Удар с усилием промчался
И вдруг за бездною скончался.

Окончив труд дневных работ,
Я часто о тебе мечтаю,
Бродя вблизи пустынных вод,
Вечерним выстрелам внимаю.
И между тем как чередой
Глушит волнами их седыми,
Я плачу, я томим тоской,
Я умереть желаю с ними...

ВЕСНА

Когда весной разбитый лед
Рекой взволнованной идет,
Когда среди лугов местами
Чернеет голая земля
И мгла ложится облаками
На полуюные поля, —
Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей;
Гляжу, природа молодеет,
Не молодеть лишь только ей;
Ланит спокойных пламень алый
С собою время уведет,
И тот, кто так страдал, бывало,
Любви к ней в сердце не найдет.

НОЧЬ. I

Я зрел во сне, что будто умер я;
Душа, не слыша на себе оков
Телесных, рассмотреть могла б яснее
Весь мир — но было ей не до того;
Боязненное чувство занимало
Ее; я мчался без дорог; пред мною
Не серое, не голубое небо
(И мнилося, не небо было то,
А тусклое, бездушное пространство)
Виднелось; и ничто вокруг меня
Различных теней кинуть не могло,
Которые по нем мелькали;
И два противных диких звуков,
Два отголоска целыя природы,
Боролися — и ни один из них
Не мог назваться побежденным. Страх
Припомнить жизни гнусные деянья
Иль о добре свершенном возгордиться
Мешал мне мыслить; и летел, летел я
Далёко без желания и цели —

И встретился мне светозарный ангел;
И так, сверкнувши взором, мне сказал:
«Сын праха — ты грешил — и наказанье
Должно тебя постигнуть, как других:
Спустись на землю — где твой труп
Зарыт; ступай и там живи, и жди,
Пока придет спаситель — и молись...
Молись—страдай... и выстрадай прощенье...»
И снова я увидел край земной;
Досадой вид его меня наполнил,
И боль душевных ран, на краткий миг
Лишь заглушенная боязнью, с новой силой
Огнем отчаянья возобновилась;
И (странно мне), когда увидел ту,
Которую любил так сильно прежде,
Я чувствовал один холодный трепет
Досады горькой — и толпа друзей
Ликующих меня не удержала,
С презрением на кубки я взглянул,
Где грех с вином кипел, — воспоминанье
В меня впилось когтями, — я вздохнул,
Так глубоко, как только может мертвый —
И полетел к своей могиле. Ах!
Как беден тот, кто видит, наконец,
Свое ничтожество и в чьих глазах
Все, для чего трудился долго он, —
На воздух разлетелось...
И я сошел в темницу, узкий гроб,
Где гнил мой труп, — и там остался я;
Здесь кость была уже видна — здесь мясо
Кусками синее висело — жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью...
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И поедали жадно свою пищу;
Червяк то выползал из впадин глаз,
То вновь скрывался в безобразный череп,
И каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою,

Последнего, единственного друга,
Делившего ее земные муки, —
И я помочь ему желал — но тщетно —
Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем — и черви умножались;
Они дрались за пищу остальную
И смрадную сырую кожу грызли,
Остались кости — и они исчезли;
В гробу был прах... и больше ничего...
Одною полон мрачною заботой,
Я припадал на бренные останки,
Стараясь их дыханием согреть...
О, сколько б я тогда отдал земных
Блаженств, чтоб хоть одну — одну минуту
Почувствовать в них теплоту. Напрасно,
Они остались хладны — хладны — как презренье!
Тогда я бросил дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех людей, —
И мне блеснула мысль: (творенье ада)
Что, если время совершит свой круг
И погрузится в вечность невозвратно,
И ничего меня не успокоит,
И не придут сюда простить меня?..
И я хотел изречь хулы на небо —
Хотел сказать: .
Но голос замер мой — и я проснулся.

РАЗЛУКА

Я виноват перед тобою,
Цены услуг твоих не знал.
Слезами горькими, тоскою
Я о прощенье умолял,
Готов был, ставши на колени,
Проступком называть мечты;
Мои мучительные пени
Бессмысленно отвергнул ты.
Зачем так рано, так ужасно

Я должен был узнать людей
И счастьем жертвовать напрасно
Холодной гордости твоей?..
Свершилось! Вечную разлуку
Трепеща вижу пред собой...
Ледяную встречаю руку
Моей пылающей рукой.
Желаю, чтоб воспоминанье
В чужих людях, в чужой стране
Не принесло тебе страданье
При сожаленье обо мне...

НОЧЬ. II

Погаснул день! — и тьма ночная своды
Небесные как саваном покрыла.
Кой-где во тьме вертелись и мелькали
Светящиеся точки,
И между них земля вертелась наша;
На ней, спокойствием объятой тихим,
Уснуло все — и я один лишь не спал.
Один я не спал... страшным полусветом,
Меж радостью и горестью срединой,
Мое теснилось сердце — и желал я
Веселие или печаль умножить
Воспоминаньем о убитой жизни:
Последнее, однако, было легче!..

Вот с запада *Скелет* неизмеримый
По мрачным сводам начал подниматься
И звезды заслонил собою...
И целые миры пред ним уничтожались,
И все трещало под его шагами, —
Ничтожество за ними оставалось —
И вот приблизился к земному шару
Гигант всесильный — все на ней уснуло,
Ничто встревожиться не мыслило — единый,
Единый смертный видел, что не дай бог
Созданию живому видеть...

И вот *он* поднял костяные руки —
И в каждой *он* держал по человеку,
Дрожащему — и мне они знакомы были —
И кинул взор на них я — и заплакал!..
И странный голос вдруг раздался:
«Малодушный!
Сын праха и забвения, не ты ли,
Изнемогая в муках нестерпимых,
Ко мне взывал, — я здесь: я смерть!..
Мое владычество безбрежно!..
Вот двое. Ты их знаешь — ты любил их...
Один из них погибнет. Позволяю
Определить неизбежимый жребий...
И ты умрешь, и в вечности погибнешь —
И их нигде, нигде вторично не увидишь —
Знай, как исчезнет время, так и люди,
Его рожденье — только бог лишь вечен...

Решись, несчастный!..»
Тут невольный трепет
По мне мгновенно начал разливаться,
И зубы, крепко застучав, мешали
Словам жестоким вырваться из груди;
И наконец, преодолев свой ужас,
К скелету я воскликнул: «Оба! оба!..
Я верю: нет свиданья — нет разлуки!..
Они довольно жили, чтобы вечно
Продлилося их наказанье.
Ах! — и меня возьми, земного червя —
И землю раздроби, гнездо разврата,
Безумства и печали!..
Все, все берет она у нас обманом
И не дарит нам ничего — кроме рожденья!..
Проклятье этому подарку!..
Мы без него тебя бы не знавали,
Поэтому и тщетной, бедной жизни,
Где нет надежд — и всюду опасенья.
Да гибнут же друзья мои, да гибнут!..
Лишь об одном я буду плакать:
Зачем они не дети!..»

И видел я, как руки костяные
Моих друзей сдавили — их не стало —
Не стало даже призраков и теней...
Туманом облачился образ смерти,
И — так пошел на север. Долго, долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на творца роптал, страшась молиться!..

НЕЗАБУДКА

(Сказка)

В старинны годы люди были
Совсем не то, что в наши дни;
(Коль в мире есть любовь) любили
Чистосердечнее они.
О древней верности, конечно,
Слыхали как-нибудь и вы,
Но как сказания молвы
Все дело перепортят вечно,
То я вам точный образец
Хочу представить наконец.
У влаги ручейка холодной,
Под тенью липовых ветвей,
Не опасаясь злых очей,
Однажды рыцарь благородный
Сидел с любезною своей...
Тихонько ручкой молодою
Она красавца обняла.
Полна невинной простотою,
Беседа мирная текла.

«Друг, не клянися мне напрасно, —
Сказала дева, — верю я;
Ясна, чиста любовь твоя,
Как эта звонкая струя,
Как этот свод над нами ясный;
Но как она в тебе сильна,

Еще не знаю. Посмотри-ка,
Там рдеет пышная гвоздика,
Но нет: гвоздика не нужна;
Подалее, как ты унылый,
Чуть виден голубой цветок...
Сорви же мне его, мой милый:
Он для любви не так далек!»

Вскочил мой рыцарь, восхищенный
Ее душевной простотой;
Через ручей прыгнув, стрелой
Летит он цветик драгоценный
Сорвать поспешною рукой...
Уж близко цель его стремленья,
Как вдруг под ним (ужасный вид)
Земля неверная дрожит,
Он вязнет, нет ему спасенья!..
Взор кинув, полный весь огня,
Своей красавице безгласной:
«Прости, не позабудь меня!» —
Воскликнул юноша несчастный;
И мигом пагубный цветок
Схватил рукою безнадежной
И сердца пылкого в залог
Его он кинул деве нежной.

Цветок печальный с этих пор
Любови дорог; сердце бьется,
Когда его приметит взор.
Он незабудкою зовется;
В местах сырых, вблизи болот,
Как бы страшась прикосновенья,
Он ищет там уединенья,
И цветом *неба* он цветет,
Где смерти нет и нет забвенья...

Вот повести конец моей;
Судите: быль иль небылица.
А виновата ли девица —
Сказала, верно, совесть ей!

СОВЕТ

Если, друг, тебе сгрустнется,
Ты не дуйся, не сердись:
Все с годами пронесется —
Улыбнись и разгрустись.
Дев измены молодые,
И неверный путь честей,
И мгновенья скуки злые
Стоят ли тоски твоей?

Не ищи страстей тяжелых;
И покуда бог дает,
Нектар пей часов веселых;
А печаль сама придет.
И, людей не презирая,
Не берись учить других;
Лучшим быть не воображая,
Скоро ты полюбишь их.

Сердце глупое творенье,
Но и с сердцем можно жить,
И безумное волненье
Можно также укротить...
Беден, кто, судьбы в ненастье
Все надежды испытав,
Наконец находит счастье,
Чувство счастья потеряв.

ОДИНОЧЕСТВО

Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье — все готовы:
Никто не хочет грусть делить.

Один я здесь, как царь воздушный,
Страданья в сердце стеснены,
И вижу, как, судьбе послушно,
Года уходят, будто сны;

И вновь приходят, с позлащенной,
Но той же старою мечтой,
И вижу гроб уединенный,
Он ждет; что ж медлить над землей?

Никто о том не покрушится,
И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,
Чем о рождении моем...

В АЛЬБОМ

1

Нет! — я не требую вниманья
На грустный бред души моей,
Не открывать свои желанья
Привыкнул я с давнишних дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтоб здесь чрез много скучных лет
От жизни краткой, но мятежной
Какой-нибудь остался след.

2

Быть может, некогда случится,
Что, все страницы пробежав,
На эту взор ваш устремится,
И вы промолвите: он прав;
Быть может, долго стих унылый
Тот взгляд удержит над собой,
Как близ дороги столбовой
Пришельца — памятник могилы!..

ГРОЗА

Ревет гроза, дымятся тучи
Над темной бездною морской,
И хлещут пеною кипучей,
Толпяся, волны меж собой.

Вкруг скал огнистой лентой вьется
Печальной молнии змея,
Стихий тревожный рой мятется —
И здесь стою недвижим я.
Стою — ужель тому ужасно
Стремленье всех надземных сил,
Кто в жизни чувствовал напрасно
И жизнию обманут был?
Вокруг кого, сей яд сердечный,
Вились сужденья клеветы,
Как вкруг скалы остроконечной,
Губитель-пламень, вьешься ты?

О нет! — летай, огонь воздушный,
Свистите, ветры, над главой;
Я здесь, холодный, равнодушный,
И трепет не знаком со мной.

* * *

Гроза шумит в морях с конца в конец.
Корабль летит по воле бурных вод,
Один на нем спокоен лишь пловец,
Чело печать глубоких дум несет,
Угасший взор на тучи устремлен —
Не ведают, ни кто, ни что здесь он!..

Конечно, он живал между людей
И знает жизнь от сердца своего;
Крик ужаса, моленья, скрып снастей
Не трогают молчания его.

ЗВЕЗДА

Светись, светись, далекая звезда,
Чтоб я в ночи встречал тебя всегда;
Твой слабый луч, сражаясь с темнотой,
Несет мечты душе моей больной;

Она к тебе летает высоко;
И груди сей свободно и легко...
Я видел взгляд, исполненный огня
(Уж он давно закрылся для меня),
Но, как к тебе, к нему еще лечу
И хоть нельзя — смотреть его хочу...

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Я видал иногда, как ночная звезда
В зеркальном заливе блестит;
Как трепещет в струях и серебряный прах
От нее, рассыпаясь, бежит.

Но поймать ты не льстись и ловить не берись:
Обманчивы луч и волна.
Мрак тени твоей только ляжет на ней —
Отойди ж, — и заблещет она.

Светлой радости так беспокойный призрак
Нас манит под хладною мглой;
Ты схватить — он шутя убежит от тебя!
Ты обманут — он вновь пред тобой.

ВЕЧЕР ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Гляжу в окно: уж гаснет небосклон,
Прощальный луч на вышине колонн,
На куполах, на трубах и крестах
Блестит, горит в обманутых очах;
И мрачных туч огнистые края
Рисуются на небе как змея,
И ветерок, по саду пробежав,
Волнует стебли омоченных трав...
Один меж них приметил я цветок,
Как будто перл, покинувший восток,
На нем вода блистаючи дрожит,
Главу свою склонивши, он стоит,

Как девушка в печали роковой:
Душа убита, радость над душой;
Хоть слезы льет из пламенных очей,
Но помнит все о красоте своей.

НАПОЛЕОН
(*Дума*)

В неверный час, меж днем и темнотой,
Когда туман синеет над водой,
В час грешных дум, видений, тайн и дел,
Которых луч узреть бы не хотел,
А тьма укрыть, чья тень, чей образ там,
На берегу, склонивши взор к волнам,
Стоит вблизи нагбенного креста?
Он не живой. Но также не мечта:
Сей острый взгляд с возвышенным челом
И две руки, сложенные крестом.

Пред ним лепечут волны и бегут,
И вновь приходят, и о скалы бьют;
Как легкие ветрилы, облака
Над морем носятся издалека.
И вот глядит неведомая тень
На тот восток, где новый брезжит день;
Там Франция! — там край ее родной
И славы след, быть может скрытый мглой;
Там, средь войны, ее неслися дни...
О! для чего так кончились они!..

Прости, о слава! обманувший друг.
Опасный ты, но чудный, мощный звук;
И скиптр... о вас забыл Наполеон;
Хотя давно умерший, любит он
Сей малый остров, брошенный в морях,
Где сгнил его и червем съеден прах,
Где он страдал, покинут от друзей,
Презрев судьбу с гордыней прежних дней,
Где стаивал он на брегу морском,
Как ныне грустен, руки сжав крестом.

О! как в лице его еще видны
Следы забот и внутренней войны,
И быстрый взор, дивящий слабый ум,
Хоть чужд страстей, все полон прежних дум;
Сей взор как трепет в сердце проникал
И тайные желанья узнавал,
Он тот же все; и той же шляпой он,
Сопутницею жизни, осенен.
Но — посмотри — уж день блеснул в струях...
Призрака нет, все пусто на скалах.

Нередко внемлет житель сих брегов
Чудесные рассказы рыбаков.
Когда гроза бунтует и шумит,
И блещет молния, и гром гремит,
Мгновенный луч нередко озарял
Печальну тень, стоящую меж скал.
Один пловец, как ни был страх велик,
Мог различить недвижный смуглый лик,
Под шляпою, с нахмуренным челом,
И две руки, сложенные крестом.

ЭПИТАФИЯ НАПОЛЕОНА

Да тень твою никто не порицает,
Муж рока! ты с людьми, что над тобою рок;
Кто знал тебя возвесть, лишь тот низвергнуть мог:
Великое ж ничто не изменяет.

К ГЛУПОЙ КРАСАВИЦЕ

Тобой пленяться издали
Мое все зрение готово,
Но слышать боже сохрани
Мне от тебя одно хоть слово.
Иль смех, иль страх в душе моей

Заменит сладкое мечтанье,
И глупый смысл твоих речей
Оледенит очарованье...

Так смерть красна издалека;
Пускай она летит стрелою.
За ней я следую пока,
Лишь только б не она за мною...
За ней я всюду полечу
И наслажуся в созерцанье,
Но сам привлечь ее вниманье
Ни за полмира не хочу.

ОЧИ. N. N.

Нет смерти здесь; и сердце вторит нет;
Для смерти слишком весел этот свет.
И не твоим глазам творец судил
Гореть, играть для тленья и могил...
Хоть все возьмет могильная доска,
Их пожалеет смерти злой рука;
Их луч с небес, и, как в родных краях,
Они блеснут звездами в небесах!

КАВКАЗУ

Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..
Ужель пещеры и скалы
Под дикой пеленою мглы
Услышат также крик страстей,
Звон славы, злата и цепей?..
Нет! прошлых лет не ожидай,
Черкес, в отечество свое:
Свободе прежде милый край
Приметно гибнет для нее.

УТРО НА КАВКАЗЕ

Светает — вьется дикой пеленой
Вокруг лесистых гор туман ночной;
Еще у ног Кавказа тишина;
Молчит табун, река журчит одна.
Вот на скале новорожденный луч
Зарделся вдруг, прорезавшись меж туч,
И розовый по речке и шатрам
Разлился блеск, и светит там и там:
Так девушки, купаяся в тени,
Когда увидят юношу они,
Краснеют все, к земле склоняют взор:
Но как бежать, коль близок милый вор!..

КРЕСТ НА СКАЛЕ

(*M-lle Souchkoff*)

В теснине Кавказа я знаю скалу,
Туда долететь лишь степному орлу,
Но крест деревянный чернеет над ней,
Гниет он и гнется от бурь и дождей.

И много уж лет протекло без следов
С тех пор, как он виден с далеких холмов.
И каждая кверху подъята рука,
Как будто он хочет схватить облака.

О, если б взойти удалось мне туда,
Как я бы молился и плакал тогда;
И после я сбросил бы цепь бытия,
И с бурею братом назвался бы я!

* * *

Прости, мой друг!.. как призрак я лечу
В далекий край: печали я ищу;
Хочу грустить, но лишь не пред тобой.

Ты можешь жить, не слыша голос мой;
Из всех блаженств, отнятых у меня,
Осталось мне одно: видать тебя,
Тот взор, что небо жалостью зажгло.
Все кончено! — ни бледное чело,
Ни пасмурный и недовольный взгляд
Ничем, ничем его не омрачат!..
Меня забыть прекрасной нет труда, —
И я тебя забуду навсегда;
Я мучусь, если мысль ко мне придет,
Что и тебя несчастие убьет,
Что некогда с ланит и с уст мечта
Как дым слетит, завянет красота,
Забьется сердце медленней — свинец
Тоски на нем — и что всему конец!..
Однако ж я желал бы увидать
Твой хладный труп, чтобы себе сказать:
«Чего еще! желанья отняты,
Бедняк — теперь совсем, совсем
оставлен ты!»

ЧЕЛНОК

Воет ветр и свистит пред недальной грозой;
По морю, на темный восток,
Озаряемый молньей, кидаем волной,
Несется неверный челнок.
Два гребца в нем сидят с беспокойным челом,
И что-то у ног их под белым холстом.

И вихорь сильней по волнам пробежал,
И сорван летучий покров.
Под ним человек неподвижно лежал,
И бледный, как жертва гробов,
Взор мрачен и дик, как сражения дым,
Как тучи на небе иль волны под ним.

В чалме он богатой, с обритой главой,
И цепь на руках и ногах,

И рана близ сердца, и ток кровяной
   Не держит опасности страх;
Он смерть равнодушнее спутников ждет,
Хотя его прежде она уведет.

Так с смертию вечно: чем ближе она,
   Тем менее жалко нам свет;
Две могилы не так нам страшны, как одна,
   Потому что надежды здесь нет.
И если б не ждал я счастливого дня,
Давно не дышала бы грудь у меня!..

ОТРЫВОК

На жизнь надеяться страшась,
Живу, как камень меж камней,
Излить страдания скупясь:
Пускай сгниют в груди моей.
Рассказ моих сердечных мук
Не возмутит ушей людских.
Ужель при сшибке камней звук
Проникнет в середину их?

Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне.
Но велено ему судьбой,
Как жил, погибнуть в тишине.
Я твердо ждал его плодов,
С собой беседовать любя.
Утихнет звук сердечных слов:
Один, один останусь я.

Для тайных дум я пренебрег
И путь любви и славы путь,
Все, чем хоть мало в свете мог
Иль отличиться, иль блеснуть;
Беднейший средь существ земных,
Останусь я в кругу людей,
Навек лишась достоинств их
И добродетели своей!

Две жизни в нас до гроба есть,
Есть грозный дух: он чужд уму;
Любовь, надежда, скорбь и месть:
Все, все подвержено ему.
Он основал жилище там,
Где можем память сохранять,
И предвещает гибель нам,
Когда уж поздно избегать.

Терзать и мучить любит он;
В его речах нередко ложь;
Он точит жизнь как скорпион.
Ему поверил я — и что ж!
Взгляните на мое чело,
Всмотритесь в очи, в бледный цвет;
Лицо мое вам не могло
Сказать, что мне пятнадцать лет.

И скоро старость приведет
Меня к могиле — я взгляну
На жизнь—на весь ничтожный плод —
И о прошедшем вспомяну:
Придет сей верный друг могил,
С своей холодной красотой:
Об чем страдал, что я любил,
Тогда лишь будет мне мечтой.

Ужель единый гроб для всех
Уничтожением грозит?
Как знать: тогда, быть может, смех
Полмертвого воспламенит!
Придет веселость, звук чужой
Поныне в словаре моем:
И я об юности златой
Не погорюю пред концом.

Теперь я вижу: пышный свет
Не для людей был сотворен.
Мы сгибнем, наш сотрется след,
Таков наш рок, таков закон;

Наш дух вселенной вихрь умчит
К безбрежным, мрачным сторонам,
Наш прах лишь землю умягчит
Другим, чистейшим существам.

Не будут проклинать они;
Меж них ни злата, ни честей
Не будет. Станут течь их дни,
Невинные, как дни детей;
Меж них ни дружбу, ни любовь
Приличья цепи не сожмут,
И братьев праведную кровь
Они со смехом не прольют!..

К ним станут (как всегда могли)
Слетаться ангелы. А мы
Увидим этот рай земли,
Окованы над бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вечность с целию одной:
Вот казнь за целые века
Злодейств, кипевших под луной.

* * *

1

Оставленная пустынь предо мной
Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней еще горит;
Но колокол ра́стреснувший молчит.
Его (бывало) заунывный глас
Звал братий к всенощне в сей мирный час!
Зеленый мох, растущий над окном,
Заржавленные ставни — и кругом
Высокая полынь — все, все без слов
Нам говорит о таинствах гробов.

Таков старик, под грузом тяжких лет
Еще хранящий жизни первый цвет;
Хотя он свеж, на нем печать могил
Тех юношей, которых пережил.

2

Пред мной готическое зданье
Стоит, как тень былых годов;
При нем теснится чувстванье
К нам в грудь того, чему нет слов,
Что выше теплого участья,
Святей любви, спокойней счастья.

Быть может, через много лет
Сия священная обитель
Оставит только мрачный след,
И любопытный посетитель
В развалинах людей искать
Напрасно станет, чтоб узнать,

Где образ божеской могилы
Между златых колонн стоял,
Где теплились паникадилы,
Где лик отшельников звучал
И где пред богом изливали
Свои грехи, свои печали.

И там (как знать) найдет прошлец
Пергамент пыльный. Он увидит,
Как сердце любит по конец
И бесконечно ненавидит,
Как ни вериги, ни клобук
Не облегчают наших мук.

Он тех людей узрит гробницы,
Их эпитафии пройдет,
Времен тогдашних небылицы
За речи истинны почтет,
Не мысля, что в сем месте сгнили
Сердца, которые любили!..

К...

«Простите мне, что я решился к вам
Писать. Перо в руке — могила
Передо мной. Но что ж? все пусто там.
Все прах, что некогда она манила
К себе. Вокруг меня толпа родных,
Слезами жалости покрыты лица.
И я пишу — пишу — но не для них.
Любви моей не холодит гробница.
Любви — но вы не знали мук моих.
Я чувствую, что это труд ничтожный:
Не усладит последних он минут.
Но так и быть — пишу — пока возможно —
Сей труд души моей любимый труд!
Прими письмо мое. Твой взор увидит,
Что я не мог стеснить души своей
К молчанью — так ужасна власть страстей!
Тебя письмо страдальца не обидит...
Я в жизни — много — много испытал,
Ошибся в дружбе — о! храни моих мучений
Слова — прости — и больше нет волнений,
Прости, мой друг», — и подписал:
«Евгений».

НОЧЬ. III

Темно. Все спит. Лишь только жук ночной,
Жужжа, в долине пролетит порой;
Из-под травы блистает червячок,
От наших дум, от наших бурь далек.
Высоких лип стал пасмурней навес,
Когда луна взошла среди небес...
Нет, в первый раз прелестна так она!
Он здесь. Стоит. Как мрамор, у окна.
Тень от него чернеет по стене.
Недвижный взор поднят, но не к луне;
Он полон всем, чем только яд страстей
Ужасен был и мил сердцам людей,

Свеча горит, забыта на столе,
И блеск ее с лучом луны в стекле
Мешается, играет, как любви
Огонь живой с презрением в крови!
Кто ж *он*? кто ж он, сей нарушитель сна?
Чем эта грудь мятежная полна?
О, если б вы умели угадать
В его очах, что хочет он скрывать!
О, если б мог единый бедный друг
Хотя смягчить души его недуг!

FAREWELL[1]

(Из Байрона)

Прости! коль могут к небесам
Взлетать молитвы о других,
Моя молитва будет там
И даже улетит за них!
Что пользы плакать и вздыхать,
Слеза кровавая порой
Не может более сказать,
Чем звук прощанья роковой!..

Нет слез в очах, уста молчат,
От тайных дум томится грудь,
И эти думы вечный яд, —
Им не пройти, им не уснуть!
Не мне о счастье бредить вновь, —
Лишь знаю я (и мог снести),
Что тщетно в нас жила любовь, —
Лишь чувствую — прости! — прости!

ЭЛЕГИЯ

Дробись, дробись, волна ночная,
И пеной орошай брега в туманной мгле.
Я здесь стою близ моря на скале,
Стою, задумчивость питая,

[1] Прощай (*англ.*).

Автограф стихотворения «Стансы» (1830)
с рисунком Лермонтова

10 Июля. (1830.)

Опять вы, о гордые, возстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавія сыны,
И снова знамя вольности кровавой
Явилося, победы мрачный знак,
Оно любимо было прежде славой:
Суворовъ былъ его сильнѣйшій врагъ

× × ×

Автограф стихотворения «10 июля. (1830.)»

Один, покинув свет, и чуждый для людей,
И никому тоски поверить не желая.
Вблизи меня палатки рыбарей;
Меж них блестит огонь гостеприимный,
Семья беспечная сидит вкруг огонька
И, внемля повесть старика,
Себе готовит ужин дымный!
Но я далек от счастья их душой,
Я помню блеск обманчивой столицы,
Веселий пагубных невозвратимый рой.
И что ж?— слеза бежит с ресницы,
И сожаление мою тревожит грудь,
Года погибшие являются всечасно;
И этот взор, задумчивый и ясный —
Твержу, твержу душе: забудь.
Он все передо мной: я все твержу напрасно!..
О, если б я в сем месте был рожден,
Где не живет среди людей коварность:
Как много бы я был судьбою одолжен —
Теперь у ней нет прав на благодарность!—
Как жалок тот, чья младость принесла
Морщину лишнюю для старого чела
И, отобрав все милые желанья,
Одно печальное раскаянье дала;
Кто чувствовал, как я, — чтоб чувствовать страданья,
Кто рано свет узнал — и с страшной пустотой,
Как я, оставил брег земли своей родной
Для добровольного изгнанья!

ЭПИТАФИЯ

Простосердечный сын свободы,
Для чувств он жизни не щадил;
И верные черты природы
Он часто списывать любил.

Он верил темным предсказаньям,
И талисманам, и любви,

И неестественным желаньям
Он отдал в жертву дни свои.

И в нем душа запас хранила
Блаженства, муки и страстей.
Он умер. Здесь его могила.
Он не был создан для людей.

SENTENZ [1]

Когда бы мог весь свет узнать,
Что жизнь с надеждами, мечтами
Не что иное — как тетрадь
С давно известными стихами.

ГРОБ ОССИАНА

Под занавесою тумана,
Под небом бурь, среди степей,
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей.
Летит к ней дух мой усыпленный,
Родимым ветром подышать
И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять!..

ПОСВЯЩЕНИЕ

Прими, прими мой грустный труд
И, если можешь, плачь над ним;
Я много плакал — не придут
Вновь эти слезы — вечно им
Не освежать моих очей.
Когда катилися они,

---

[1] Сентенция (*англ.*).

Я думал, думал все об ней.
Жалел и ждал другие дни!
Уж нет ее, и слез уж нет —
И нет надежд — передо мной
Блестит надменный, глупый свет
С своей красивой пустотой!
Ужель я для него писал?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящал,
Являя сердца полноту?
Ценить он только злато мог
И гордых дум не постигал;
Мой гений сплел себе венок
В ущелинах кавказских скал.
Одним высоким увлечен,
Он только жертвует любви:
Принесть тебе лишь может он
Любимые труды свои.

КЛАДБИЩЕ

Вчера до самой ночи просидел
Я на кладбище, все смотрел, смотрел
Вокруг себя; полстертые слова
Я разбирал. Невольно голова
Наполнилась мечтами; вновь очей
Я не был в силах оторвать с камней.
Один ушел уж в землю, и на нем
Все стерлося... Там крест к кресту челом
Нагнулся, будто любит, будто сон
Земных страстей узнал в сем месте он...
Вкруг тихо, сладко все, как мысль о *ней*;
Краснеючи, волнуется пырей
На солнце вечера. Над головой
Жужжа, со днем прощаются игрой
Толпящиеся мошки, как народ
Существ с душой, уставших от работ!..
Стократ велик, кто создал мир! велик!..
Сих мелких тварей надмогильный крик

Творца не больше ль славит иногда,
Чем в пепел обращенные стада?
Чем человек, сей царь над общим злом,
С коварным сердцем, с ложным языком?..

ПОСВЯЩЕНИЕ

Тебе я некогда вверял
Души взволнованной мечты;
Я беден был — ты это знал —
И бедняка не кинул ты.

Ты примирил меня с судьбой,
С мятежной властию страстей;
Тобой, единственно тобой,
Я стал, чем был с давнишних дней.

И муза по моей мольбе
Сошла опять с святой горы.
Но верь, принадлежат тебе
Ее венок, ее дары!..

1830. МАИЯ. 16 ЧИСЛО

Боюсь не смерти я. О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтоб труд мой вдохновенный
Когда-нибудь увидел свет;
Хочу — и снова затрудненье!
Зачем? что пользы будет мне?
Мое свершится разрушенье
В чужой, неведомой стране.
Я не хочу бродить меж *вами*
По разрушении! — Творец.
На то ли я звучал струнами,
На то ли создан был певец?
На то ли вдохновенье, страсти
Меня к могиле привели?

И нет в душе довольно власти —
Люблю мучения земли.
И этот образ, он за мною
В могилу силится бежать,
Туда, где обещал мне дать
Ты место к вечному покою.
Но чувствую: покоя нет,
И там и там его не будет;
Тех длинных, тех жестоких лет
Страдалец вечно не забудет!..

ГОСТЬ

Как прошлец иноплеменный
В облаках луна скользит.
Колокольчик отдаленный
То замолкнет, то звенит.
«Что за гость в ночи морозной?» —
Мужу говорит жена,
Сидя рядом, в вечер поздный
Возле тусклого окна...

Вот кибитка подъезжает...
На высокое крыльцо
Из кибитки вылезает
Незнакомое лицо.
И слуга вошел с свечою,
Бедный вслед за ним монах:
Ныне позднею порою
Заплутался он в лесах.

И ему ночлег дается —
Что ж стоишь, отшельник, ты?
Свечки луч печально льется
На печальные черты.
Чудным взор огнем светился,
Он хозяйку вдруг узнал,
Он дрожит — и вот забылся
И к ногам ее упал.

Муж ушел тогда. О! прежде
Жил чернец лишь для нее,
Обманулся он в надежде,
Погубил он с нею все.
Но промчалось исступленье;
Путник в комнате своей,
Чтоб рыданья и мученье
Схоронить от глаз людей.

Но рыдания звучали.
Вплоть до белыя зари,
Наконец и замолчали.
Поутру к нему вошли:
На полу он посинелый,
Как замученный, лежал;
И бесчувственное тело
Плащ печальный покрывал!..

К***

Не думай, чтоб я был достоин сожаленья,
Хотя теперь слова мои печальны, — нет,
Нет! все мои жестокие мученья —
Одно предчувствие гораздо больших бед.

Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел;
У нас одна душа, одни и те же муки, —
О, если б одинаков был удел!..

Как он, ищу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я душой.
Любил закат в горах, пенящиеся воды
И бурь земных и бурь небесных вой.

Как он, ищу спокойствия напрасно,
Гоним повсюду мыслию одной.
Гляжу назад — прошедшее ужасно;
Гляжу вперед — там нет души родной!

ДЕРЕВУ

Давно ли с зеленью радушной
Передо мной стояло ты
И я коре твоей послушной
Вверял любимые мечты;
Лишь год назад, два талисмана
Светилися в тени твоей,
И ниже замысла обмана
Не скрылося в душе детей!..

Детей! — о! да, я был ребенок! —
Промчался легкой страсти сон;
Дремоты флёр был слишком тонок —
В единый миг прорвался он.
И деревцо с моей любовью
Погибло, чтобы вновь не цвесть;
Я жизнь его купил бы кровью, —
Но как переменить, что *есть*?

Ужели также вдохновенье
Умрет невозвратимо с ним?
Иль шуму светского волненья
Бороться с сердцем молодым?
Нет, нет, — мой дух бессмертен силой,
Мой гений веки пролетит
И эти ветви над могилой
Певца-страдальца освятит.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,

Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

* * *

Все тихо — полная луна
Блестит меж ветел над прудом,
И возле берега волна
С холодным резвится лучом.

* * *

Никто, никто, никто не усладил
В изгнанье сем тоски мятежной!
Любить? — три раза я любил,
Любил три раза безнадежно.

1830 ГОД. ИЮЛЯ 15-го

(Москва)

Зачем семьи родной безвестный круг
Я покидал? Все сердце грело там,
Все было мне наставник или друг,
Все верило младенческим мечтам.
Как ужасы пленяли юный дух,
Как я рвался на волю, к облакам!
Готов лобзать уста друзей был я,
Не посмотрев, не скрыта ль в них змея.

Но в общество иное я вступил,
Узнал людей и дружеский обман,
Стал подозрителен и погубил
Беспечности душевной талисман.
Чтобы никто теперь не говорил:
Он будет друг мне! — боль старинных ран
Из груди извлечет не речь, но стон;
И не привет, упрек услышит он.

Ах! я любил, когда я был счастлив,
Когда лишь от любви мог слезы лить.
Но, эту грудь страданьем напоив,
Скажите мне, возможно ли любить?
Страшусь, в объятья деву заключив,
Живую душу ядом отравить
И показать, что сердце у меня
Есть жертвенник, сгоревший от огня.

Но лучше я, чем для людей кажусь,
Они в лице не могут чувств прочесть;
И что молва кричит о мне... боюсь!
Когда б я знал, не мог бы перенесть.
Противу них во мне горит, клянусь,
Не злоба, не презрение, не месть.
Но... для чего старалися они
Так отравить ребяческие дни?

Согбенный лук, порвавши тетиву,
Гремит — но вновь не будет прям, как был.
Чтоб цепь их сбросить, я, подняв главу,
Последнее усилие свершил;
Что ж. Ныне жалкий, грустный я живу
Без дружбы, без надежд, без дум, без сил,
Бледней, чем луч бесчувственной луны,
Когда в окно скользит он вдоль стены.

БУЛЕВАР

С минуту лишь с бульвара прибежав,
Я взял перо — и, право, очень рад,
Что плод над ним моих привычных прав

Узнает вновь бульварный маскерад;
Сатиров я, для помощи призвав, —
Подговорю, — и все пойдет на лад.
Ругай людей, но лишь ругай остро;
Не то — ...ко всем чертям твое перо!..

Приди же из подземного огня,
Чертенок мой, взъерошенный остряк,
И попугаем сядь вблизи меня.
«Дурак» скажу — и ты кричи «дурак».
Не устоит бульварная семья —
Хоть морщи лоб, хотя сожми кулак,
Невинная красотка в сорок лет —
Пятнадцати тебе все нет как нет!

И ты, мой старец с рыжим париком,
Ты, депутат столетий и могил,
Дрожащий весь и схожий с жеребцом,
Как кровь ему из всех пускают жил,
Ты здесь бредешь и смотришь сентябрем,
Хоть там княжна лепечет: «Как он мил!»
А для того и силится хвалить,
Чтоб свой порок в Ч**** извинить!..

Подалее на креслах там другой;
Едва сидит согбенный сын земли;
Он как знаток глядит в лорнет двойной;
Власы его в серебряной пыли.
Он одарен восточною душой,
Коль душу в нем в сто лет найти могли.
Но я клянусь (пусть кончив — буду прах),
Она тонка, когда в его ногах.

И что ж? — он прав, он прав, друзья мои.
Глупец, кто жил, чтоб на диете быть;
Умен, кто отдал дни свои любви;
И этот муж копил: чтобы любить.
Замен души он находил в крови.
Но тот блажен, кто может говорить,
Что он вкушал до капли мед земной,
Что он любил и телом и душой!..

И я любил! — опять к своим страстям!
Брось, брось свои безумные мечты!
Пора склонить внимание на дам,
На этих кандидатов красоты,
На их наряд — как описать все вам?
В наряде их нет милой простоты:
Все так высоко, так взгромождено,
Как бурею на них нанесено.

Приметна спесь в их пошлой болтовне,
Уста всегда сказать готовы: *нет*.
И холодны они, как при луне
Нам кажется прабабушки портрет;
Когда гляжу, то, право, жалко мне,
Что вкус такой имеет модный свет.
Ведь думают тенетом лент, кисей,
Как зайчиков, поймать моих друзей.

Сидел я раз случайно под окном,
И вдруг головка вышла из окна,
Незавита и в чепчике простом —
Но как божественна была она.
Уста и взор — стыжусь! в уме моем
Головка та ничем не изгнана;
Как некий сон младенческих ночей
Или как песня матери моей.

И сколько лет уже прошло с тех пор!..
О, верьте мне, красавицы Москвы,
Блистательный ваш головной убор
Вскружить не в силах нашей головы.
Все платья, шляпы, букли ваши вздор.
Такой же вздор, какой твердите вы,
Когда идете здесь толпой комет,
А маменьки бегут за вами вслед.

Но для чего кометами я вас
Назвал, глупец тупейший то поймет
И сам Башуцкой объяснит тотчас.
Комета за собою хвост влечет;
И это всеми признано у нас,

Хотя — что́ в нем, никто не разберет:
За вами ж хвост оставленных мужьев,
Вздыхателей и бедных женихов!

О женихи! о бедный Мосолов;
Как не вздохнуть, когда тебя найду,
Педантика, из рода петушков,
Средь юных дев как будто бы в чаду;
Хотя и держишься размеру слов,
Но ты согласен на свою беду,
Что лучше все не думав говорить,
Чем глупо думать и глупей судить.

Он чванится, что точно русский он;
Но если бы таков был весь народ,
То я бы из Руси пустился вон.
И то сказать, чудесный патриот;
Лишь своему языку обучен,
Он этим край родной не выдает:
А то б узнали всей земли концы,
Что есть у нас подобные глупцы.

ПЕСНЬ БАРДА

I

Я долго был в чужой стране,
Дружин Днепра седой певец,
И вдруг пришло на мысли мне
К ним возвратиться наконец.
Пришел — с гуслями за спиной —
Былую песню заиграл...
Напрасно! — князь земли родной
Приказу ханскому внимал...

II

В пустыни, где являлся враг,
Понес я старую главу,

И попирал мой каждый шаг
  Окровавленную траву.
Сходились к брошенным костям
  Толпы зверей и птиц лесных,
Затем что больше было там
  Число убитых, чем живых.

III

Кто мог бы песню спеть одну?
  Отчаянным движеньем рук
Задев дрожащую струну,
  Случалось, исторгал я звук;
Но умирал так скоро он!
  И если б слышал сын цепей,
То гибнущей свободы стон
  Не тронул бы его ушей.

IV

Вдруг кто-то у меня спросил:
  «Зачем я часто слезы лью,
Где человек так вольно жил?
  О ком бренчу, о ком пою?»
Пронзила эта речь меня —
  Надежд пропал последний рой,
На землю гусли бросил я
  И молча раздавил ногой.

10 ИЮЛЯ. (1830)

Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавия сыны,
И снова знамя вольности кровавой
Явилося, победы мрачный знак,
Оно любимо было прежде славой:
Суворов был его сильнейший враг.

К СУ...

Вблизи тебя до этих пор
Я не слыхал в груди огня.
Встречал ли твой прелестный взор —
Не билось сердце у меня.

И что ж? — разлуки первый звук
Меня заставил трепетать;
Нет, нет, он не предвестник мук;
Я не люблю — зачем скрывать!

Однако же хоть день, хоть час
Еще желал бы здесь пробыть,
Чтоб блеском этих чудных глаз
Души тревоги усмирить.

БЛАГОДАРЮ!

Благодарю!.. вчера мое признанье
И стих мой ты без смеха приняла;
Хоть ты страстей моих не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

В другом краю ты некогда пленяла,
Твой чудный взор и острота речей
Останутся навек в душе моей,
Но не хочу, чтобы ты мне сказала:
Благодарю!

Я б не желал умножить в цвете жизни
Печальную толпу твоих рабов
И от тебя услышать, вместо слов
Язвительной, жестокой укоризны:
Благодарю!

О, пусть холодность мне твой взор укажет,
Пусть он убьет надежды и мечты
И все, что в сердце возродила ты;
Душа моя тебе тогда лишь скажет:
Благодарю!

НИЩИЙ

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья,
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

К...

Не говори: я трус, глупец!..
О! если так меня терзало
Сей жизни мрачное начало,
Какой же должен быть конец?..

ЧУМА В САРАТОВЕ

I

Чума явилась в наш предел;
Хоть страхом сердце стеснено,
Из миллиона мертвых тел
Мне будет дорого одно.
Его земле не отдадут,
И крест его не осенит;
И пламень, где его сожгут,
Навек мне сердце охладит.

II

Никто не прикоснется к ней,
Чтоб облегчить последний миг;
Уста, волшебницы очей,
Не приманят к себе других;
Лобзая их, я б был счастлив,
Когда б в себя яд смерти впил,
Затем что, сластость их испив,
Я деву некогда забыл.

* * *

Плачь! плачь!. Израиля народ,
Ты потерял звезду свою;
Она вторично не взойдет —
И будет мрак в земном краю;
По крайней мере есть *один*,
Который все с ней потерял;
Без дум, без чувств среди долин
Он тень следов ее искал!..

30 ИЮЛЯ. — (ПАРИЖ) 1830 ГОДА

Ты мог быть лучшим королем,
Ты не хотел. Ты полагал
Народ унизить под ярмом.
Но ты французов не узнал!
Есть суд земной и для царей.
Провозгласил он твой конец;
С дрожащей головы твоей
Ты в бегстве уронил венец.

И загорелся страшный бой;
И знамя вольности, как дух,
Идет пред гордою толпой.
И звук один наполнил слух;

И брызнула в Париже кровь.
О! чем заплотишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан,

Когда последняя труба
Разрежет звуком синий свод;
Когда откроются гроба
И прах свой прежний вид возьмет;
Когда появятся весы
И их подымет судия...
Не встанут у тебя власы?
Не задрожит рука твоя?..

Глупец! что будешь ты в тот день,
Коль ныне стыд уж над тобой?
Предмет насмешек ада, тень,
Призрак, обманутый судьбой!
Бессмертной раною убит,
Ты обернешь молящий взгляд,
И строй кровавый закричит:
Он виноват! он виноват!

СТАНСЫ

I

Взгляни, как мой спокоен взор,
Хотя звезда судьбы моей
Померкнула с давнишних пор
И с нею думы светлых дней.
Слеза, которая не раз
Рвалась блеснуть перед тобой,
Уж не придет, как этот час,
На смех подосланный судьбой.

II

Смеялась надо мною ты,
И я презреньем отвечал —
С тех пор сердечной пустоты
Я уж ничем не заменял.
Ничто не сблизит больше нас,
Ничто мне не отдаст покой...
Хоть в сердце шепчет чудный глас:
Я не могу любить другой.

III

Я жертвовал другим страстям,
Но если первые мечты
Служить не могут снова нам —
То чем же их заменишь ты?..
Чем успокоишь жизнь мою,
Когда уж обратила в прах
Мои надежды в сем краю,
А может быть, и в небесах?..

ЧУМА

(*Отрывок*)

79

Два человека в этот страшный год,
Когда всех занимала смерть одна,
Хранили чувство дружбы. Жизнь их, род,
Незнания хранила тишина.
Толпами гиб отчаянный народ,
Вкруг них валялись трупы — и страна
Веселья — стала гроб — и в эти дни
Без страха обнималися они!..

80

Один был юн годами и душой,
Имел блистающий и быстрый взор,
Играла кровь в щеках его порой,

В движениях и в мыслях он был скор
И мужествен с лица. Но он с тоской
И ужасом глядел на гладный мор,
Молился, плакал он и день и ночь,
Отталкивал и сон и пищу прочь!

81

Другой узнал, казалось, жизни зло;
И разорвал свои надежды сам.
Высокое и бледное чело
Являло наблюдательным очам,
Что сердце много мук перенесло
И было прежде отдано страстям.
Но, несмотря на мрачный сей удел,
И он как бы невольно жить хотел.

82

Безмолвствуя, на друга он взирал,
И в жилах останавливалась кровь;
Он вздрагивал, садился. Он вставал,
Ходил, бледнел и вдруг садился вновь,
Ломал в безумье руки — но молчал.
Он подавлял в груди своей любовь
И сердца беспокойный вещий глас,
Что скоро бьет неизбежимый час!

83

И час пробил! его нежнейший друг
Стал медленно слабеть. Хоть говорить
Не мог уж юноша, его недуг
Не отнимал еще надежду жить;
Казалось, судрожным движеньем рук
Старался он кончину удалить.
Но вот утих... взор ясный поднял он,
Закрыл — хотя б один последний стон!

Как сумасшедший, руки сжав крестом,
Стоял его товарищ. Он хотел
Смеяться... и с открытым ртом
Остался — взгляд его оцепенел.
Пришли к ним люди: зацепив крючком
Холодный труп, к высокой груде тел
Они без сожаленья повлекли,
И подложили бревен, и зажгли...

* * *

Нередко люди и бранили
И мучили меня за то,
Что часто им прощал я то,
Чего б они мне не простили.

И начал рок меня томить.
Карал безвинно и за дело —
От сердца чувство отлетело,
И я не мог ему простить.

Я снова меж людей явился
С холодным, сумрачным челом;
Но взгляд, куда б ни обратился,
Встречался с радостным лицом!

РОМАНС

В те дни, когда уж нет надежд,
А есть одно воспоминанье,
Веселье чуждо наших вежд,
И легче на груди страданье.

ОТРЫВОК

Приметив юной девы грудь,
Судьбой случайной, как-нибудь,
Иль взор, исполненный огнем,

Недвижно сердце было в нем,
Как сокол, на скале морской
Сидящий позднею порой,
Хоть недалеко и блестят
(Седой пустыни вод наряд)
Ветрила бедных челноков,
Движенье дальних облаков
Следит его прилежный глаз.
И так проходит скучный час!
Он знает: эти челноки,
Что гонят мимо ветерки,
Не для него сюда плывут,
Они блеснут, они пройдут!..

БАЛЛАДА

(*Из Байрона*)

Берегись! берегись! над бургосским путем
  Сидит один черный монах;
Он бормочет молитву во мраке ночном,
  Панихиду о прошлых годах.
Когда *мавр* пришел в наш родимый дол,
  Оскверняючи церкви порог,
Он без дальних слов выгнал всех чернецов;
  Одного только выгнать не мог.

Для добра или зла (я слыхал не один,
  И не мне бы о том говорить),
Когда возвратился тех мест господин,
  Он никак не хотел уходить.
Хоть никто не видал, как по замку блуждал
  Монах, но зачем возражать?
Ибо слышал не раз я старинный рассказ,
  Который страшусь повторять.

Рождался ли сын, он рыдал в тишине,
  Когда ж прекратился сей род,
Он по звучным полам при бледной луне
  Бродил и взад и вперед.

НОЧЬ

Один я в тишине ночной;
Свеча сгоревшая трещит,
Перо в тетрадке записной
Головку женскую чертит:
Воспоминанье о былом,
Как тень, в кровавой пелене,
Спешит указывать перстом
На то, что было мило мне.

Слова, которые могли
Меня тревожить в те года,
Пылают предо мной вдали,
Хоть мной забыты навсегда.
И там скелеты прошлых лет
Стоят унылою толпой;
Меж ними есть один скелет —
Он обладал моей душой.

Как мог я не любить тот взор?
Презренья женского кинжал
Меня пронзил... но нет — с тех пор
Я все любил — я все страдал.
Сей взор невыносимый, он
Бежит за мною, как призрàк;
И я до гроба осужден
Другого не любить никак.

О! я завидую другим!
В кругу семейственном, в тиши,
Смеяться просто можно им
И веселиться от души.
Мой смех тяжел мне как свинец:
Он плод сердечной пустоты...
О боже! вот что, наконец,
Я вижу, мне готовил ты.

Возможно ль! первую любовь
Такою горечью облить;
Притворством взволновав мне кровь,

Хотеть насмешкой остудить?
Желал я на другой предмет
Излить огонь страстей своих.
Но память, слезы первых лет!
Кто устоит противу них?

* * *

Когда к тебе молвы рассказ
Мое названье принесет
И моего рожденья час
Перед полмиром проклянет,
Когда мне пищей станет кровь
И буду жить среди людей,
Ничью не радуя любовь
И злобы не боясь ничьей:
Тогда раскаянья кинжал
Пронзит тебя; и вспомнишь ты,
Что при прощанье я сказал.
Увы! то были не мечты!
И если только, наконец,
Моя лишь грудь поражена,
То, верно, прежде знал творец,
Что ты страдать не рождена.

* * *

Передо мной лежит листок,
Совсем ничтожный для других,
Но в нем сковал случайно рок
Толпу надежд и дум моих.
Исписан он твоей рукой,
И я вчера его украл,
И для добычи дорогой
Готов страдать — как уж страдал!

* * *

Свершилось! Полно ожидать
Последней встречи и прощанья!
Разлуки час и час страданья

Придут — зачем их отклонять!
Ах, я не знал, когда глядел
На чудные глаза прекрасной,
Что час прощанья, час ужасный,
Ко мне внезапно подлетел.
Свершилось! Голосом бесценным
Мне больше сердца не питать,
Запрусь в углу уединенном
И буду плакать... вспоминать!

* * *

Итак, прощай! Впервые этот звук
Тревожит так жестоко грудь мою.
Прощай! — шесть букв приносят столько мук!
Уносят все, что я теперь люблю!
Я встречу взор ее прекрасных глаз
И, может быть, как знать... в последний раз!

НОВГОРОД

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!..
До наших дней при имени свободы
Трепещет ваше сердце и кипит!..
Есть бедный град, там видели народы
Все то, к чему теперь ваш дух летит.

ГЛУПОЙ КРАСАВИЦЕ

I

Амур спросил меня однажды,
Хочу ль испить его вина —
Я не имел в то время жажды,
Но выпил кубок весь до дна.

2

Теперь желал бы я напрасно
Смочить горящие уста,
Затем что чаша влаги страстной,
Как голова твоя — пуста.

МОГИЛА БОЙЦА

(Дума)

I

Он спит последним сном давно,
Он спит последним сном,
Над ним бугор насыпан был,
Зеленый дерн кругом.

II

Седые кудри старика
Смешалися с землей:
Они взвевались по плечам
За чашей пировой.

III

Они белы, как пена волн,
Бьющихся у скал;
Уста, любимицы бесед,
Впервые хлад сковал.

IV

И бледны щеки мертвеца,
Как лик его врагов
Бледнел, когда являлся он
Один средь их рядов.

V

Сырой землей покрыта грудь,
Но ей не тяжело,
И червь, движенья не боясь,
Ползет через чело.

VI

На то ль он жил и меч носил,
Чтоб в час вечерней мглы
Слетались на курган его
Пустынные орлы?

VII

Хотя певец земли родной
Не раз уж пел об нем,
Но песнь — все песнь; а жизнь — все жизнь!
Он спит последним сном.

СМЕРТЬ

Закат горит огнистой полосою,
Любуюсь им безмолвно под окном,
Быть может, завтра он заблещет надо мною,
Безжизненным, холодным мертвецом;
Одна лишь дума в сердце опустелом,
То мысль об *ней*. О, далеко она;
И над моим недвижным, бледным телом
Не упадет слеза ее одна.
Ни друг, ни брат прощальными устами
Не поцелуют здесь моих ланит;
И сожаленью чуждыми руками
В сырую землю буду я зарыт.
Мой дух утонет в бездне бесконечной!..
Но ты! О, пожалей о мне, краса моя!
Никто не мог тебя любить, как я,
Так пламенно и так чистосердечно.

ЧЕРНЫ ОЧИ

Много звезд у летней ночи;
Отчего же только две у вас,
Очи юга! черны очи!
Нашей встречи был недобрый час.

Кто ни спросит, звезды ночи
Лишь о райском счастье говорят;
В ваших звездах, черны очи,
Я нашел для сердца рай и ад.

Очи юга, черны очи,
В вас любви прочел я приговор,
Звезды дня и звезды ночи
Для меня вы стали с этих пор!

К***

Когда твой друг с пророческой тоскою
Тебе вверял толпу своих забот,
Не знала ты невинною душою,
Что смерть его позорная зовет,
Что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;

Он был рожден для мирных вдохновений,
Для славы, для надежд; но меж людей
Он не годился — и враждебный гений
Его душе не наложил цепей;
И не слыхал творец его молений,
И он погиб во цвете лучших дней;

И близок час... и жизнь его потонет
В забвенье, без следа, как звук пустой;
Никто слезы прощальной не уронит,
Чтоб смыть упрек, оправданный толпой,
И лишь волна полночная простонет
Над сердцем, где хранился образ твой!

1831

1831-го ЯНВАРЯ

Редеют бледные туманы
Над бездной смерти роковой,
И вновь стоят передо мной
Веков протекших великаны.
Они зовут, они манят,
Поют, и я пою за ними
И, полный чувствами живыми,
Страшуся поглядеть назад, —

Чтоб бытия земного звуки
Не замешались в песнь мою,
Чтоб лучшей жизни на краю
Не вспомнил я людей и муки,
Чтоб я не вспомнил этот свет,
Где носит все печать проклятья,
Где полны ядом все объятья,
Где счастья без обмана нет.

* * *

Послушай! вспомни обо мне,
Когда, законом осужденный,
В чужой я буду стороне —
Изгнанник мрачный и презренный.

И будешь ты когда-нибудь
Один, в бессонный час полночи,

Сидеть с свечой... и тайно грудь
Вздохнет — и вдруг заплачут очи;

И молвишь ты: когда-то он,
Здесь, в это самое мгновенье,
Сидел тоскою удручен
И ждал судьбы своей решенье!

1831-го ИЮНЯ 11 ДНЯ

1

Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала. Я любил
Все обольщенья света, но не свет,
В котором я минутами лишь жил;
И те мгновенья были мук полны,
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями. Но сон,
Как мир, не мог быть ими омрачен.

2

Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века и жизнию иной
И о земле позабывал. Не раз,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакал; но все образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существ земных.
О нет! все было ад иль небо в них.

3

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье дум. Нет звуков у людей
Довольно сильных, чтоб изобразить
Желание блаженства. Пыл страстей

Возвышенных я чувствую, но слов
Не нахожу и в этот миг готов
Пожертвовать собой, чтоб как-нибудь
Хоть тень их перелить в другую грудь.

4

Известность, слава, что они? — а есть
У них над мною власть; и мне они
Велят себе на жертву все принесть,
И я влачу мучительные дни
Без цели, оклеветан, одинок;
Но верю им! — неведомый пророк
Мне обещал бессмертье, и, живой,
Я смерти отдал все, что дар земной.

5

Но для небесного могилы нет.
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный свет
Благословит; и ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь;
С моим названьем станут повторять
Твое: на что им мертвых разлучать?

6

К погибшим люди справедливы; сын
Боготворит, что проклинал отец.
Чтоб в этом убедиться, до седин
Дожить не нужно. Есть всему конец;
Немного долголетней человек
Цветка; в сравненье с вечностью их век
Равно ничтожен. Пережить одна
Душа лишь колыбель свою должна.

7

Так и ее созданья. Иногда,
На берегу реки, один, забыт,

Я наблюдал, как быстрая вода,
Синея, гнется в волны, как шипит
Над ними пена белой полосой;
И я глядел, и мыслию иной
Я не был занят, и пустынный шум
Рассеивал толпу глубоких дум.

8

Тут был я счастлив... О, когда б я мог
Забыть, что незабвенно! женский взор!
Причину стольких слез, безумств, тревог!
Другой владеет ею с давных пор,
И я другую с нежностью люблю,
Хочу любить, — и небеса молю
О новых муках; но в груди моей
Все жив печальный призрак прежних дней.

9

Никто не дорожит мной на земле,
И сам себе я в тягость, как другим;
Тоска блуждает на моем челе.
Я холоден и горд; и даже злым
Толпе кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко в сердце мне должна?
Зачем ей знать, что в нем заключено?
Огонь иль сумрак там — ей все равно.

10

Темна проходит туча в небесах,
И в ней таится пламень роковой;
Он, вырываясь, обращает в прах
Все, что ни встретит. С дивной быстротой
Блеснет, и снова в облаке укрыт;
И кто его источник объяснит,
И кто заглянет в недра облаков?
Зачем? они исчезнут без следов.

11

Грядущее тревожит грудь мою.
Как жизнь я кончу, где душа моя
Блуждать осуждена, в каком краю
Любезные предметы встречу я?
Но кто меня любил, кто голос мой
Услышит и узнает? И с тоской
Я вижу, что любить, как я, — порок,
И вижу, я слабей любить не мог.

12

Не верят в мире многие любви
И тем счастливы; для иных она
Желанье, порожденное в крови,
Расстройство мозга иль виденье сна.
Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! — любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.

13

И отучить не мог меня обман;
Пустое сердце ныло без страстей,
И в глубине моих сердечных ран
Жила любовь, богиня юных дней;
Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает молода
И зелена, и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит.

14

И о судьбе ее чужой пришлец
Жалеет. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконец
Увянет преждевременно она;
Но с корнем не исторгнет никогда
Мою березу вихрь: она тверда;

Предок Лерма

С картины Лермонтова

Рисунок Лермонтова

Акварель

Так лишь в разбитом сердце может страсть
Иметь неограниченную власть.

15

Под ношей бытия не устает
И не хладеет гордая душа;
Судьба ее так скоро не убьет,
А лишь взбунтует; мщением дыша
Против непобедимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:
С такой душой ты бог или злодей...

16

Как нравились всегда пустыни мне.
Люблю я ветер меж нагих холмов,
И коршуна в небесной вышине,
И на равнине тени облаков.
Ярма не знает резвый здесь табун,
И кровожадный тешится летун
Под синевой, и облако степей
Свободней как-то мчится и светлей.

17

И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степей безбрежный океан
Синеет пред глазами; каждый звук
Гармонии вселенной, каждый час
Страданья или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей судьбе.

18

Кто посещал вершины диких гор
В тот свежий час, когда садится день,
На западе светило видит взор

И на востоке близкой ночи тень,
Внизу туман, уступы и кусты,
Кругом всё горы чудной высоты,
Как после бури облака, стоят,
И странные верхи в лучах горят.

19

И сердце полно, полно прежних лет,
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводит в жизнь минувшего скелет,
И в нем почти все та же красота.
Так любим мы глядеть на свой портрет,
Хоть с нами в нем уж сходства больше нет,
Хоть на холсте хранится блеск очей,
Погаснувших от время и страстей.

20

Что на земле прекрасней пирамид
Природы, этих гордых снежных гор?
Не переменит их надменный вид
Ничто: ни слава царств, ни их позор;
О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч
Вершины скал; ничто не вредно им.
Кто близ небес, тот не сражен земным.

21

Печален степи вид, где без препон,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучий аквилон
И пред собой свободно гонит пыль;
И где кругом, как зорко ни смотри,
Встречает взгляд березы две иль три,
Которые под синеватой мглой
Чернеют вечером в дали пустой.

22

Так жизнь скучна, когда боренья нет.
В минувшее проникнув, различить
В ней мало дел мы можем, в цвете лет
Она души не будет веселить.
Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что̀ значит отдыхать.

23

Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь.
Но что ж? Мне жизнь все как-то коротка
И все боюсь, что не успею я
Свершить чего-то! жажда бытия
Во мне сильней страданий роковых,
Хотя я презираю жизнь других.

24

Есть время — леденеет быстрый ум;
Есть сумерки души, когда предмет
Желаний мрачен: усыпленье дум;
Меж радостью и горем полусвет;
Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна,
Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинить нельзя ни в чем.

25

Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог
Ни ангельский, ни демонский язык:
Они таких не ведают тревог,

В одном все чисто, а в другом все зло.
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого.

26

Никто не получал, чего хотел
И что любил, и если даже тот,
Кому счастливый небом дан удел,
В уме своем минувшее пройдет,
Увидит он, что мог счастливей быть,
Когда бы не умела отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко брегу возвратиться не сильна

27

Когда гонима бурей роковой
Шипит и мчится с пеною своей,
Она все помнит тот залив родной,
Где пенилась в приютах камышей,
И, может быть, она опять придет
В другой залив, но там уж не найдет
Себе покоя: кто в морях блуждал,
Тот не заснет в тени прибрежных скал.

28

Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь творец;
Но равнодушный мир не должен знать.
И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне.

29

Все. Нет, не все: созданье есть одно,
Способное любить — хоть не меня;
До этих пор не верит мне оно,

Однако сердце, полное огня,
Не увлечется мненьем, и мое
Пророчество припомнит ум ее,
И взор, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

80

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пустота
Кругом. Лишь чужестранец молодой,
Невольным сожаленьем, и молвой,
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет иногда

81

И скажет: отчего не понял свет
Великого, и как он не нашел
Себе друзей, и как любви привет
К нему надежду снова не привел?
Он был ее достоин. И печаль
Его встревожит, он посмотрит вдаль,
Увидит облака с лазурью волн,
И белый парус, и бегучий челн.

82

И мой курган! — любимые мечты
Мои подобны этим. Сладость есть
Во всем, что не сбылось, — есть красоты
В таких картинах; только перенесть
Их на бумагу трудно: мысль сильна,
Когда размером слов не стеснена,
Когда свободна, как игра детей,
Как арфы звук в молчании ночей!

РОМАНС К И...

Когда я унесу в чужбину
Под небо южной стороны
Мою жестокую кручину,
Мои обманчивые сны
И люди с злобой ядовитой
Осудят жизнь мою порой, —
Ты будешь ли моей защитой
Перед бесчувственной толпой?

О, будь!.. о! вспомни нашу младость,
Злословья жертву пощади,
Клянися в том! чтоб вовсе радость
Не умерла в моей груди,
Чтоб я сказал в земле изгнанья:
Есть сердце, лучших дней залог,
Где почтены мои страданья,
Где мир их очернить не мог.

ЗАВЕЩАНИЕ

(*Из Гете*)

1

Есть место: близ тропы глухой,
В лесу пустынном, средь поляны,
Где вьются вечером туманы,
Осеребренные луной...
Мой друг! ты знаешь ту поляну;
Там труп мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану!

2

Могиле той не откажи
Ни в чем, последуя закону;
Поставь над нею крест из клену
И дикий камень положи;
Когда гроза тот лес встревожит,
Мой крест прошельца привлечет;
И добрый человек, быть может,
На диком камне отдохнет.

* * *

Сижу я в комнате старинной
Один с товарищем моим,
Фонарь горит, и тенью длинной
Пол омрачен. Как легкий дым,
Туман окрестность одевает,
И хладный ветер по листам
Высоких лип перебегает.
Я у окна. Опасно нам
Заснуть. А как узнать? быть может,
Приход нежданный нас встревожит!
Готов мой верный пистолет,
В стволе свинец, на полке порох.
У двери слушаю... чу! — шорох
В развалинах... и крик! — но нет!
То мышь летучая промчалась,
То птица ночи испугалась!
На темной синеве небес
Луна меж тучками ныряет.
Спокоен я. Душа пылает
Отвагой: ни мертвец, ни бес,
Ничто меня не испугает.
Ничто... волшебный талисман
Я на груди ношу с тоскою;
Хоть не твоей любовью дан,
Он освящен *твоей* рукою!

К***

Всевышний произнес свой приговор,
Его ничто не переменит;
Меж нами руку мести он простер
И беспристрастно все оценит.
Он знает, и ему лишь можно знать,
Как нежно, пламенно любил я,
Как безответно все, что мог отдать,
Тебе на жертву приносил я.
Во зло употребила ты права,

Приобретенные над мною,
И мне польстив любовию сперва,
Ты изменила — бог с тобою!
О нет! я б не решился проклянуть!
Все для меня в тебе святое:
Волшебные глаза и эта грудь,
Где бьется сердце молодое.
Я помню, сорвал я обманом раз
Цветок, хранивший яд страданья, —
С невинных уст твоих в прощальный час
Непринужденное лобзанье;
Я знал: то не любовь — и перенес;
Но отгадать не мог я тоже,
Что всех моих надежд, и мук, и слез
Веселый миг тебе дороже!
Будь счастлива несчастием моим
И, услыхав, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньем пустым.
Прости! — вот все, что я желаю...
Чем заслужил я, чтоб твоих очей
Затмился свежий блеск слезами?
Ко смеху приучать себя нужней:
Ведь жизнь смеется же над нами!

ЖЕЛАНИЕ

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом,
И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,
Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой...
О! зачем я не ворон степной?..

К ДЕВЕ НЕБЕСНОЙ

Когда бы встретил я в раю
На третьем небе образ твой,
Он душу бы пленил мою
Своей небесной красотой;
И я б в тот миг (не утаю)
Забыл о радости земной.

Спокоен твой лазурный взор,
Как вспоминание об нем;
Как дальный отзыв дальных гор,
Твой голос нравится во всем;
И твой привет и твой укор,
Все полно, дышит божеством.

Не для земли ты создана,
И я могу ль тебя любить?
Другая женщина должна
Надежды юноши манить;
Ты превосходней, чем она,
Но так мила не можешь быть!

СВ. ЕЛЕНА

Почтим приветом остров одинокой,
Где часто, в думу погружен,
На берегу о Франции далекой
Воспоминал Наполеон!
Сын моря, средь морей твоя могила!
Вот мщение за муки стольких дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великий жизнь окончил в ней.

Изгнанник мрачный, жертва вероломства
И рока прихоти слепой,
Погиб как жил — без предков и потомства —
Хоть побежденный, но герой!
Родился он игрой судьбы случайной,
И пролетел, как буря, мимо нас;
Он миру чужд был. Все в нем было тайной,
День возвышенья — и паденья час!

К ДРУГУ В. Ш.

«До лучших дней!»—перед прощаньем,
Пожав мне руку, ты сказал;
И долго эти дни я ждал,
Но был обманут ожиданьем!..

Мой милый! не придут они,
В грядущем счастия так мало!..
Я помню радостные дни,
Но все, что помню, то пропало.

Былое бесполезно нам.
Таков маяк, порой ночною
Над бурной бездною морскою
Манящий к верным берегам,

Когда на лодке, одинокий,
Несется трепетный пловец

И видит — берег недалекий
И ближе видит свой конец.

Нет! обольстить мечтой напрасной
Больное сердце мудрено;
Едва нисходит сон прекрасный,
Уж просыпается оно!

* * *

Блистая, пробегают облака
По голубому небу. Холм крутой
Осенним солнцем озарен. Река
Бежит внизу по камням с быстротой.
И на холме пришелец молодой,
Завернут в плащ, недвижимо сидит
Под старою березой. Он молчит,
Но грудь его подъемлется порой;
Но бледный лик меняет часто цвет;
Чего он ищет здесь? — спокойствия? — о нет!

Он смотрит вдаль: тут лес пестреет, там
Поля и степи, там встречает взгляд
Опять дубраву или по кустам
Рассеянные сосны. Мир, как сад,
Цветет — надев могильный свой наряд:
Поблекнувшие листья: жалок мир!
В нем каждый средь толпы забыт и сир;
И люди все к ничтожеству спешат, —
Но, хоть природа презирает их,
Любимцы есть у ней, как у царей других.

И тот, на ком лежит ее печать,
Пускай не ропщет на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смел сказать,
Что у груди своей она змею
Согрела. «О! когда б одно люблю
Из уст прекрасной мог подслушать я,

Тогда бы люди, даже жизнь моя
В однообразном северном краю,
Все б в новый блеск оделось!» — Так мечтал
Беспечный... но просить он неба не желал!

АТАМАН

1

Горе тебе, город Казань,
Едет толпа удальцов
Собирать невольную дань
С твоих беззаботных купцов.
  Вдоль по Волге широкой
  На лодке плывут;
  И веслами дружными плещут,
  И песни поют.

2

Горе тебе, русская земля,
Атаман между ними сидит;
Хоть его лихая семья,
Как волны, шумна — он молчит;
  И краса молодая,
  Как саван бледна,
  Перед ним стоит на коленах.
  И молвит она:

3

«Горе мне, бедной девице!
Чем виновна я пред тобой,
Ты поверил злой клеветнице;
Любим мною не был другой.
  Мне жребий неволи
  Судьбинушкой дан;
  Не губи, не губи мою душу,
  Лихой атаман».

4

«Горе девице лукавой, —
Атаман ей, нахмурясь, в ответ, —
У меня оправдается правый,
Но пощады виновному нет;
    От глаз моих трудно
    Проступок укрыть,
    Все знаю!.. и вновь не могу я,
    Девица, любить!..

5

Но лекарство чудесное есть
У меня для сердечных ран...
Прости же! — лекарство то: месть!
На что же я здесь атаман?
    И заплачу ль, как плачет
    Любовник другой?..
    И смягчишь ли меня ты, девица,
    Своею слезой?»

6

Горе тебе, гроза-атаман,
Ты свой произнес приговор.
Средь пожаров ограбленных стран
Ты забудешь ли пламенный взор!..
    Остался ль ты хладен
    И тверд, как в бою,
    Когда бросили в пенные волны
    Красотку твою?

7

Горе тебе, удалой!
Как совесть совсем удалить?..
Отныне он чистой водой
Боится руки умыть.
    Умывать он их любит
    С дружиной своей
    Слезами вдовиц беззащитных
    И кровью детей!

ИСПОВЕДЬ

Я верю, обещаю верить,
Хоть сам того не испытал,
Что мог монах не лицемерить
И жить, как клятвой обещал;
Что поцелуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближних малые ошибки
Они прощают иногда,
Что время лечит от страданья,
Что мир для счастья сотворен,
Что добродетель не названье
И жизнь поболее, чем сон!..

Но вере теплой опыт хладный
Противуречит каждый миг,
И ум, как прежде безотрадный,
Желанной цели не достиг;
И сердце, полно сожалений,
Хранит в себе глубокий след
Умерших — но святых видений,
И тени чувств, каких уж нет;
Его ничто не испугает,
И то, что было б яд другим,
Его живит, его питает
Огнем язвительным своим.

НАДЕЖДА

Есть птичка рая у меня,
На кипарисе молодом
Она сидит во время дня,
Но петь никак не станет днем;
Лазурь небес — ее спина,
Головка пурпур, на крылах
Пыль золотистая видна, —

Как отблеск утра в облаках.
И только что земля уснет,
Одета мглой в ночной тиши,
Она на ветке уж поет
Так сладко, сладко для души,
Что поневоле тягость мук
Забудешь, внемля песни той,
И сердцу каждый тихий звук
Как гость приятен дорогой;
И часто в бурю я слыхал
Тот звук, который так люблю;
И я всегда надеждой звал
Певицу мирную мою!

ВИДЕНИЕ

Я видел юношу: он был верхом
На серой борзой лошади — и мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечер
Погас уж на багряном небосклоне,
И месяц в облаках блистал и в волнах;
Но юный всадник не боялся, видно,
Ни ночи, ни росы холодной; жарко
Пылали смуглые его ланиты,
И черный взор искал чего-то все
В туманном отдаленье — темно, смутно
Являлося минувшее ему —
Призрак остерегающий, который
Пугает сердце страшным предсказаньем.
Но верил он — одной своей любви.
Он мчится. Звучный топот по полям
Разносит ветер; вот идет прохожий;
Он путника остановил, и этот
Ему дорогу молча указал
И скрылся, удаляяся в дубраве.
И всадник примечает огонек,
Трепещущий на берегу противном,
И различил окно и дом, но мост
Изломан... и несется быстро Клязьма.

Как воротиться, не прижав к устам
Пленительную руку, не слыхав
Волшебный голос тот, хотя б укор
Произнесли ее уста? о! нет!
Он вздрогнул, натянул бразды, толкнул
Коня — и шумные плеснули воды,
И с пеною раздвинулись они;
Плывет могучий конь — и ближе — ближе...
И вот уж он на берегу другом
И на гору летит. И на крыльцо
Соскакивает юноша — и входит
В старинные покои... нет ее!
Он проникает в длинный коридор,
Трепещет... нет нигде... Ее сестра
Идет к нему навстречу. О! когда б
Я мог изобразить его страданье!
Как мрамор бледный и безгласный, он
Стоял... Века ужасных мук равны
Такой минуте. Долго он стоял,
Вдруг стон тяжелый вырвался из груди,
Как будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Он вышел мрачно, твердо,
Прыгнул в седло и поскакал стремглав,
Как будто бы гналося вслед за ним
Раскаянье... И долго он скакал,
До самого рассвета, без дороги,
Без всяких опасений — наконец
Он был терпеть не в силах... и заплакал:
Есть вредная роса, которой капли
На листьях оставляют пятна — так
Отчаянья свинцовая слеза,
Из сердца вырвавшись насильно, может
Скатиться, — но очей не освежит!
К чему мне приписать виденье это?
Ужели сон так близок может быть
К существенности хладной? Нет!
Не может сон оставить след в душе,
И как ни силится воображенье,
Его орудья пытки ничего
Против того, что есть и что имеет
Влияние на сердце и судьбу.

*

Мой сон переменился невзначай:
Я видел комнату; в окно светил
Весенний, теплый день; и у окна
Сидела дева, нежная лицом,
С очами полными душой и жизнью;
И рядом с ней сидел в молчанье мне
Знакомый юноша; и оба, оба
Старалися довольными казаться,
Однако же на их устах улыбка,
Едва родившись, томно умирала;
И юноша спокойный, мнилось, был,
Затем что лучше он умел таить
И побеждать страданье. Взоры девы
Блуждали по листам открытой книги,
Но буквы все сливалися под ними...
И сердце сильно билось—без причины,—
И юноша смотрел не на нее,
Хотя об ней лишь мыслил он в разлуке,
Хотя лишь ею дорожил он больше
Своей непобедимой гордой чести;
На голубое небо он смотрел,
Следил сребристых облаков отрывки
И, с сжатою душой, не смел вздохнуть,
Не смел пошевелиться, чтобы этим
Не прекратить молчанья; так боялся
Он услыхать ответ холодный или
Не получить ответа на моленья.
Безумный! ты не знал, что был любим,
И ты о том проведал лишь тогда,
Как потерял ее любовь навеки;
И удалось привлечь другому лестью
Все, все желанья девы легковерной!

ЧАША ЖИЗНИ

1

Мы пьем из чаши бытия
С закрытыми очами,
Златые омочив края
Своими же слезами;

2

Когда же перед смертью с глаз
Завязка упадает,
И все, что обольщало нас,
С завязкой исчезает;

3

Тогда мы видим, что пуста
Была златая чаша,
Что в ней напиток был — мечта,
И что она — не наша!

К Л. —

(Подражание Байрону)

1

У ног других не забывал
Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
Любовью прежних дней;
Так память, демон-властелин,
Все будит старину,
И я твержу один, один:
Люблю, люблю одну!

2

Принадлежишь другому ты,
Забыт певец тобой;
С тех пор влекут меня мечты
Прочь от земли родной;
Корабль умчит меня от ней
В безвестную страну,
И повторит волна морей:
Люблю, люблю одну!

8

И не узнает шумный свет,
  Кто нежно так любим,
Как я страдал и сколько лет
  Я памятью томим;
И где бы я ни стал искать
  Былую тишину,
Все сердце будет мне шептать:
  Люблю, люблю одну!

К Н. И......

Я не достоин, может быть,
Твоей любви: не мне судить;
Но ты обманом наградила
Мои надежды и мечты,
И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.
Ты не коварна, как змея,
Лишь часто новым впечатленьям
Душа вверяется твоя.
Она увлечена мгновеньем;
Ей милы многие, вполне
Еще никто; но это мне
Служить не может утешеньем.
В те дни, когда, любим тобой,
Я мог доволен быть судьбой,
Прощальный поцелуй однажды
Я сорвал с нежных уст твоих;
Но в зной, среди степей сухих,
Не утоляет капля жажды.
Дай бог, чтоб ты нашла опять,
Что не боялась потерять;
Но... женщина забыть не может
Того, кто так любил, как я;
И в час блаженнейший тебя
Воспоминание встревожит!
Тебя раскаянье кольнет,

Когда с насмешкой проклянет
Ничтожный мир мое названье!
И побоишься защитить,
Чтобы в преступном состраданье
Вновь обвиняемой не быть!

ВОЛЯ

Моя мать — злая кручина,
Отцом же была мне — судьбина;
Мои братья, хоть люди,
Не хотят к моей груди
Прижаться;
Им стыдно со мною,
С бедным сиротою,
Обняться!

Но мне богом дана
Молодая жена,
Воля-волюшка,
Вольность милая,
Несравненная;
С ней нашлись другие у меня
Мать, отец и семья;
А моя мать — степь широкая,
А мой отец — небо далекое;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;
Мои братья в лесах —
Березы да сосны.

Несусь ли я на коне —
Степь отвечает мне;
Брожу ли поздней порой —
Небо светит мне луной;
Мои братья, в летний день,
Призывая под тень,
Машут издали руками,
Кивают мне головами;
И вольность мне гнездо свила,
Как мир — необъятное!

СЕНТЯБРЯ 28

Опять, опять я видел взор твой милый,
Я говорил с тобой.
И мне былое, взятое могилой,
Напомнил голос твой.
К чему? — другой лобзает эти очи
И руку жмет твою.
Другому голос твой во мраке ночи
Твердит: люблю! люблю!

Откройся мне: ужели непритворны
Лобзания твои?
Они правам супружества покорны,
Но не правам любви;
Он для тебя не создан; ты родилась
Для пламенных страстей.
Отдав ему себя, ты не спросилась
У совести своей.

Он чувствовал ли трепет потаенный
В присутствии твоем;
Умел ли презирать он мир презренный,
Чтоб мыслить об одном;
Встречал ли он с молчаньем и слезами
Привет холодный твой,
И лучшими ль он жертвовал годами
Мгновениям с тобой?

Нет! я уверен, твоего блаженства
Не может сделать тот,
Кто красоты наружной совершенства
Одни в тебе найдет.
Так! ты его не любишь... тайной властью
Прикована ты вновь
К душе печальной, незнакомой счастью,
Но нежной, как любовь.

* * *

Зови надежду сновиденьем,
Неправду — истиной зови,
Не верь хвалам и увереньям,
Но верь, о, верь моей любви!

Такой любви нельзя не верить,
Мой взор не скроет ничего;
С тобою грех мне лицемерить,
Ты слишком ангел для того.

* * *

Прекрасны вы, поля земли родной,
Еще прекрасней ваши непогоды;
Зима сходна в ней с первою зимой,
Как с первыми людьми ее народы!..
Туман здесь одевает неба своды!
И степь раскинулась лиловой пеленой,
И так она свежа, и так родня с душой,
Как будто создана лишь для свободы...

Но эта степь любви моей чужда;
Но этот снег летучий, серебристый
И для страны порочной слишком чистый
Не веселит мне сердца никогда.
Его одеждой хладной, неизменной
Сокрыта от очей могильная гряда
И позабытый прах, но мне, но мне бесценный.

* * *

Метель шумит, и снег валит,
Но сквозь шум ветра дальний звон,
Порой прорвавшися, гудит;
То отголосок похорон.

То звук могилы над землей,
Умершим весть, живым укор,
Цветок поблекший гробовой,
Который не пленяет взор.

Пугает сердце этот звук,
И возвещает он для нас
Конец земных недолгих мук,
Но чаще новых первый час...

ПЕСНЯ

Ликуйте, друзья, ставьте чаши вверх дном,
Пейте!
На пиру этой жизни, как здесь на моем,
Не робейте.
Как чаши, не бойтесь всё ставить вверх дном.
Что стоит уж вверх дном, то не может мешать
Плу́там!
Я советую детям своим повторять
(Даже с прутом):
Что стоит уж вверх дном, то не может мешать.
Я люблю очень дно доставать на пирах
В чаше!
И даже в других больше нежных местах
У П....е.
На дне лишь есть жемчуг в морских глубинах!

НЕБО И ЗВЕЗДЫ

Чисто вечернее небо,
Ясны далекие звезды,
Ясны, как счастье ребенка;
О! для чего мне нельзя и подумать:
Звезды, вы ясны, как счастье мое!

Чем ты несчастлив,
Скажут мне люди?
Тем я несчастлив,
Добрые люди, что звезды и небо —
Звезды и небо! — а я человек!..

Люди друг к другу
Зависть питают;
Я же, напротив,
Только завидую звездам прекрасным,
Только их место занять бы желал.

СЧАСТЛИВЫЙ МИГ

Не робей, краса младая,
Хоть со мной наедине;
Стыд ненужный отгоняя,
Подойди — дай руку мне.
Не тепла твоя светлица,
Не мягка постель твоя,
Но к устам твоим, девица,
Я прильну — согреюсь я.

От нескромного невежды
Занавесь окно платком;
Ну — скидай свои одежды,
Не упрямься, мы вдвоем;
На пирах за полной чашей,
Я клянусь, не расскажу
О взаимной страсти нашей;
Так скорее ж... я дрожу.

О! как полны, как прекрасны
Груди жаркие твои,
Как румяны, сладострастны
Пред мгновением любви;
Вот и маленькая ножка,
Вот и круглый гибкий стан,
Под сорочкой лишь немножко
Прячешь ты свой талисман;

Перед тем, чтобы лишиться
Непорочности своей,
Так невинна ты, что мнится,
Я, любя тебя, — злодей.
Взор, склоненный на колена,
Будто молит пощадить;
Но ужасным, друг мой Лена,
Миг один не может быть.

Полон сладким ожиданьем,
Я лишь взор питаю свой;
Ты сама, горя желаньем,
Призовешь меня рукой;
И тогда душа забудет
Все, что в муку ей дано,
И от счастья нас разбудит
Истощение одно.

* * *

1

Когда б в покорности незнанья
Нас жить создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать.

2

Но чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней, —
Она в душе, где все земное,
Живет наперекор страстей;
Она залог, что есть поныне

На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел нежный,
И где тоски ее мятежной
Душа узнать не может вновь.

К КН. Л. Г—ОЙ

Когда ты холодно внимаешь
Рассказам горести чужой
И недоверчиво качаешь
Своей головкой молодой;
Когда блестящие наряды
Безумно радуют тебя
Иль от ребяческой досады
Душа волнуется твоя,
Когда я вижу, вижу ясно,
Что для тебя в семнадцать лет
Все привлекательно, прекрасно,
Все — даже люди, жизнь и свет, —
Тогда, измучен вспоминаньем,
Я говорю душе своей:
Счастлив, кто мог земным желаньям
Отдать себя во цвете дней!
Но не завидуй: ты не будешь
Довольна этим, как она;
Своих надежд ты не забудешь,
Но для других не рождена;
Так! мысль великая хранилась
В тебе доныне, как зерно;
С тобою в мир она родилась:
Погибнуть ей не суждено!

* * *

Кто видел Кремль в час утра золотой,
Когда лежит над городом туман,
Когда меж храмов с гордой простотой,
Как царь, белеет башня-великан?

* * *

Я видел тень блаженства: но вполне,
Свободно от людей и от земли,
Не суждено им насладиться мне.
Быть может, манит только издали
Оно надежду; получив, — как знать? —
Быть может, я б его стал презирать
И увидал бы, что ни слез, ни мук
Не стоит счастье, ложное как звук.

Кто скажет мне, что звук ее речей
Не отголосок рая? что душа
Не смотрит из живых очей,
Когда на них смотрю я, чуть дыша?
Что для мученья моего она,
Как ангел казни, богом создана?
Нет! чистый ангел не виновен в том,
Что есть пятно тоски в уме моем;

И с каждым годом шире то пятно;
И скоро все поглотит, и тогда
Узнаю я спокойствие, оно,
Наверно, много причинит вреда
Моим мечтам и пламень чувств убьет,
Зато без бурь напрасных приведет
К уничтоженью; но до этих дней
Я волен — даже — если раб страстей!

Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной — и все, что чуждо ей,
То чуждо мне; я родину люблю
И больше многих: средь ее полей
Есть место, где я горесть начал знать,
Есть место, где я буду отдыхать,
Когда мой прах, смешавшися с землей,
Навеки прежний вид оставит свой.

О мой отец! где ты? где мне найти
Твой гордый дух, бродящий в небесах?
В твой мир ведут столь разные пути,

Что избирать мешает тайный страх.
Есть рай небесный! — звезды говорят;
Но где же? вот вопрос — и в нем-то яд;
Он сделал то, что в женском сердце я
Хотел сыскать отраду бытия.

К***

О, не скрывай! ты плакала об нем —
И я его люблю; он заслужил
Твою слезу, и если б был врагом
Моим, то я б с тех пор его любил.

И я бы мог быть счастлив; но зачем
Искать условий счастия в былом!
Нет! я доволен должен быть и тем,
Что зрел, как ты жалела о другом!

К**

Ты слишком для невинности мила,
И слишком ты любезна, чтоб любить!
Полмиру дать ты счастие б могла,
Но счастливой самой тебе не быть;
Блаженство нам не посылает рок
Вдвойне. Видала ль быстрый ты поток?
Брега его цветут, тогда как дно
Всегда глубоко, хладно и темно!

* * *

Кто в утро зимнее, когда валит
Пушистый снег и красная заря
На степь седую с трепетом глядит,
Внимал колоколам монастыря;

В борьбе с порывным ветром этот звон
Далеко им по небу унесен, —
И путникам он нравился не раз,
Как весть кончины иль бессмертья глас.

И этот звон люблю я! Он цветок
Могильного кургана, мавзолей,
Который не изменится; ни рок,
Ни мелкие несчастия людей
Его не заглушат; всегда один,
Высокой башни мрачный властелин,
Он возвещает миру все, но сам —
Сам чужд всему, земле и небесам.

АНГЕЛ

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

СТАНСЫ

1

Я не могу ни произнесть,
Ни написать твое названье:
Для сердца тайное страданье
В его знакомых звуках есть;
Суди ж, как тяжко это слово
Мне услыхать в устах другого.

2

Какое право им дано
Шутить святынею моею?
Когда коснуться я не смею,
Ужели им позволено?
Как я, ужель они искали
Свой рай в тебе одной? — едва ли!

3

Ни перед кем я не склонял
Еще послушного колена;
То гордости была б измена:
А ей лишь робкий изменял;
И не поникну я главою,
Хотя б то было пред судьбою!

4

Но если ты перед людьми
Прикажешь мне унизить душу,
Я клятвы юности нарушу,
Все клятвы, кроме клятв любви,
Пускай им скажут, дорогая,
Что это сделал для тебя я!

5

Улыбку я твою видал,
Она мне сердце восхищала,

И ей, так думал я сначала,
Подобной нет — но я не знал,
Что очи, полные слезами,
Равны красою с небесами.

6

Я видел их! и был вполне
Счастлив — пока слеза катилась,
В ней искра божества хранилась.
Она принадлежала мне.
Так! все прекрасное, святое,
В тебе — мне больше чем родное.

7

Когда б миры у наших ног
Благословляли нашу волю,
Я эту царственную долю
Назвать бы счастием не мог,
Ему страшны молвы сужденья,
Оно цветок уединенья.

8

Ты помнишь вечер и луну,
Когда в беседке одинокой
Сидел я с думою глубокой,
Взирая на тебя одну...
Как мне мила тех дней беспечность!
За вечер тот я б не взял вечность.

9

Так за ничтожный талисман,
От гроба Магомета взятый,
Факиру дайте жемчуг, злато,
И все богатства чуждых стран:
Закону строгому послушный,
Он их отвергнет равнодушно!

* * *

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!
Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Постигнут ты желанною кончиной;
Дай бог, чтобы, как твой, спокоен был
конец
Того, кто был всех мук твоих причиной!
Но ты простишь мне! Я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мне судить, виновен ты иль нет;
Ты светом осужден? Но что такое свет?
Толпа людей, то злых, то благосклонных,
Собрание похвал незаслуженных
И стольких же насмешливых клевет.
Далеко от него, дух ада или рая,
Ты о земле забыл, как был забыт землей,
Ты счастливей меня, перед тобой
Как море жизни — вечность роковая
Неизмеримою открылась глубиной.
Ужели вовсе ты не сожалеешь ныне
О днях, потерянных в тревоге и слезах?
О сумрачных, но вместе милых днях,
Когда в душе искал ты, как в пустыне,
Остатки прежних чувств и прежние мечты?
Ужель теперь совсем меня не любишь ты?
О, если так, то небо не сравняю
Я с этою землей, где жизнь влачу мою;
Пускай на ней блаженства я не знаю,
По крайней мере я люблю!

Рисунок Лермонтова

Рисунок Лермонтова

Акварель

* * *

Пусть я кого-нибудь люблю:
Любовь не красит жизнь мою.
Она как чумное пятно
На сердце, жжет, хотя темно;
Враждебной силою гоним,
Я тем живу, что смерть другим:
Живу — как неба властелин —
В прекрасном мире — но один.

К ДРУГУ

Забудь опять
Свои надежды;
Об них вздыхать
Судьба невежды;
Она дитя:
Не верь на слово;
Она шутя
Полюбит снова;
Все, что блестит,
Ее пленяет;
Все, что грустит,
Ее пугает;
Так облачко
По небу мчится
Светло, легко;
Оно глядится
В волнах морских
Поочередно;
Но чужд для них
Прошлец свободный;
Он образ свой
Во всех встречает,
Хоть их порой
Не замечает.

* * *

Пора уснуть последним сном,
Довольно в мире пожил я;
Обманут жизнью был во всем,
И ненавидя и любя.

ИЗ ПАТКУЛЯ

Напрасна врагов ядовитая злоба,
Рассудят нас бог и преданья людей;
Хоть розны судьбою, мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.

Пускай я погибну... близ сумрака гроба
Не ведая страха, не зная цепей.
Мой дух возлетает все выше и выше
И вьется, как дым над железною крышей!

* * *

Я не для ангелов и рая
Всесильным богом сотворен;
Но для чего живу, страдая,
Про это больше знает он.

Как демон мой, я зла избранник,
Как демон, с гордою душой,
Я меж людей беспечный странник,
Для мира и небес чужой;

Прочти, мою с его судьбою
Воспоминанием сравни
И верь безжалостной душою,
Что мы на свете с ним одни.

ПОРТРЕТ

Взгляни на этот лик; искусством он
Небрежно на холсте изображен,
Как отголосок мысли неземной,
Не вовсе мертвый, не совсем живой;
Холодный взор не видит, но глядит
И всякого, не нравясь, удивит;
В устах нет слов, но быть они должны:
Для слов уста такие рождены;
Смотри: лицо как будто отошло
От полотна, — и бледное чело
Лишь потому не страшно для очей,
Что нам известно: не гроза страстей
Ему дала болезненный тот цвет,
И что в груди сей чувств и сердца нет.
О боже, сколько я видал людей,
Ничтожных — пред картиною моей,
Душа которых менее жила,
Чем обещает вид сего чела.

* * *

Настанет день — и миром осужденный,
Чужой в родном краю,
На месте казни — гордый, хоть презренный —
Я кончу жизнь мою;
Виновный пред людьми, не пред тобою,
Я твердо жду тот час;
Что смерть?— лишь ты не изменись душою —
Смерть не разрознит нас.
Иная есть страна, где предрассудки
Любви не охладят,
Где не отнимет счастия из шутки,
Как здесь, у брата брат.
Когда же весть кровавая примчится
О гибели моей,
И как победе станут веселиться
Толпы других людей;
Тогда... молю! — единою слезою
Почти холодный прах

Того, кто часто с скрытною тоскою
Искал в твоих очах...
Блаженства юных лет и сожаленья;
Кто пред тобой открыл
Таинственную душу и мученья,
Которых жертвой был.
Но если, если над моим позором
Смеяться станешь ты
И возмутишь неправедным укором
И речью клеветы
Обиженную тень, — не жди пощады;
Как червь, к душе твоей
Я прилеплюсь, и каждый миг отрады
Несносен будет ей,
И будешь помнить прежнюю беспечность,
Не зная воскресить,
И будет жизнь тебе долга, как вечность,
А все не будешь жить.

К Д.

Будь со мною, как прежде бывала;
О, скажи мне хоть слово одно;
Чтоб душа в этом слове сыскала,
Что хотелось ей слышать давно;

Если искра надежды хранится
В моем сердце — она оживет;
Если может слеза появиться
В очах — то она упадет.

Есть слова — объяснить не могу я,
Отчего у них власть надо мной;
Их услышав, опять оживу я,
Но от них не воскреснет другой;

О, поверь мне, холодное слово
Уста оскверняет твои,
Как листки у цветка молодого
Ядовитое жало змеи!

ПЕСНЯ

Желтый лист о стебель бьется
Перед бурей:
Сердце бедное трепещет
Пред несчастьем.

Что за важность, если ветер
Мой листок одинокой
Унесет далеко, далеко,
Пожалеет ли об нем
Ветка сырая;

Зачем грустить мо́лодцу,
Если рок судил ему
Угаснуть в краю чужом?
Пожалеет ли об нем
Красна девица?

К НЭЕРЕ

Скажи, для чего перед нами
Ты в кудри вплетаешь цветы?
Себя ли украсишь ты розой
Прелестной, минутной, как ты?
Зачем приводить нам на память,
Что могут ланиты твои
Увянуть, что взор твой забудет
Восторги надежд и любви?
Дивлюсь я тебе: равнодушно,
Беспечно ты смотришь вперед;
Смеешься над временем, будто
Нэеру оно обойдет.
Ужель ты безумным весельем
Прогнать только хочешь порой
Грядущего тени? ужели
Чужда ты веселью душой?
Пять лет протекут: ни лобзаньем,
Ни сладкой улыбкою глаз

К себе на душистое ложе
Опять не заманишь ты нас.
О, лучше умри поскорее,
Чтоб юный красавец сказал:
«Кто был этой девы милее?
Кто раньше ее умирал?»

ОТРЫВОК

Три ночи я провел без сна — в тоске,
В молитве, на коленах, — степь и небо
Мне были храмом, алтарем курган;
И если б кости, скрытые под ним,
Пробуждены могли быть человеком,
То, обожженные моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю, мертвецы
Вскочили б, загремев одеждой бранной!
О боже! как? — одна, одна слеза
Была плодом ужасных трех ночей?
Нет, эта адская слеза, конечно,
Последняя, не то три ночи б я
Ее не дожидался. Кровь собратий,
Кровь стариков, растоптанных детей
Отяготела на душе моей,
И приступила к сердцу, и насильно
Заставила его расторгнуть узы
Свои, и в мщенье обратила все,
Что в нем похоже было на любовь;
Свой замысел пускай я не свершу,
Но он велик — и этого довольно;
Мой час настал — час славы иль стыда;
Бессмертен иль забыт я навсегда.

Я вопрошал природу, и она
Меня в свои объятья приняла,
В лесу холодном в грозный час метели
Я сладость пил с ее волшебных уст,
Но для моих желаний мир был пуст,
Они себе предмета в нем не зрели;

На звезды устремлял я часто взор
И на луну, небес ночных убор,
Но чувствовал, что не для них родился;
Я небо не любил, хотя дивился
Пространству без начала и конца,
Завидуя судьбе его творца;
Но, потеряв отчизну и свободу,
Я вдруг нашел себя, в себе одном
Нашел спасенье целому народу;
И утонул деятельным умом
В единой мысли, может быть напрасной
И бесполезной для страны родной;
Но, как надежда, чистой и прекрасной,
Как вольность, сильной и святой.

БАЛЛАДА

В избушке позднею порою
Славянка юная сидит.
Вдали багровой полосою
На небе зарево горит...
И, люльку детскую качая,
Поет славянка молодая...

«Не плачь, не плачь! иль сердцем чуешь,
Дитя, ты близкую беду!..
О, полно, рано ты тоскуешь:
Я от тебя не отойду.
Скорее мужа я утрачу.
Дитя, не плачь! и я заплачу!

Отец твой стал за честь и бога
В ряду бойцов против татар,
Кровавый след ему дорога,
Его булат блестит, как жар.
Взгляни, там зарево краснеет:
То битва семя смерти сеет.

Как рада я, что ты не в силах
Понять опасности своей,

Не плачут дети на могилах;
Им чужд и стыд и страх цепей;
Их жребий зависти достоин...»
Вдруг шум — и в двери входит воин.

Брада в крови, избиты латы.
«Свершилось! — восклицает он, —
Свершилось! торжествуй, проклятый!..
Наш милый край порабощен,
Татар мечи не удержали —
Орда взяла, и наши пали».

И он упал — и умирает
Кровавой смертию бойца.
Жена ребенка поднимает
Над бледной головой отца:
«Смотри, как умирают люди,
И мстить учись у женской груди!..»

СИЛУЭТ

Есть у меня твой силуэт,
Мне мил его печальный цвет;
Висит он на груди моей,
И мрачен он, как сердце в ней.

В глазах нет жизни и огня,
Зато он вечно близ меня;
Он тень твоя, но я люблю,
Как тень блаженства, тень твою.

* * *

Как дух отчаянья и зла,
Мою ты душу обняла;
О! для чего тебе нельзя
Ее совсем взять у меня?

Моя душа твой вечный храм;
Как божество, твой образ там;
Не от небес, лишь от него
Я жду спасенья своего.

* * *

Я не люблю тебя; страстей
И мук умчался прежний сон;
Но образ твой в душе моей
Все жив, хотя бессилен он;
Другим предавшися мечтам,
Я все забыть его не мог;
Так храм оставленный — все храм,
Кумир поверженный — все бог!

СТАНСЫ

Мгновенно пробежав умом
Всю цепь того, что прежде было, —
Я не жалею о былом:
Оно меня не усладило.

Как настоящее, оно
Страстями бурными облито
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забытый.

Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою,
И если о любви пою —
Она была моей мечтою.

Как метеор в вечерней мгле,
Она очам моим блеснула
И, бывши все мне на земле,
Как все земное, обманула.

1830—1831

ЗВЕЗДА

Вверху одна
Горит звезда,
Мой ум она
Манит всегда,
Мои мечты
Она влечет
И с высоты
Мне радость льет.
Таков же был
Тот нежный взор,
Что я любил
Судьбе в укор;
Мук никогда
Он зреть не мог,
Как та звезда,
Он был далек;
Усталых вежд
Я не смыкал,
Я без надежд
К нему взирал!

РАСКАЯНЬЕ

К чему мятежное роптанье,
Укор владеющей судьбе?
Она была добра к тебе,

Ты создал сам свое страданье.
Бессмысленный, ты обладал
Душою чистой, откровенной,
Всеобщим злом не зараженной,
И этот клад ты потерял.

Огонь любви первоначальной
Ты в ней решился зародить
И далее не мог любить,
Достигнув цели сей печальной.
Ты презрел все; между людей
Стоишь, как дуб в стране пустынной,
И тихий плач любви невинной
Не мог потрясть души твоей.

Не дважды бог дает нам радость,
Взаимной страстью веселя;
Без утешения, томя,
Пройдет и жизнь твоя, как младость.
Ее лобзанье встретишь ты
В устах обманщицы прекрасной;
И будут пред тобой всечасно
Предмета первого черты.

О, вымоли ее прощенье,
Пади, пади к ее ногам,
Не то ты приготовишь сам
Свой ад, отвергнув примиренье.
Хоть будешь ты еще любить,
Но прежним чувствам нет возврату,
Ты вечно первую утрату
Не будешь в силах заменить.

ВЕНЕЦИЯ

I

Поверхностью морей отражена,
Богатая Венеция почила,
Сырой туман дымился, и луна

Высокис твердыни осребрила.
Чуть виден бег далекого ветрила,
Студеная вечерняя волна
Едва шумит под веслами гондолы
И повторяет звуки баркаролы.

2

Мне чудится, что это ночи стон,
Как мы, своим покоем недовольной,
Но снова песнь! и вновь гитары звон!
О, бойтеся, мужья, сей песни вольной.
Советую, хотя мне это больно,
Не выпускать красавиц ваших жен;
Но если вы в сей миг неверны сами,
Тогда, друзья! да будет мир меж вами!

3

И мир с тобой, прекрасный Чичизбей,
И мир с тобой, лукавая Мелина.
Неситеся по прихоти морей,
Любовь нередко бережет пучина;
Хоть и над морем царствует судьбина,
Гонитель вечный счастливых людей,
Но талисман пустынного лобзанья
Уводит сердца темные мечтанья.

4

Рука с рукой, свободу дав очам,
Сидят в ладье и шепчут меж собою;
Она вверяет месячным лучам
Младую грудь с пленительной рукою,
Укрытые досель под епанчою,
Чтоб юношу сильней прижать к устам;
Меж тем вдали то грустный, то веселый
Раздался звук обычной баркаролы:

Как в дальнем море ветерок,
Свободен вечно мой челнок;
Как речки быстрое русло,
Не устает мое весло.

Гондола по воде скользит,
А время по любви летит;
Опять сровняется вода,
Страсть не воскреснет никогда.

* * *

Я видел раз ее в веселом вихре бала;
Казалось, мне она понравиться желала;
Очей приветливость, движений быстрота,
Природный блеск ланит и груди полнота —
Все, все наполнило б мне ум очарованьем,
Когда б совсем иным, бессмысленным желаньем
Я не был угнетен; когда бы предо мной
Не пролетала тень с насмешкою пустой,
Когда б я только мог забыть черты другие,
Лицо бесцветное и взоры ледяные!..

ПОДРАЖАНИЕ БАЙРОНУ

Не смейся, друг, над жертвою страстей,
Венец терновый я сужден влачить;
Не быть ей вечно у груди моей,
И что ж, я не могу другой любить.
Как цепь гремит за узником, за мной
Так мысль о будущем, и нет иной.

Я вижу длинный ряд тяжелых лет,
А там людьми презренный гроб, он ждет,
И до него надежды нет, и нет
За ним того, что ожидает тот,

Кто жил одной любовью, погубил
Все в жизни для нее, а все любил.
И вынесть мог сей взор ледяный я
И мог тогда ей тем же отвечать.
Увижу на руках ее дитя
И стану я при ней его ласкать,
И в каждой ласке мать узнает вновь,
Что время не могло унесть любовь!..

К ДУРНОВУ

Довольно любил я, чтоб вечно грустить,
Для счастья же мало любил,
Но полно, что пользы мне душу открыть,
Зачем я не то, что я был?

В вечернее время, в час первого сна,
Как блещет туман средь долин,
На месте, где прежде бывала она,
Брожу беспокоен, один.

Тогда ты глаза и лицо примечай,
Движенья спеши понимать,
И если тебе удалось... то ступай!
Я больше не мог бы сказать.

АРФА

I

Когда зеленый дерн мой скроет прах,
Когда, простясь с недолгим бытием,
Я буду только звук в твоих устах,
Лишь тень в воображении твоем;
Когда друзья младые на пирах
Меня не станут поминать вином, —
Тогда возьми простую арфу ты,
Она была мой друг и друг мечты.

II

Повесь ее в дому против окна,
Чтоб ветер осени играл над ней
И чтоб ему ответила она
Хоть отголоском песен прошлых дней;
Но не проснется звонкая струна
Под белоснежною рукой твоей,
Затем что тот, кто пел твою любовь,
Уж будет спать, чтоб не проснуться вновь.

* * *

На темной скале над шумящим Днепром
Растет деревцо молодое;
Деревцо мое ветер ни ночью, ни днем
Не может оставить в покое;
И, лист обрывая, ломает и гнет,
Но с берега в волны никак не сорвет.

Таков несчастливец, гонимый судьбой;
Хоть взяты желанья могилой,
Он должен влачить одинок под луной
Обломки сей жизни остылой;
Он должен надежды свои пережить
И с любовию в сердце бояться любить!

ПЕСНЯ

I

Не знаю, обманут ли был я,
Осмеян тобой или нет,
Но клянуся, что сам любил я
И остался от этого след.
Заклинаю тебя всем небесным
И всем, что не сбудется вновь,
И счастием мне неизвестным,
О, прости мне мою любовь.

II

Ты не веришь словам без искусства,
Но со временем эти листы
Тебе объяснят мои чувства
И то, что отвергнула ты.
И ты вздохнешь, может статься,
С слезою на ясных очах
О том, кто не будет нуждаться
Ни в печали чужой, ни в слезах.

III

И мир не увидит холодный
Ни желанье, ни грусть, ни мечты
Души молодой и свободной,
С тех пор как не видишь их ты.
Но если бы я возвратился
Ко дням позабытых тревог,
Вновь так же страдать я б решился
И любить бы иначе не мог.

ПИР АСМОДЕЯ

(*Сатира*)

У беса праздник. Скачет представляться
Чертей и душ усопших мелкий сброд,
Кухмейстеры за кушаньем трудятся,
Прозябнувши, придворный в зале ждет.
И вот за стол все по чинам садятся,
И вот лакей картофель подает,
Затем что самодержец Мефистофель
Был родом немец и любил картофель.

По правую сидел приезжий <Павел>,
По левую начальник докторов,
Великий Фауст, муж отличных правил
(Распространять сужденья дураков
Он средство нам превечное доставил).

Сидят. Вдруг настежь дверь и звук шагов;
Три демона, войдя с большим поклоном,
Кладут свои подарки перед троном.

1-й демон (*говорит*)

Вот сердце женщины: она искала
От неба даже скрыть свои дела
И многим это сердце обещала
И никому его не отдала.
Она себе беды лишь не желала,
Лишь злобе до конца верна была.
Не откажись от скромного даянья,
Хоть эта вещь не стоила названья.

«C'est trop commun![1] — воскликнул бес
державный
С презрительной улыбкою своей. —
Подарок твой подарок был бы славный,
Но новизна царица наших дней;
И мало ли случалося недавно,
И как не быть приятных мне вестей;
Я думаю, слыхали даже стены
Про эти бесконечные измены».

2-й демон

На стол твой я принес вино свободы;
Никто не мог им жажды утолить,
Его земные опились народы
И начали в куски короны бить;
Но как помочь? кто против общей моды?
И нам ли разрушенье усыпить?
Прими ж напиток сей, земли властитель,
Единственный мой царь и повелитель.

Тут все цари невольно взбеленились,
С тарелками вскочили с мест своих,
Боялся, чтобы черти не напились,
Чтоб и отсюда не прогнали их.
Придворные в молчании косились,

[1] Это слишком банально! (*франц.*)

Смекнув, что лучше прочь в подобный миг;
Но главный бес с геройскою ухваткой
На землю выплеснул напиток сладкой.

3-й демон

В Москву болезнь холеру притащили,
Врачи вступились за нее тотчас,
Они морили, и они лечили
И больше уморили во сто раз.
Один из них, которому служили
Мы некогда, вовремя вспомнил нас,
И он кого-то хлору пить заставил
И к прадедам здорового отправил.

Сказал и подает стакан фатальный
Властителю поспешною рукой.
«Так вот сосуд любезный и печальный,
Драгой залог науки докторской.
Благодарю. Хотя с полночи дальной,
Но мне милее всех подарок твой».
Так молвил Асмодей и все смеялся,
Покуда пир вечерний продолжался.

СОН

Я видел сон: прохладный гаснул день,
От дома длинная ложилась тень,
Луна, взойдя на небе голубом,
Играла в стеклах радужным огнем;
Все было тихо, как луна и ночь,
И ветр не мог дремоты превозмочь.
И на большом крыльце, меж двух колонн,
Я видел деву; как последний сон
Души, на небо призванной, она
Сидела тут пленительна, грустна;
Хоть, может быть, притворная печаль
Блестела в этом взоре, но едва ль.
Ее рука так трепетна была,
И грудь ее младая так тепла;

У ног ее (ребенок, может быть)
Сидел... ах! рано начал он любить,
Во цвете лет, с привязчивой душой,
Зачем ты здесь, страдалец молодой?
И он сидел и с страхом руку жал,
И глаз ее движенья провожал.
И не прочел он в них судьбы завет,
Мучение, заботы многих лет,
Болезнь души, потоки горьких слез,
Все, что оставил, все, что перенес;
И дорожил он взглядом тех очей,
Причиною погибели своей...

НА КАРТИНУ РЕМБРАНДТА

Ты понимал, о мрачный гений,
Тот грустный безотчетный сон,
Порыв страстей и вдохновений,
Все то, чем удивил Байрон.
Я вижу лик полуоткрытый
Означен резкою чертой;
То не беглец ли знаменитый
В одежде инока святой?
Быть может, тайным преступленьем
Высокий ум его убит;
Все темно вкруг: тоской, сомненьем
Надменный взгляд его горит.
Быть может, ты писал с природы,
И этот лик не идеал!
Или в страдальческие годы
Ты сам себя изображал?
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнет взор,
И этот труд необычайный
Бездушным будет злой укор.

К***

О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит порфира?
Пусть их глупцы боготворят,

Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец не твой венец.

Изгнаньем из страны родной
Хвались повсюду как свободой;
Высокой мыслью и душой
Ты рано одарен природой;
Ты видел зло и перед злом
Ты гордым не поник челом.

Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни:
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою.

ПРОЩАНЬЕ

Прости, прости!
О сколько мук
Произвести
Сей может звук.
В далекий край
Уносишь ты
Мой ад, мой рай,
Мои мечты.
Твоя рука
От уст моих
Так далека,
О, лишь на миг,
Прошу, приди
И оживи
В моей груди
Огонь любви.
Я здесь больной,
Один, один,
С моей тоской,

Как властелин,
Разлуку я
Переживу ль
И ждать тебя
Назад могу ль?
Пусть я прижму
Уста к тебе
И так умру
Назло судьбе.
Что за нужда?
Прощанья час
Пускай тогда
Застанет нас!

К ПРИЯТЕЛЮ

Мой друг, не плачь перед разлукой
И преждевременною мукой
Младое сердце не тревожь,
Ты сам же после осмеешь
Тоску любови легковерной,
Которая закралась в грудь.
Что раз потеряно, то, верно,
Вернется к нам когда-нибудь.
Но невиновен рок бывает,
Что чувство в нас неглубоко,
Что наше сердце изменяет
Надеждам прежним так легко,
Что, получив опять предметы,
Недавно взятые судьбой,
Не узнаем мы их приметы,
Не прельщены их красотой;
И даже прежнему пристрастью
Не верим слабою душой,
И даже то относим к счастью,
Что нам казалося бедой.

СМЕРТЬ

Оборвана цепь жизни молодой,
Окончен путь, бил час, пора домой,
Пора туда, где будущего нет,
Ни прошлого, ни вечности, ни лет;
Где нет ни ожиданий, ни страстей,
Ни горьких слез, ни славы, ни честей;
Где вспоминанье спит глубоким сном
И сердце в тесном доме гробовом
Не чувствует, что червь его грызет.
Пора. Устал я от земных забот.
Ужель бездушных удовольствий шум,
Ужели пытки бесполезных дум,
Ужель самолюбивая толпа,
Которая от мудрости глупа,
Ужели дев коварная любовь
Прельстят меня перед кончиной вновь?
Ужели захочу я жить опять,
Чтобы душой по-прежнему страдать
И столько же любить? Всесильный бог,
Ты знал: я долее терпеть не мог;
Пускай меня обхватит целый ад,
Пусть буду мучиться, я рад, я рад,
Хотя бы вдвое против прошлых дней,
Но только дальше, дальше от людей.

ВОЛНЫ И ЛЮДИ

Волны катятся одна за другою
С плеском и шумом глухим;
Люди проходят ничтожной толпою
Также один за другим.
Волнам их воля и холод дороже
Знойных полудня лучей;
Люди хотят иметь души... и что же? —
Души в них волн холодней!

ЗВУКИ

Что за звуки! неподвижен, внемлю
Сладким звукам я;
Забываю вечность, небо, землю,
Самого себя.
Всемогущий! что за звуки! жадно
Сердце ловит их,
Как в пустыне путник безотрадной
Каплю вод живых!
И в душе опять они рождают
Сны веселых лет
И в одежду жизни одевают
Все, чего уж нет.
Принимают образ эти звуки,
Образ милый мне;
Мнится, слышу тихий плач разлуки,
И душа в огне.
И опять безумно упиваюсь
Ядом прежних дней,
И опять я в мыслях полагаюсь
На слова людей.

11 ИЮЛЯ

Между лиловых облаков
Однажды вечера светило
За снежной цепию холмов,
Краснея, ярко заходило,
И возле девы молодой,
Последним блеском озаренной,
Стоял я бледный, чуть живой,
И с головы ее бесценной
Моих очей я не сводил.
Как долго это я мгновенье
В туманной памяти хранил.
Ужель все было сновиденье:
И ложе девы, и окно,
И трепет милых уст, и взгляды,

В которых мне запрещено
Судьбой искать себе отрады?
Нет, только счастье ослепить
Умеет мысли и желанья,
И сном никак не может быть
Все, в чем хоть искра есть страданья!

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В ребячестве моем тоску любови знойной
Уж стал я понимать душою беспокойной;
На мягком ложе сна не раз во тьме ночной,
При свете трепетном лампады образной,
Воображением, предчувствием томимый,
Я предавал свой ум мечте непобедимой.
Я видел женский лик, он хладен был как лед,
И очи — этот взор в груди моей живет;
Как совесть душу он хранит от преступлений;
Он след единственный младенческих видений.
И деву чудную любил я, как любить
Не мог еще с тех пор, не стану, может быть.
Когда же улетал мой призрак драгоценный,
Я в одиночестве кидал свой взгляд смущенный
На стены желтые, и мнилось, тени с них
Сходили медленно до самых ног моих.
И мрачно, как они, воспоминанье было
О том, что лишь мечта и между тем так мило.

ПОЛЕ БОРОДИНА

1

Всю ночь у пушек пролежали
Мы без палаток, без огней,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей.
Шумела буря до рассвета;

Я, голову подняв с лафета,
Товарищу сказал:
«Брат, слушай песню непогоды:
Она дика как песнь свободы».
Но, вспоминая прежни годы,
Товарищ не слыхал.

2

Пробили зорю барабаны,
Восток туманный побелел,
И от врагов удар нежданный
На батарею прилетел.
И вождь сказал перед полками:
«Ребята, не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали».
И мы погибнуть обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.

3

Что Чесма, Рымник и Полтава?
Я, вспомня, леденею весь,
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь.
Безмолвно мы ряды сомкнули,
Гром грянул, завизжали пули,
Перекрестился я.
Мой пал товарищ, кровь лилася,
Душа от мщения тряслася,
И пуля смерти понеслася
Из моего ружья.

4

Марш, марш! пошли вперед, и боле
Уж я не помню ничего.
Шесть раз мы уступали поле
Врагу и брали у него.
Носились знамена, как тени,

Я спорил о могильной сени,
В дыму огонь блестел,
На пушки конница летала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

5

Живые с мертвыми сравнялись,
И ночь холодная пришла,
И тех, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали,
Противник отступил;
Но день достался нам дороже!
В душе сказав: помилуй боже!
На труп застывший, как на ложе,
Я голову склонил.

6

И крепко, крепко наши спали
Отчизны в роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали!
Но этим не могли помочь.
Однако же в преданьях славы
Все громче Рымника, Полтавы
Гремит *Бородино.*
Скорей обманет глас пророчий,
Скорей небес погаснут очи,
Чем в памяти сынов полночи
Изгладится оно.

МОЙ ДОМ

Мой дом везде, где есть небесный свод,
Где только слышны звуки песен,
Все, в чем есть искра жизни, в нем живет,
Но для поэта он не тесен.

До самых звезд он кровлей досягает,
И от одной стены к другой —
Далекий путь, который измеряет
Жилец не взором, но душой.

Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно:
Пространство без границ, теченье века
Объемлет в краткий миг оно.

И всемогущим мой прекрасный дом
Для чувства этого построен,
И осужден страдать я долго в нем,
И в нем лишь буду я спокоен.

СМЕРТЬ

Ласкаемый цветущими мечтами,
Я тихо спал, и вдруг я пробудился,
Но пробужденье тоже было сон;
И думая, что цепь обманчивых
Видений мной разрушена, я вдвое
Обманут был воображеньем, если
Одно воображение *творит*
Тот новый мир, который заставляет
Нас презирать бесчувственную землю.
Казалось мне, что смерть дыханьем хладным
Уж начинала кровь мою студить;
Не часто сердце билося, но крепко,
С болезненным каким-то содроганьем,
И тело, видя свой конец, старалось
Вновь удержать души нетерпеливой
Порывы, но товарищу былому
С досадою душа внимала, и укоры
Их расставанье сделали печальным.
Между двух жизней в страшном промежутке
Надежд и сожалений, ни об той,
Ни об другой не мыслил я, одно
Сомненье волновало грудь мою,

Последнее сомненье! Я не мог
Понять, как можно чувствовать блаженство
Иль горькие страдания далеко
От той земли, где в первый раз я понял,
Что я живу, что жизнь моя безбрежна,
Где жадно я искал самопознанья,
Где столько я любил и потерял,
Любил согласно с этим бренным телом,
Без коего любви не понимал я.
Так думал я и вдруг душой забылся,
И чрез мгновенье снова жил я,
Но не видал вокруг себя предметов
Земных и более не помнил я
Ни боли, ни тяжелых беспокойств
О будущей судьбе моей и смерти:
Все было мне так ясно и понятно,
И ни о чем себя не вопрошал я,
Как будто бы вернулся я туда,
Где долго жил, где все известно мне,
И лишь едва чувствительная тягость
В моем полете мне напоминала
Мое земное, краткое изгнанье.

Вдруг предо мной в пространстве бесконечном
С великим шумом развернулась книга
Под неизвестною рукой. И много
Написано в ней было. Но лишь мой
Ужасный жребий ясно для меня
Начертан был кровавыми словами:
Бесплотный дух, иди и возвратись
На землю. Вдруг пред мной исчезла книга,
И опустело небо голубое;
Ни ангел, ни печальный демон ада
Не рассекал крылом полей воздушных,
Лишь тусклые планеты, пробегая,
Едва кидали искру на пути.

Я вздрогнул, прочитав свой жребий.
Как? Мне лететь опять на эту землю,
Чтоб увидать ряды тех зол, которым
Причиной были детские ошибки?

Увижу я страдания людей,
И тайных мук ничтожные причины,
И к счастию людей увижу средства,
И невозможно будет научить их.
Но так и быть, лечу на землю. Первый
Предмет могила с пышным мавзолеем,
Под коим труп мой люди схоронили.
И захотелося мне в гроб проникнуть,
И я сошел в темницу, длинный гроб,
Где гнил мой труп, и там остался я.
Здесь кость была уже видна, здесь мясо
Кусками синее висело, жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью.
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И жадно поедали пищу смерти.
Червяк то выползал из впадин глаз,
То вновь скрывался в безобразный череп.
И что же? каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего ее печаль и радость,
И я помочь желал, но тщетно, тщетно.
Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем, и черви умножались,
И спорили за пищу остальную,
И смрадную, сырую кожу грызли.
Остались кости, и они исчезли,
И прах один лежал наместо тела.

Одной исполнен мрачною надеждой,
Я припадал на бренные остатки,
Стараясь их дыханием согреть
Иль оживить моей бессмертной жизнью;
О, сколько б отдал я тогда земных
Блаженств, чтоб хоть одну, одну минуту
Почувствовать в них теплоту. Напрасно,
Закону лишь послушные, они
Остались хладны, хладны как презренье.

Тогда изрек я дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех людей.
С отчаяньем бессмертья долго, долго,
Жестокого свидетель разрушенья,
Я на творца роптал, страшась молиться,
И я хотел изречь хулы на небо,
Хотел сказать...
Но замер голос мой, и я *проснулся*.

СТАНСЫ

Мне любить до могилы творцом суждено!
Но по воле того же творца
Все, что любит меня, то погибнуть должно
Иль, как я же, страдать до конца.
Моя воля надеждам противна моим,
Я люблю и страшусь быть взаимно любим.

На пустынной скале незабудка весной
Одна без подруг расцвела,
И ударила буря и дождь проливной,
И как прежде недвижна скала;
Но красивый цветок уж на ней не блестит,
Он ветром надломлен и градом убит.

Так точно и я под ударом судьбы,
Как утес, неподвижен стою,
Но не мысли никто перенесть сей борьбы,
Если руку пожмет он мою;
Я не чувств, но поступков своих властелин,
Я несчастлив пусть буду — несчастлив один.

СОЛНЦЕ ОСЕНИ

Люблю я солнце осени, когда,
Меж тучек и туманов пробираясь,
Оно кидает бледный, мертвый луч
На дерево, колеблемое ветром,

И на сырую степь. Люблю я солнце,
Есть что-то схожее в прощальном взгляде
Великого светила с тайной грустью
Обманутой любви; не холодней
Оно само собою, но природа
И все, что может чувствовать и видеть,
Не могут быть согреты им; так точно
И сердце: в нем все жив огонь, но люди
Его понять однажды не умели,
И он в глазах блеснуть не должен вновь,
И до ланит он вечно не коснется.
Зачем вторично сердцу подвергать
Себя насмешкам и словам сомненья?

ПОТОК

Источник страсти есть во мне
Великий и чудесный;
Песок серебряный на дне,
Поверхность лик небесный;
Но беспрестанно быстрый ток
Воротит и крутит песок,
И небо над водами
Одето облаками.

Родится с жизнью этот ключ
И с жизнью исчезает;
В ином он слаб, в другом могуч,
Но всех он увлекает;
И первый счастлив, но такой
Я праздный отдал бы покой
За несколько мгновений
Блаженства иль мучений.

К***

Не ты, но судьба виновата была,
Что скоро ты мне изменила,
Она тебе прелести женщин дала,
Но женское сердце вложила.

Как в море широком следы челнока,
Мгновенье его впечатленья,
Любовь для него, как веселье, легка,
А горе не стоит мгновенья.

Но в час свой урочный узнает оно
Цепей неизбежное бремя.
Прости, нам расстаться теперь суждено,
Расстаться до этого время.

Тогда я опять появлюсь пред тобой,
И речь моя ум твой встревожит,
И пусть я услышу ответ роковой,
Тогда ничего не поможет.

Нет, нет! милый голос и пламенный взор
Тогда своей власти лишатся;
Вослед за тобой побежит мой укор,
И в душу он будет впиваться.

И мщенье, напомнив, что я перенес,
Уста мои к смеху принудит,
Хоть эта улыбка всех, всех твоих слез
Гораздо мучительней будет.

НОЧЬ

В чугун печальный сторож бьет,
Один я внемлю. Глухо лают
Вдали собаки. Мрачен свод
Небес, и тучи пробегают
Одна безмолвно за другой,
Сливаясь под ночною мглой.
Колеблет ветер влажный, душный
Верхи дерев, и с воем он
Стучит в оконницы. Мне скучно,
Мне тяжко бденье, страшен сон;
Я не хочу, чтоб сновиденье

В. А. Лопухина

Акварель Лермонтова

Рисунок Лермонтова

Являло мне ее черты;
Нет, я не раб моей мечты,
Я в силах перенесть мученье
Глубоких дум, сердечных ран,
Все, — только не ее обман.
Я не скажу «прости» надежде,
Молве не верю; если прежде
Она могла меня любить,
То ей ли можно изменить?
Но отчего же? Разве нету
Примеров, первый ли урок
Во мне теперь дается свету?
Как я забыт, как одинок.
<Шуми>, шуми же, ветер ночи,
Играй свободно в небесах
И освежи мне грудь и очи.
В груди огонь, слеза в очах,
Давно без пищи этот пламень,
И слезы падают на камень.

К СЕБЕ

Как я хотел себя уверить,
Что не люблю ее, хотел
Неизмеримое измерить,
Любви безбрежной дать предел.

Мгновенное пренебреженье
Ее могущества опять
Мне доказало, что влеченье
Души нельзя нам побеждать;

Что цепь моя несокрушима,
Что мой теперешний покой
Лишь глас залетный херувима
Над сонной демонов толпой.

* * *

Душа моя должна прожить в земной неволе
Недолго. Может быть, я не увижу боле
Твой взор, твой милый взор, столь нежный
для других,
Звезду приветную соперников моих;
Желаю счастья им. Тебя винить безбожно
За то, что мне нельзя все, все, что им
возможно;
Но если ты ко мне любовь хотела скрыть,
Казаться хладною и в тишине любить,
Но если ты при мне смеялась надо мною,
Тогда как внутренно полна была тоскою,
То мрачный мой тебе пускай покажет взгляд,
Кто более страдал, кто боле виноват!

ПЕСНЯ

Колокол стонет,
Девушка плачет,
И слезы по четкам бегут.
Насильно,
Насильно
От мира в обители скрыта она,
Где жизнь без надежды и ночи без сна.

Так мое сердце
Грудь беспокоит
И бьется, бьется, бьется.
Велела,
Велела
Судьба мне любовь от него оторвать
И деву забыть, хоть тому не бывать.

Смерть и бессмертье,
Жизнь и погибель
И деве и сердцу ничто;

У сердца
И девы
Одно лишь страданье, один лишь предмет:
Ему счастья надо, ей надобен свет.

* * *

Пускай поэта обвиняет
Насмешливый, безумный свет,
Никто ему не помешает,
Он не услышит мой ответ.
Я сам собою жил доныне,
Свободно мчится песнь моя,
Как птица дикая в пустыне,
Как вдаль по озеру ладья.
И что за дело мне до света,
Когда сидишь ты предо мной.
Когда рука моя согрета
Твоей волшебною рукой;
Когда с тобой, о дева рая,
Я провожу небесный час,
Не беспокоясь, не страдая,
Не отворачивая глаз.

СЛАВА

К чему ищу так славы я?
Известно, в славе нет блаженства,
Но хочет все душа моя
Во всем дойти до совершенства.
Пронзая будущего мрак,
Она, бессильная, страдает
И в настоящем все не так,
Как бы хотелось ей, встречает.
Я не страшился бы суда,
Когда б уверен был веками,
Что вдохновенного труда
Мир не обидит клеветами;
Что станут верить и внимать
Повествованью горькой муки

И не осмелятся равнять
С земным небес живые звуки.
Но не достигну я ни в чем
Того, что так меня тревожит:
Все кратко на шару земном,
И вечно слава жить не может.
Пускай поэта грустный прах
Хвалою освятит потомство,
Где ж слава в кратких похвалах?
Людей известно вероломство.
Другой заставит позабыть
Своею песнию высокой
Певца, который кончил жить,
Который жил так одинокой.

ВЕЧЕР

Когда садится алый день
За синий край земли,
Когда туман встает и тень
Скрывает все вдали, —
Тогда я мыслю в тишине
Про вечность и любовь,
И чей-то голос шепчет мне:
Не будешь счастлив вновь.
И я гляжу на небеса
С покорною душой,
Они свершали чудеса,
Но не для нас с тобой,
Не для ничтожного глупца,
Которому твой взгляд
Дороже будет до конца
Небесных всех наград.

* * *

Унылый колокола звон
В вечерний час мой слух невольно потрясает,
Обманутой душе моей напоминает
И вечность и надежду он.

И если ветер, путник, одинокой,
Вдруг по траве кладбища пробежит,
Он сердца моего не холодит:
Что в нем живет, то в нем глубоко.
Я чувствую — судьба не умертвит
Во мне возросший деятельный гений;
Но что его на свете сохранит
От хитрой клеветы, от скучных наслаждений,
От истощительных страстей,
От языка ласкателей развратных
И от желаний, непонятных
Умам посредственных людей?
Без пищи должен яркий пламень
Погаснуть на скале сырой:
Холодный слушатель есть камень,
Попробуй раз, попробуй и открой
Ему источники сердечного блаженства,
Он станет толковать, что должно ощутить;
В простом не видя совершенства,
Он не привык прекрасное ценить,
Как тот, кто в грудь втеснить желал бы всю природу,
Кто силится купить страданием своим
И гордою победой над земным
Божественной души безбрежную свободу.

* * *

Хоть давно изменила мне радость,
Как любовь, как улыбка людей,
И померкнуло прежде, чем младость,
Светило надежды моей,
Но судьбу я и мир презираю,
Но нельзя им унизить меня,
И я хладно приход ожидаю
Кончины иль лучшего дня.
Словам моим верить не станут,
Но клянуся в нелживости их:
Кто сам был так часто обманут,

Обмануть не захочет других.
Пусть жизнь моя в бурях несется,
Я беспечен, я знаю давно,
Пока сердце в груди моей бьется,
Не увидит блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоит того, может быть,
Чья душа слишком пылко любила,
Чтобы мог его мир полюбить.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

1

Клоками белый снег валится,
Что ж дева красная боится
С крыльца сойти,
Воды снести?
Как поп, когда он гроб несет,
Так песнь метелица поет,
Играет,
И у тесовых у ворот
Дворовый пес все цепь грызет
И лает...

2

Но не собаки лай печальный,
Не вой метели погребальный
Рождают страх
В ее глазах:
Недавно милый схоронен,
Бледней снегов предстанет он
И скажет:
«Ты изменила», — ей в лицо,
И ей заветное кольцо
Покажет!..

ЗВУКИ И ВЗОР

О, полно ударять рукой
По струнам арфы золотой.
Смотри, как сердце воли просит,
Слеза катится из очей;
Мне каждый звук опять приносит
Печали пролетевших дней.

Нет, лучше с трепетом любви
Свой взор на мне останови,
Чтоб роковое вспоминанье
Я в настоящем утопил
И все свое существованье
В единый миг переселил.

ЗЕМЛЯ И НЕБО

Как землю нам больше небес не любить?
Нам небесное счастье темно;
Хоть счастье земное и меньше в сто раз,
Но мы знаем, какое оно.

О надеждах и муках былых вспоминать
В нас тайная склонность кипит;
Нас тревожит неверность надежды земной,
А краткость печали смешит.

Страшна в настоящем бывает душе
Грядущего темная даль;
Мы блаженство желали б вкусить в небесах,
Но с миром расстаться нам жаль.

Что во власти у нас, то приятнее нам,
Хоть мы ищем другого порой,
Но в час расставанья мы видим ясней,
Как оно породнилось с душой.

К***

Дай руку мне, склонись к груди поэта,
Свою судьбу соедини с моей:
Как ты, мой друг, я не рожден для света
И не умею жить среди людей;
Я не имел ни время, ни охоты
Делить их шум, их мелкие заботы,
Любовь мое все сердце заняла,
И что ж, взгляни на бледный цвет чела.

На нем ты видишь след страстей уснувших,
Так рано обуявших жизнь мою;
Не льстит мне вспоминанье дней минувших,
Я одинок над пропастью стою,
Где все мое подавлено судьбою;
Так куст растет над бездною морскою,
И лист, грозой оборванный, плывет
По произволу странствующих вод.

ИЗ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ

За дело общее, быть может, я паду,
Иль жизнь в изгнании бесплодно проведу;
Быть может, клеветой лукавой пораженный,
Пред миром и тобой врагами униженный,
Я не снесу стыдом сплетаемый венец
И сам себе сыщу безвременный конец;
Но ты не обвиняй страдальца молодого,
Молю, не говори насмешливого слова.
Ужасный жребий мой твоих достоин слез,
Я много сделал зла, но больше перенес.
Пускай виновен я пред гордыми врагами,
Пускай отмстят; в душе, клянуся небесами,
Я не злодей, о нет, судьба губитель мой;
Я грудью шел вперед, я жертвовал собой;
Наскучив суетой обманчивого света,
Торжественно не мог я не сдержать обета;
Хоть много причинил я обществу вреда,

Но верен был тебе всегда, мой друг, всегда;
В уединении, среди толпы мятежной,
Я все тебя любил и все любил так нежно.

К***

Не медли в дальной стороне,
Молю, мой друг, спеши сюда.
Ты взгляд мгновенный кинешь мне,
А там простимся навсегда.

И я, поймавши этот взор
И речь последнюю твою,
Хотя б она была укор,
Их вместе в сердце схороню.

И в день печали роковой
Твой взор, умеющий язвить,
Воображу перед собой
И стану речь твою твердить.

И вновь мечтанье сблизит нас,
И вспомню, вспомню я тогда,
Как встретились мы в первый раз
И как расстались навсегда.

СОСЕД

Погаснул день на вышинах небесных,
Звезда вечерняя лиет свой тихий свет;
Чем занят бедный мой сосед?
Чрез садик небольшой, между ветвей
древесных,
Могу заметить я, в его окне
Блестит огонь; его простая келья
Чужда забот и светского веселья,
И этим нравится он мне.

Прохожие об нем различно судят,
И все его готовы порицать,
Но их слова соседа не принудят
Лампаду ранее иль позже зажигать.
И только я увижу свет лампады,
Сажусь тотчас у своего окна,
И в этот миг таинственной отрады
Душа моя мятежная полна.
И мнится мне, что мы друг друга понимаем,
Что я и бедный мой сосед,
Под бременем одним страдая, увядаем,
Что мы знакомы с давных лет.

СТАНСЫ

Не могу на родине томиться,
Прочь отсель, туда, в кровавый бой.
Там, быть может, перестанет биться
Это сердце, полное тобой.

Нет, я не прошу твоей любови,
Нет, не знай губительных страстей;
Видеть смерть мне надо, надо крови,
Чтоб залить огонь в груди моей.

Пусть паду как ратник в бранном поле.
Не оплакан светом буду я,
Никому не будет в тягость боле
Буря чувств моих и жизнь моя.

Юных лет святые обещанья
Прекратит судьба на месте том,
Где без дум, без вопля, без роптанья
Я усну давно желанным сном.

Так, но если я не позабуду
В этом сне любви печальный сон,
Если образ твой всегда повсюду
Я носить с собою осужден;

Если там в пределах отдаленных,
Где душа должна блаженство пить,
Тяжких язв, на ней напечатленных,
Невозможно будет излечить;

О, взгляни приветно в час разлуки
На того, кто с гордою душой
Не боится ни людей, ни муки,
Кто умрет за честь страны родной;

Кто, бывало, в тайном упоенье,
На тебя вперив свой влажный взгляд,
Возбуждал людское сожаленье
И твоей улыбке был так рад.

МОЙ ДЕМОН

1

Собранье зол его стихия;
Носясь меж темных облаков,
Он любит бури роковые
И пену рек и шум дубров;
Он любит пасмурные ночи,
Туманы, бледную луну,
Улыбки горькие и очи,
Безвестные слезам и сну.

2

К ничтожным, хладным толкам света
Привык прислушиваться он,
Ему смешны слова привета
И всякий верящий смешон;
Он чужд любви и сожаленья,
Живет он пищею земной,
Глотает жадно дым сраженья
И пар от крови пролитой.

3

Родится ли страдалец новый,
Он беспокоит дух отца,
Он тут с насмешкою суровой
И с дикой важностью лица;
Когда же кто-нибудь нисходит
В могилу с трепетной душой,
Он час последний с ним проводит,
Но не утешен им больной.

4

И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.

РОМАНС

Хоть бегут по струнам моим звуки веселья,
  Они не от сердца бегут;
Но в сердце разбитом есть тайная келья,
  Где черные мысли живут.
Слеза по щеке огневая катится,
  Она не из сердца идет.
Что в сердце, обманутом жизнью, хранится,
  То в нем и умрет.
Не смейте искать в сей груди сожаленья,
  Питомцы надежд золотых;
Когда я свои презираю мученья, —
  Что мне до страданий чужих?
Умершей девицы очей охладевших
  Не должен мой взор увидать;
Я б много припомнил минут пролетевших,

А я не люблю вспоминать!
Нам память являет ужасные тени,
Кровавый былого призрак,
Он вновь призывает к оставленной сени,
Как в бурю над морем маяк,
Когда ураган по волнам веселится,
Смеется над бедным челном
И с криком пловец без надежд воротиться
Жалеет о крае родном.

ГОСТЬ

БЫЛЬ

(Посвящается .....)

Кларису юноша любил
Давно тому назад.
Он сердце девы получил:
А сердце — лучший клад.
Уж громкий колокол гудет,
И в церкве поп с венцами ждет.

И вдруг раздался крик войны,
Подъяты знамена:
Спешат отечества сыны —
И ноги в стремена!
Идет Калмар, томим тоской,
Проститься с девой молодой.

«Клянись, что вечно, — молвил он, —
Мне не изменишь ты!
Пускай холодной смерти сон,
О дева красоты,
Нас осеняет под землей,
Коль не венцы любви святой!»

Клариса клятву говорит,
Дрожит слеза в очах,
Разлуки поцелуй горит
На розовых устах:
«Вот поцелуй последний мой —
С тобою в храм и в гроб с тобой!»

«Итак, прости! жалей меня:
   Печален мой удел!»
Калмар садится на коня,
   И вихрем полетел...
Дни мчатся... Снег в полях лежит...
Все дева плачет да грустит...

Вот и весна явилась вновь,
   И в солнце прежний жар.
Проходит женская любовь,
   Забыт, забыт Калмар!
И должен получить другой
Ее красу с ее рукой.

С невестой под руку жених
   Пирует за столом,
Гостей обходит и родных
   Стакан, шипя вином.
Пир брачный весело шумит;
Лишь молча гость один сидит.

На нем шелом избит в боях,
   Под хладной сталью лик,
И плащ изорван на плечах,
   И ржавый меч велик.
Сидит он прям и недвижим,
И речь начать боятся с ним...

«Что гость любезный наш не пьет, —
   Клариса вдруг к нему, —
И что он нить не перервет
   Молчанью своему?
Кто он? откуда в нашу дверь?
Могу ли я узнать теперь?»

Не стон, не вздох он испустил —
   Какой-то странный звук
Невольным страхом поразил
   Мою невесту вдруг.
Все гости: ах! — открыл пришлец
Лицо свое: то был мертвец.

Трепещут все, спасенья нет,
   Жених забыл свой меч.
«Ты помнишь ли, — сказал скелет, —
   Свою прощальну речь:
Калмар забыт не будет мной;
С тобою в храм и в гроб с тобой!

Калмар твой пал на битве — там,
   В отчаянной борьбе.
Венец, девица, в гробе нам:
   Я верен был тебе!..»
Он обхватил ее рукой,
И оба скрылись под землей.

В том доме каждый круглый год
   Две тени, говорят
(Когда меж звезд луна бредет,
   И все живые спят),
Являются, как легкий дым,
Бродя по комнатам пустым!..

1832

* * *

Люблю я цепи синих гор,
Когда, как южный метеор,
Ярка без света и красна
Всплывает из-за них луна,
Царица лучших дум певца
И лучший перл того венца,
Которым свод небес порой
Гордится будто царь земной.
На западе вечерний луч
Еще горит на ребрах туч
И уступить все медлит он
Луне — угрюмый небосклон;
Но скоро гаснет луч зари...
Высоко месяц. Две иль три
Младые тучки окружат
Его сейчас... вот весь наряд,
Которым белое чело
Ему убрать позволено.
Кто не знавал таких ночей
В ущельях гор иль средь степей?
Однажды при такой луне
Я мчался на лихом коне
В пространстве голубых долин,
Как ветер, волен и один;
Туманный месяц и меня,
И гриву, и хребет коня
Сребристым блеском осыпал;

Я чувствовал, как конь дышал,
Как он, ударивши ногой,
Отбрасываем был землей;
И я в чудесном забытьи
Движенья сковывал свои,
И с ним себя желал я слить,
Чтоб этим бег наш ускорить;
И долго так мой конь летел...
И вкруг себя я поглядел:
Все та же степь, все та ж луна:
Свой взор ко мне склонив, она,
Казалось, упрекала в том,
Что человек с своим конем
Хотел владычество степей
В ту ночь оспоривать у ней!

СОЛНЦЕ

Как солнце зимнее прекрасно,
Когда, бродя меж серых туч,
На белые снега напрасно
Оно кидает слабый луч!..

Так точно, дева молодая,
Твой образ предо мной блестит;
Но взор твой, счастье обещая,
Мою ли душу оживит?

* * *

Я счастлив! — тайный яд течет в моей крови,
Жестокая болезнь мне смертью угрожает!..
Дай бог, чтоб так случилось!.. Ни любви,
  Ни мук умерший уж не знает;
Шести досток жилец уединенный,
Не зная ничего, оставленный, забвенный,
  Ни славы зов, ни голос твой
Не возмутит надежный мой покой!..

ПРОЩАНЬЕ

Не уезжай, лезгинец молодой;
Зачем спешить на родину свою?
Твой конь устал, в горах туман сырой;
А здесь тебе и кровля и покой —
И я тебя люблю!..

Ужели унесла заря одна
Воспоминанье райских двух ночей;
Нет у меня подарков: я бедна,
Но мне душа создателем дана
Подобная твоей.

В ненастный день заехал ты сюда;
Под мокрой буркой, с горестным лицом;
Ужели для меня сей день, когда
Так ярко солнце, хочешь навсегда
Ты мрачным сделать днем;

Взгляни: вокруг синеют цепи гор,
Как великаны, грозною толпой;
Лучи зари с кустами — их убор;
Мы вольны и добры; зачем твой взор
Летит к стране другой?

Поверь, отчизна там, где любят нас;
Тебя не встретит средь родных долин,
Ты сам сказал, улыбка милых глаз:
Побудь еще со мной хоть день, хоть час,
Послушай! час один!

— Нет у меня отчизны и друзей,
Кроме булатной шашки и коня;
Я счастлив был любовию твоей,
Но все-таки слезам твоих очей
Не удержать меня.

Кровавой клятвой душу я свою
Отяготив, блуждаю много лет:
Покуда кровь врага я не пролью,
Уста не скажут никому: люблю.
Прости: вот мой ответ.

* * *

Она была прекрасна, как мечта
Ребенка под светилом южных стран;
Кто объяснит, что значит красота:
Грудь полная, иль стройный гибкий стан,
Или большие очи? — Но порой
Все это не зовем мы красотой:
Уста без слов — любить никто не мог;
Взор без огня — без запаха цветок!

О небо, я клянусь, она была
Прекрасна!.. я горел, я трепетал,
Когда кудрей, сбегающих с чела,
Шелк золотой рукой своей встречал,
Я был готов упасть к ногам ее,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и все,
Чтоб получить один, один лишь взгляд
Из тех, которых все блаженство — яд!

* * *

Время сердцу быть в покое
От волненья своего
С той минуты, как другое
Уж не бьется для него;
Но пускай оно трепещет —
То безумной страсти след:
Так все бурно море плещет,
Хоть над ним уж бури нет!..

Неужли ты не видала
В час разлуки роковой,
Как слеза моя блистала,
Чтоб упасть перед тобой?
Ты отвергнула с презреньем

Жертву лучшую мою,
Ты боялась сожаленьем
Воскресить любовь свою.

Но сердечного недуга
Не могла ты утаить;
Слишком знаем мы друг друга,
Чтоб друг друга позабыть.
Так расселись под громами,
Видел я, в единый миг
Пощаженные веками
Два утеса береговых;
Но приметно сохранила
Знаки каждая скала,
Что природа съединила,
А судьба их развела.

* * *

1

Склонись ко мне, красавец молодой!
Как ты стыдлив! Ужели в первый раз
Грудь женскую ласкаешь ты рукой?
В моих объятьях вот уж целый час
Лежишь — а страха все не превозмог...
Не лучше ли у сердца, чем у ног?
Дай мне одну минуту в жизнь свою...
Что злато? — я тебя люблю, люблю!..

2

Ты так хорош! Бывало, жду, когда
Настанет вечер, сяду у окна...
И мимо ты идешь, бывало, да, —
Ты помнишь? — Серебристая луна,
Как ангел средь отверженных, меж туч
Блуждала, на тебя кидая луч,
И я гордилась тем, что, наконец,
Соперница моя небес жилец.

3

Печать презренья на моем челе,
Но справедлив ли мира приговор?
Что добродетель, если на земле
Проступок не бесчестье — но позор?
Поверь, невинных женщин вовсе нет,
Лишь по желанью случай и предмет
Не вечно тут. Любить не ставит в грех
Та одного, та многих — эта всех!

4

Родителей не знала я своих,
Воспитана старухою чужой,
Не знала я веселья дней младых —
И даже не гордилась красотой;
В пятнадцать лет, по воле злой судьбы,
Я продана мужчине — ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня.
С тех пор я гибну, гибну — день от дня.

5

Мне мил мой стыд! он право мне дает
Тебя лобзать, тебя на миг один
Отторгнуть от мучительных забот!
О, наслаждайся! — ты мой господин!
Хотя тебе случится, может быть,
Меня в своих объятьях задушить,
Блаженством смерть мне будет от тебя.
Мой друг! — чего не вынесешь любя!

* * *

Девятый час; уж темно; близ заставы
Чернеют рядом старых пять домов,
Забор кругом. Высокий худощавый
Привратник на завалине готов
Уснуть; дождя не будет, небо ясно, —

Весь город спит. Он долго ждал напрасно;
Темны все окна — блещут только два —
И там — чем не богата ты, Москва!

Но, чу! — к воротам кто-то подъезжает.
Лихие дрожки, кучер с бородой
Широкой, кони черные. Слезает,
Одет плащом, проказник молодой;
Скрыпит за ним калитка; под ногами
Стучат, колеблясь, доски. (Между нами
Скажу я, он ничей не прервал сон.)
Дверь отворилась, — свечка. Кто тут? — Он.

Его узнала дева молодая,
Снимает плащ и в комнату ведет;
В шандале медном тускло догорая,
Свеча на них свой луч последний льет,
И на кровать с высокою периной
И на стену с лубошною картиной;
А в зеркале с противной стороны
Два юные лица́ отражены.

Она была прекрасна, как мечтанье
Ребенка под светилом южных стран.
Что красота? — ужель одно названье?
Иль грудь высокая и гибкий стан,
Или большие очи? — но порою
Все это не зовем мы красотою:
Уста без слов — любить никто не мог,
Взор без огня — без запаха цветок!

Она была свежа, как розы Леля,
Она была похожа на портрет
Мадонны — и мадонны Рафаэля;
И вряд ли было ей осьмнадцать лет:
Лишь святости черты не выражали.
Глаза огнем неистовым пылали,
И грудь, волнуясь, поцелуй звала —
Он был не папа — а она была...

Ну что же? — просто дева *молодая* —
Которой все богатство — красота!..

И впрочем, замуж выйти не желая,
Что было ей таить свои лета? —
Она притворства хитрости не знала
И в этом лишь другим не подражала!..
Не все ль равно? — любить не ставит в грех
Та одного, та многих — эта всех!

Я с женщиною делаю условье
Пред тем, чтобы насытить страсть мою:
Всего нужней, во-первых, мне здоровье,
А во-вторых, я мешкать не люблю;
Так поступил Парни питомец нежный:
Он снял сюртук, сел на постель небрежно,
Поцеловал, лукаво посмотрел —
И тотчас раздеваться ей велел!

* * *

Как в ночь звезды падучей пламень,
Не нужен в мире я.
Хоть сердце тяжело как камень,
Но все под ним змея.

Меня спасало вдохновенье
От мелочных сует;
Но от своей души спасенья
И в самом счастье нет.

Молю о счастии, бывало,
Дождался наконец,
И тягостно мне счастье стало,
Как для царя венец.

И все мечты отвергнув, снова
Остался я один —
Как замка мрачного, пустого
Ничтожный властелин.

К***

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдам;
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильней.
Как знать, быть может, те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?
Быть может, мыслию небесной
И силой духа убежден,
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?
Зачем так нежно обещала
Ты заменить его венец,
Зачем ты не была сначала,
Какою стала наконец!
Я горд! — прости! люби другого,
Мечтай любовь найти в другом;
Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.
К чужим горам, под небо юга
Я удалюся, может быть;
Но слишком знаем мы друг друга,
Чтобы друг друга позабыть.
Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ни с кем;
Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил, —
Иль женщин уважать возможно,

Когда мне ангел изменил?
Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумец! — лишний раз пожать!
Не знав коварную измену,
Тебе я душу отдавал;
Такой души ты знала ль цену?
Ты знала — я тебя не знал!

⟨В АЛЬБОМ Н. Ф. ИВАНОВОЙ⟩

Что может краткое свиданье
Мне в утешенье принести,
Час неизбежный расставанья
Настал, и я сказал: прости.

И стих безумный, стих прощальный
В альбом твой бросил для тебя,
Как след единственный, печальный,
Который здесь оставлю я.

⟨В АЛЬБОМ Д. Ф. ИВАНОВОЙ⟩

Когда судьба тебя захочет обмануть
И мир печалить сердце станет —
Ты не забудь на этот лист взглянуть
И думай: тот, чья ныне страждет грудь,
Не опечалит, не обманет.

* * *

Как луч зари, как розы Леля,
Прекрасен цвет ее ланит;
Как у мадонны Рафаэля
Ее молчанье говорит.
С людьми горда, судьбе покорна,

Не откровенна, не притворна,
Нарочно, мнилося, она
Была для счастья создана.
Но свет чего не уничтожит?
Что благородное снесет,
Какую душу не сожмет,
Чье самолюбье не умножит?
И чьих не обольстит очей
Нарядной маскою своей?

* * *

Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!..

Часто во время зари я глядел на снега и далекие льдины утесов; они так сияли в лучах восходящего солнца, и, в розовый блеск одеваясь, они, между тем как внизу все темно, возвещали прохожему утро. И розовый цвет их подобился цвету стыда: как будто девицы, когда вдруг увидят мужчину, купаясь, в таком уж смущенье, что белой одежды накинуть на грудь не успеют.

Как я любил твои бури, Кавказ! те пустынные громкие бури, которым пещеры как стражи ночей отвечают!.. На гладком холме одинокое дерево, ветром, дождями нагнутое, иль виноградник, шумящий в ущелье, и путь неизвестный над пропастью, где, покрываяся пеной, бежит безыменная речка, и выстрел нежданный, и страх после выстрела: враг ли коварный, иль просто охотник... все, все в этом крае прекрасно.

[Воздух там чист, как молитва ребенка; и люди, как вольные птицы, живут беззаботно; война их стихия; и в смуглых чертах их душа говорит. В дымной сакле, землей иль сухим тростником покровенной, таятся их жены и девы и чистят оружье, и шьют серебром — в тишине увядая душою — желающей, южной, с цепями судьбы незнакомой.]

РОМАНС

Стояла серая скала на берегу морском;
Однажды на чело ее слетел небесный гром.
И раздвоил ее удар, — и новою тропой
Между разрозненных камней течет поток седой.
Вновь двум утесам не сойтись, — но всё они хранят
Союза прежнего следы, глубоких трещин ряд.
Так мы с тобой разлучены злословием людским,
Но для тебя я никогда не сделаюсь чужим.
И мы не встретимся опять, и если пред тобой
Меня случайно назовут, ты спросишь: кто такой?
И проклиная жизнь мою, на память приведешь
Былое... и одну себя невольно проклянешь.
И не изгладишь ты никак из памяти своей
Не только чувств и слов моих — минуты прежних дней!..

ПРЕЛЕСТНИЦЕ

Пускай ханжа глядит с презреньем
На беззаконный наш союз,
Пускай людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз,
Но перед идолами света
Не гну колена я мои,
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.

Как ты, кружусь в веселье шумном,
Не чту владыкой никого,
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего;
Живу без цели, беззаботно,
Для счастья глух, для горя нем,
И людям руки жму охотно,
Хоть презираю их меж тем!..
Мы смехом брань их уничтожим,
Нас клеветы не разлучат;
Мы будем счастливы как можем,
Они пусть будут как хотят!

* * *

Ты молод. Цвет твоих кудрей
Не уступает цвету ночи,
Как день, твои блистают очи
При встрече радостных очей;

Ты, от души смеясь смешному,
Как скуку гонишь прочь печаль,
Что бред ребяческий другому,
То все тебе покинуть жаль:

Волною жизни унесенный
Далеко от надежд былых,
Как путешественник забвенный,
Я чуждым стал между родных;

Пред мною носятся виденья,
Жизнь обманувшие мою,
И не рожденный для забвенья
Я вновь черты их узнаю.

И время их не изменило,
Они всё те же! — я не тот:
Зачем же гибнет все, что мило,
А что жалеет, то живет?

HAD WE NEVER LOVED SO KINDLY[1]

Если б мы не дети были,
Если б слепо не любили,
Не встречались, не прощались,
Мы с страданьем бы не знались.

ЭПИТАФИЯ

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! итак, прости, прости!..
Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведал...
Но понимаем был одним.
И тот один, когда, рыдая,
Толпа склонялась над тобой,
Стоял, очей не обтирая,
Недвижный, хладный и немой.
И все, не ведая причины,
Винили дерзостно его,
Как будто миг твоей кончины
Был мигом счастья для него.
Но что ему их восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чем страдать
Без всяких признаков страданья.

* * *

Измученный тоскою и недугом
И угасая в полном цвете лет,
Проститься я с тобой желал как с другом,
Но хладен был прощальный твой привет;
Но ты не веришь мне, ты притворилась,
Что в шутку приняла слова мои;

---

[1] Если б мы не любили так нежно *(англ.)*.

Моим слезам смеяться ты решилась,
Чтоб с сожаленьем не явить любви;
Скажи мне, для чего такое мщенье?
Я виноват, другую мог хвалить,
Но разве я не требовал прощенья
У ног твоих? но разве я любить
Тебя переставал, когда, толпою
Безумцев молодых окружена,
Горда одной своею красотою,
Ты привлекала взоры их одна?
Я издали смотрел, почти желая,
Чтоб для других очей твой блеск исчез;
Ты для меня была как счастье рая
Для демона, изгнанника небес.

* * *

Когда последнее мгновенье
Мой взор навеки омрачит
И в мир, где казнь или спасенье,
Душа поэта улетит,
Быть может, приговор досадной
Прикажет возвратиться ей
Туда, где в жизни безотрадной
Она томилась столько дней;
Тогда я буду все с тобою,
И берегись мне изменить;

* * *

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.

Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я — или бог — или никто!

РОМАНС

1

Ты идешь на поле битвы,
Но услышь мои молитвы,
  Вспомни обо мне.
Если друг тебя обманет,
Если сердце жить устанет
И душа твоя увянет, —
  В дальной стороне
  Вспомни обо мне.

2

Если кто тебе укажет
На могилу и расскажет
  При ночном огне
О девице обольщенной,
Позабытой и презренной,
О, тогда, мой друг бесценный,
  Ты в чужой стране
  Вспомни обо мне.

3

Время прежнее, быть может,
Посетит тебя, встревожит
  В мрачном, тяжком сне;
Ты услышишь плач разлуки,
Песнь любви и вопли муки
Иль подобные им звуки...
  О, хотя во сне
  Вспомни обо мне!

СОНЕТ

Я памятью живу с увядшими мечтами,
Виденья прежних лет толпятся предо мной,
И образ твой меж них, как месяц в час ночной
Между бродящими блистает облаками.

Мне тягостно твое владычество порой;
Твоей улыбкою, волшебными глазами
Порабощен мой дух и скован, как цепями,
Что ж пользы для меня, — я не любим тобой.

Я знаю, ты любовь мою не презираешь;
Но холодно ее молениям внимаешь;
Так мраморный кумир на берегу морском

Стоит, — у ног его волна кипит, клокочет,
А он, бесчувственным исполнен божеством,
Не внемлет, хоть ее отталкивать не хочет.

* * *

Болезнь в груди моей, и нет мне исцеленья,
   Я увядаю в полном цвете!
Пускай! — я не был раб земного наслажденья,
   Не для людей я жил на свете.
Одно лишь существо душой моей владело,
   Но в разный путь пошли мы оба,
И мы расстались, и небо захотело,
   Чтоб не сошлись опять у гроба.
Гляжу в безмолвии на запад: догорает,
   Краснея, гордое светило,
Мне хочется за ним: оно, быть может, знает,
   Как воскрешать все то, что мило.
Быть может, ослеплен огнем его сиянья,
   Я хоть на время позабуду
Волшебные глаза и поцелуй прощанья,
   За мной бегущие повсюду.

К*

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилася с душою;
Хоть пути не кончить им вдвоем!

Так поток весенний отражает
Свод небес далекий голубой,
И в волне спокойной он сияет
И трепещет с бурною волной.

Будь, о будь моими небесами,
Будь товарищ грозных бурь моих;
Пусть тогда гремят они меж нами,
Я рожден, чтобы не жить без них.

Я рожден, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей,
Но с тобой, мой луч путеводитель,
Что хвала иль гордый смех людей!

Души их певца не постигали,
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторгов разделить.

* * *

Поцелуями прежде считал
    Я счастливую жизнь свою,
Но теперь я от счастья устал,
    Но теперь никого не люблю.

И слезами когда-то считал
    Я мятежную жизнь мою,
Но тогда я любил и желал —
    А теперь никого не люблю!

И я счет своих лет потерял
И крылья забвенья ловлю:
Как я сердце унесть бы им дал!
Как бы вечность им бросил мою!

* * *

Послушай, быть может, когда мы покинем
Навек этот мир, где душою так стынем,
Быть может, в стране, где не знают обману,
Ты ангелом будешь, я демоном стану! —
Клянися тогда позабыть, дорогая,
Для прежнего друга все счастие рая!
Пусть мрачный изгнанник, судьбой осужденный,
Тебе будет раем, а ты мне — вселенной!

К*

Оставь напрасные заботы,
Не обнажай минувших дней;
В них не откроешь ничего ты,
За что б меня любить сильней!
Ты любишь — верю — и довольно;
Кого — ты ведать не должна;
Тебе открыть мне было б больно,
Как жизнь моя пуста, черна.
Не погублю святое счастье
Такой души и не скажу,
Что недостоин я участья,
Что сам ничем не дорожу;
Что все, чем сердце дорожило,
Теперь для сердца стало яд,
Что для него страданье мило,
Как спутник, собственность иль брат.
Промолвив ласковое слово,
В награду требуй жизнь мою;
Но, друг мой, не проси былого,
Я мук своих не продаю.

БАЛЛАДА

(С немецкого)

Из ворот выезжают три витязя в ряд,
увы!
Из окна три красотки во след им глядят:
прости!
Напрасно в боях они льют свою кровь —
увы!
Разлука пришла — и девичья любовь
прости!
Уж три витязя новых в ворота спешат,
увы!
И красотки печали своей говорят:
прости!

БОЙ

Сыны небес однажды надо мною
Слетелися, воздушных два бойца;
Один — серебряной обвешан бахромою,
Другой — в одежде чернеца.
И, видя злость противника второго,
Я пожалел о воине младом:
Вдруг поднял он концы сребристого покрова,
И я под ним заметил — гром.
И кони их ударились крылами,
И ярко брызнул из ноздрей огонь;
Но вихорь отступил перед громами,
И пал на землю черный конь.

* * *

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастию назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;

Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.

* * *

Смело верь тому, что вечно,
Безначально, бесконечно,
Что прошло и что настанет,
Обмануло иль обманет.

Если сердце молодое
Встретит пылкое другое,
При разлуке, при свиданье
Закажи ему молчанье.

Все на свете редко стало —
Есть надежды — счастья мало;
Не забвение разлука:
То — блаженство, — это мука.

Если счастьем дорожил ты,
То зачем его делил ты?
Для чего не жил в пустыне?
Иль об этом вспомнил ныне?

* * *

Приветствую тебя, воинственных славян
Святая колыбель! Пришлец из чуждых стран,
С восторгом я взирал на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной
Служил тот колокол на башне вечевой,
Который отзвонил ее уничтоженье

И сколько гордых душ увлек в свое паденье!..
— Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?

ЖЕЛАНЬЕ

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Дайте раз по синю полю
Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.

Дайте мне челнок дощатый
С полусгнившею скамьей,
Парус серый и косматый,
Ознакомленный с грозой.
Я тогда пущуся в море,
Беззаботен и один,
Разгуляюсь на просторе
И потешусь в буйном споре
С дикой прихотью пучин.

Дайте мне дворец высокой
И кругом зеленый сад,
Чтоб в тени его широкой
Зрел янтарный виноград;
Чтоб фонтан не умолкая
В зале мраморном журчал
И меня б в мечтаньях рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплял и пробуждал...

К*

Мой друг, напрасное старанье!
Скрывал ли я свои мечты?
Обыкновенный звук, названье,
Вот все, чего не знаешь ты.
Пусть в этом имени хранится,
Быть может, целый мир любви...
Но мне ль надеждами делиться?
Надежды... о! они мои,
Мои — они святое царство
Души задумчивой моей...
Ни страх, ни ласки, ни коварство,
Ни горький смех, ни плач людей,
Дай мне сокровища вселенной,
Уж никогда не долетят
В тот угол сердца отдаленный,
Куда запрятал я мой клад.
Как помню, счастье прежде жило
И слезы крылись в месте том:
Но счастье скоро изменило,
А слезы вытекли потом.
Беречь сокровища святые
Теперь я выучен судьбой;
Не встретят их глаза чужие,
Они умрут во мне, со мной!..

К*

Печаль в моих песнях, но что за нужда?
Тебе не внимать им, мой друг, никогда.
Они не прогонят улыбку святую
С тех уст, для которых живу и тоскую.

К тебе не домчится ни слово, ни звук,
Отзыв беспокойный неведомых мук.
Певца твоя ласка утешить не может:
Зачем же он сердце твое потревожит?

О нет! одна мысль, что слеза омрачит
Тот взор несравненный, где счастье горит,
Безумные б звуки в груди подавила,
Хоть прежде за них лишь певца ты любила.

ДВА ВЕЛИКАНА

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ,
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец, —
И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец.

Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

К*

1

Прости! — мы не встретимся боле,
Друг другу руки не пожмем;
Прости! — твое сердце на воле...
Но счастья не сыщет в другом.

Я знаю: с порывом страданья
Опять затрепещет оно,
Когда ты услышишь названье
Того, кто погиб так давно!

2

Есть звуки — значенье ничтожно
И презрено гордой толпой —
Но их позабыть невозможно:
Как жизнь, они слиты с душой;
Как в гробе, зарыто былое
На дне этих звуков святых;
И в мире поймут их лишь двое,
И двое лишь вздрогнут от них!

3

Мгновение вместе мы были,
Но вечность — ничто перед ним;
Все чувства мы вдруг истощили,
Сожгли поцелуем одним;
Прости! — не жалей безрассудно,
О краткой любви не жалей:
Расстаться казалось нам трудно,
Но встретиться было б трудней!

* * *

Слова разлуки повторяя,
Полна надежд душа твоя;
Ты говоришь: есть жизнь другая,
И смело веришь ей... но я?..

Оставь страдальца! — будь покойна:
Где б ни был этот мир святой,
Двух жизней сердцем ты достойна!
А мне довольно и одной.

Тому ль пускаться в бесконечность,
Кого измучил краткий путь?
Меня раздавит эта вечность,
И страшно мне не отдохнуть!

Я схоранил навек былое,
И нет о будущем забот,
Земля взяла свое земное,
Она назад не отдает!..

* * *

Безумец я! вы правы, правы!
Смешно бессмертье на земли.
Как смел желать я громкой славы,
Когда вы счастливы в пыли?
Как мог я цепь предубеждений
Умом свободным потрясать
И пламень тайных угрызений
За жар поэзии принять?
Нет, не похож я на *поэта*!
Я обманулся, вижу сам;
Пускай, как он, я чужд для света,
Но чужд зато и небесам!
Мои слова печальны: знаю;
Но смысла их вам не понять.
Я их от сердца отрываю,
Чтоб муки с ними оторвать!
Нет... мне ли властвовать умами,
Всю жизнь на то употребя?
Пускай возвышусь я над вами,
Но удалюсь ли от себя?
И позабуду ль самовластно
Мою погибшую любовь,
Все то, чему я верил страстно,
Чему не смею верить вновь?

* * *

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.

И стан ее не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

* * *

Примите дивное *посланье*
Из края дальнего сего;
Оно не *Павлово* писанье —
Но Павел вам отдаст его.
Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный ворот
Как шиш торчит перед тобой;
Нет милых сплетен — все сурово,
Закон сидит на лбу людей;
Все удивительно и ново —
А нет ни пошлых новостей!
Доволен каждый сам собою,
Не беспокоясь о других,
И что у нас зовут душою,
То без названия у них!..

И, наконец, я видел море,
Но кто поэта обманул?..
Я в роковом его просторе
Великих дум не почерпнул;
Нет! как оно, я не был волен:
Болезнью жизни, скукой болен
(Назло былым и новым дням),
Я не завидовал, как прежде,
Его серебряной одежде,
Его бунтующим волнам.

ЧЕЛНОК

По произволу дивной власти
Я выкинут из царства страсти;
Как после бури на песок
Волной расшибенный челнок;
Пускай прилив его ласкает, —
Не слышит ласки инвалид;
Свое бессилие он знает
И притворяется, что спит;
Никто ему не вверит боле
Себя иль ноши дорогой;
Он не годится — и на воле!
Погиб — и дан ему покой!

* * *

Для чего я не родился
Этой синею волной?
Как бы шумно я катился
Под серебряной луной,
О, как страстно я лобзал бы
Золотистый мой песок,
Как надменно презирал бы
Недоверчивый челнок;
Все, чем так гордятся люди,
Мой набег бы разрушал;
И к моей студеной груди
Я б страдальцев прижимал;
Не страшился б муки ада,
Раем не был бы прельщен;
Беспокойство и прохлада
Были б вечный мой закон;
Не искал бы я забвенья
В дальном северном краю;
Был бы волен от рожденья
Жить и кончить жизнь мою!

* * *

Что толку жить!.. Без приключений
И с приключеньями — тоска
Везде, как беспокойный гений,
Как верная жена, близка;
Прекрасно с шумной быть толпою,
Сидеть за каменной стеною,
Любовь и ненависть сознать,
Чтоб раз об этом поболтать;
Невольно узнавать повсюду —
Под гордой важностью лица
В мужчине глупого льстеца
И в каждой женщине — Иуду.
А потрудитесь рассмотреть —
Все веселее умереть.

Конец! Как звучно это слово,
Как много — мало мыслей в нем;
Последний стон — и все готово,
Без дальних справок. А потом?
Потом вас чинно в гроб положат,
И черви ваш скелет обгложут,
А там наследник в добрый час
Придавит монументом вас,
Простит вам каждую обиду
По доброте души своей,
Для пользы вашей (и церквей)
Отслужит, верно, панихиду,
Которой (я боюсь сказать)
Не суждено вам услыхать.

И если вы скончались в вере,
Как христианин, то гранит
На сорок лет по крайней мере
Названье ваше сохранит;
Когда ж стеснится уж кладбище,
То ваше узкое жилище
Разроют смелою рукой...
И гроб поставят к вам другой.
И молча ляжет с вами рядом

Девица нежная, одна,
Мила, покорна, хоть бледна...
Но ни дыханием, ни взглядом
Не возмутится ваш покой —
Что за блаженство, боже мой!

ПАРУС

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрыпит...
Увы, — он счастия не ищет
И не от счастия бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

БАЛЛАДА

Куда так проворно, жидовка младая?
  Час утра, ты знаешь, далек...
Потише — распалась цепочка златая,
  И скоро спадет башмачок.

Вот мост! вот чугунные влево перилы
  Блестят от огня фонарей;
Держись за них крепче, — устала, нет силы!..
  Вот дом — и звонок у дверей.

Безмолвно жидовка у двери стояла,
  Как мраморный идол бледна;
Потом, за снурок потянув, постучала...
  И кто-то взглянул из окна!..

И страхом и тайной надеждой пылая,
Еврейка глаза подняла,
Конечно, ужасней минута такая
Столетий печали была.

Она говорила: «Мой ангел прекрасный!
Взгляни еще раз на меня...
Избавь свою Сару от пытки напрасной,
Избавь от ножа и огня...

Отец мой сказал, что закон Моисея
Любить запрещает тебя.
Мой друг, я внимала отцу не бледнея,
Затем, что внимала любя...

И мне обещал он страданья, мученья,
И нож наточил роковой,
И вышел... Мой друг, берегись его мщенья, —
Он будет как тень за тобой.

Отцовского мщенья ужасны удары,
Беги же отсюда скорей!
Тебе не изменят уста твоей Сары
Под хладной рукой палачей.

Беги!..» Но на лик, из окна наклоненный,
Блеснул неожиданный свет,
И что-то сверкало в руке обнаженной,
И мрачен глухой был ответ.

И тяжкое что-то на камни упало,
И стон раздался под стеной, —
В нем все улетающей жизнью дышало,
И больше, чем жизнью одной!

Поутру, толпяся, народ изумленный
Кричал и шептал об одном:
Там в доме был русский, кинжалом пронзенный,
И женщины труп под окном.

ТРОСТНИК

Сидел рыбак веселый
 На берегу реки,
И перед ним по ветру
 Качались тростники.
Сухой тростник он срезал
 И скважины проткнул,
Один конец зажал он,
 В другой конец подул.

И будто оживленный,
 Тростник заговорил —
То голос человека
 И голос ветра был.
И пел тростник печально:
 «Оставь, оставь меня!
Рыбак, рыбак прекрасный,
 Терзаешь ты меня!

И я была девицей,
 Красавица была,
У мачехи в темнице
 Я некогда цвела,
И много слез горючих
 Невинно я лила;
И раннюю могилу
 Безбожно я звала.

И был сынок любимец
 У мачехи моей,
Обманывал красавиц,
 Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер
 Мы на берег крутой
Смотреть на сини волны,
 На запад золотой.

Моей любви просил он, —
 Любить я не могла,
И деньги мне дарил он, —
 Я денег не брала;

Несчастную сгубил он,
Ударив в грудь ножом,
И здесь мой труп зарыл он
На берегу крутом;

И над моей могилой
Взошел тростник большой,
И в нем живут печали
Души моей младой.
Рыбак, рыбак прекрасный,
Оставь же свой тростник.
Ты мне помочь не в силах,
А плакать не привык».

* * *

Он был рожден для счастья, для надежд
И вдохновений мирных! — но безумный
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной;
И мир не пощадил — и бог не спас!
Так сочный плод до времени созрелый
Между цветов висит осиротелый,
Ни вкуса он не радует, ни глаз;
И час их красоты — его паденья час!

И жадный червь его грызет, грызет,
И между тем как нежные подруги
Колеблются на ветках — ранний плод
Лишь тяготит свою... до первой вьюги!
Ужасно стариком быть без седин;
Он равных не находит; за толпою
Идет, хоть с ней не делится душою;
Он меж людьми ни раб, ни властелин,
И все, что чувствует, он чувствует один!

РУСАЛКА

I

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

2

И шумя и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка — и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.

3

И пела русалка: «На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок златые гуляют стада;
Там хрустальные есть города;

4

И там на подушке из ярких песков
Под тенью густых тростников
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
Спит витязь чужой стороны.

5

Расчесывать кольца шелковых кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы в полуденный час
Целовали красавца не раз.

6

Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
Остается он хладен и нем;
Он спит — и, склонившись на перси ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне!..»

7

Так пела русалка над синей рекой,
Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала река
Отраженные в ней облака.

ГУСАР

Гусар! ты весел и беспечен,
Надев свой красный доломан;
Но знай — покой души не вечен,
И счастье на земле — туман!

Крутя лениво ус задорный,
Ты вспоминаешь стук пиров;
Но берегися думы черной, —
Она черней твоих усов.

Пускай судьба тебя голубит,
И страсть безумная смешит;
Но и тебя никто не любит,
Никто тобой не дорожит.

Когда ты, ментиком блистая,
Торопишь серого коня,
Не мыслит дева молодая:
«Он здесь проехал для меня».

Когда ты вихрем на сраженье
Летишь, бесчувственный герой, —
Ничье, ничье благословенье
Не улетает за тобой.

Гусар! ужель душа не слышит
В тебе желания любви?
Скажи мне, где твой ангел дышит?
Где очи милые твои?

Молчишь — и ум твой безнадежней,
Когда полнее твой бокал!
Увы — зачем от жизни прежней
Ты разом сердце оторвал!..

Ты не всегда был тем, что ныне,
Ты жил, ты слишком много жил,
И лишь с последнею святыней
Ты пламень сердца схоронил.

1833

ЮНКЕРСКАЯ МОЛИТВА

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь.
Пускай в манеже
Алёхин глас
Как можно реже
Тревожит нас.
Еще моленье
Прошу принять —
В то воскресенье
Дай разрешенье
Мне опоздать.
Я, царь всевышний,
Хорош уж тем,
Что просьбой лишней
Не надоем.

1833—1834

* * *

На серебряные шпоры
Я в раздумии гляжу;
За тебя, скакун мой скорый,
За бока твои дрожу.

Наши предки их не знали
И, гарцуя средь степей,
Толстой плеткой погоняли
Недоезженных коней.

Но с успехом просвещенья,
Вместо грубой старины,
Введены изобретенья
Чужеземной стороны;

В наше время кормят, холют,
Берегут спинную честь...
Прежде били — нынче колют!..
Что же выгодней? — бог весть!..

* * *

В рядах стояли безмолвной толпой,
Когда хоронили мы друга;
Лишь поп полковой бормотал — и порой
Ревела осенняя вьюга.

Кругом кивера над могилой святой
   Недвижны в тумане сверкали,
Уланская шапка да меч боевой
   На гробе дощатом лежали.
И билося сердце в груди не одно,
   И в землю все очи смотрели,
Как будто бы все, что уж ей отдано,
   Они у ней вырвать хотели.
Напрасные слезы из глаз не текли:
   Тоска наши души сжимала,
И горсть роковая прощальной земли,
   Упавши на гроб, застучала.
Прощай, наш товарищ, недолго ты жил,
   Певец с голубыми очами;
Лишь крест деревянный себе заслужил
   Да вечную память меж нами!

1834—1835

1

Опять, народные витии,
За дело падшее Литвы
На славу гордую России,
Опять шумя, восстали вы.
Уж вас казнил могучим словом
Поэт, восставший в блеске новом
От продолжительного сна,
И порицания покровом
Одел он ваши имена.

2

Что это: вызов ли надменный,
На битву ль бешеный призыв?
Иль голос зависти смущенной,
Бессилья злобного порыв?..
Да, хитрой зависти ехидна
Вас пожирает; вам обидна
Величья нашего заря;
Вам солнца божьего не видно
За солнцем русского царя.

3

Давно привыкшие венцами
И уважением играть,
Вы мнили грязными руками

Венец блестящий запятнать.
Вам непонятно, вам несродно
Все, что высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный щит
Любви и гордости народной
От вас венец тот сохранит.

4

Безумцы мелкие, вы правы.
Мы чужды ложного стыда!

⟨5⟩

Но честь России невредима.
И вам, смеясь, внимает свет...
Так в дни воинственные Рима,
Во дни торжественных побед,
Когда триумфом шел Фабриций
И раздавался по столице
Восторга благодарный клик,
Бежал за светлой колесницей
Один наемный клеветник.

* * *

Когда надежде недоступный,
Не смея плакать и любить,
Пороки юности преступной
Я мнил страданьем искупить;
Когда былое ежечасно
Очам являлося моим
И все, что свято и прекрасно,
Отозвалося мне чужим, —
Тогда молитвой безрассудной
Я долго богу докучал
И вдруг услышал голос чудный.
«Чего ты просишь? — он вещал, —

Ты жить устал? но я ль виновен;
Смири страстей своих порыв,
Будь, как другие, хладнокровен,
Будь, как другие, терпелив.
Твое блаженство было ложно;
Ужель мечты тебе так жаль?
Глупец! Где посох твой дорожный?
Возьми его, пускайся вдаль;
Пойдешь ли ты через пустыню
Иль город пышный и большой,
Не обожай ничью святыню,
Нигде приют себе не строй.
[Когда тебя во имя бога
Кто пригласит на пир простой,
Страшися мирного порога
Коснуться грешною ногой;
Смотреть привыкни равнодушно...»]

1836

УМИРАЮЩИЙ ГЛАДИАТОР

I see before me the gladiator lie...
Byron [1].

Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена:
А он — пронзенный в грудь,— безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его колена...
И молит жалости напрасно мутный взор:
Надменный временщик и льстец его сенатор
Венчают похвалой победу и позор...
Что́ знатным и толпе сраженный гладиатор?
Он презрен и забыт... освистанный актер.

И кровь его течет — последние мгновенья
Мелькают, — близок час... Вот луч воображенья
Сверкнул в его душе... Пред ним шумит Дунай...
И родина цветет... свободный жизни край;
Он видит круг семьи, оставленный для брани,
Отца, простершего немеющие длани,
Зовущего к себе опору дряхлых дней...
Детей играющих — возлюбленных детей.
Все ждут его назад с добычею и славой...
Напрасно — жалкий раб, — он пал, как зверь лесной,

---

[1] Я вижу пред собой лежащего гладиатора...
Байрон (англ.).

Бесчувственной толпы минутною забавой...
Прости, развратный Рим,— прости, о край родной...

Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтателей кумир,
К могиле клонишься бесславной головою,
Измученный в борьбе сомнений и страстей,
Без веры, без надежд — игралище детей,
Осмеянный ликующей толпою!

И пред кончиною ты взоры обратил
С глубоким вздохом сожаленья
На юность светлую, исполненную сил,
Которую давно для язвы просвещенья,
Для гордой роскоши беспечно ты забыл:
Стараясь заглушить последние страданья,
Ты жадно слушаешь и песни старины,
И рыцарских времен волшебные преданья —
Насмешливых льстецов несбыточные сны.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

(*Из Байрона*)

Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!
Вот арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшися по ней,
Пробудят в струнах звуки рая.
И если не навек надежды рок унес,
Они в груди моей проснутся,
И если есть в очах застывших капля слез —
Они растают и прольются.

Пусть будет песнь твоя дика. Как мой венец,
Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал — теперь она полна,
Как кубок смерти яда полный.

В АЛЬБОМ

(Из Байрона)

Как одинокая гробница
Вниманье путника зовет,
Так эта бледная страница
Пусть милый взор твой привлечет.

И если после многих лет
Прочтешь ты, как мечтал поэт,
И вспомнишь, как тебя любил он,
То думай, что его уж нет,
Что сердце здесь похоронил он.

* * *

. . . .
Великий муж! здесь нет награды,
Достойной доблести твоей!
Ее на небе сыщут взгляды
И не найдут среди людей.

Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит,
И, услыхав твое названье,
Твой сын душою закипит.

Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «Он любил отчизну!»

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДОВ

* * *

Ах! ныне я не тот совсем,
Меня друзья бы не узнали,
И на челе тогда моем
Власы седые не блистали.
Я был еще совсем не стар;
А иссушил мне сердце жар
Страстей, явилися морщины
И ненавистные седины,
Но и теперь преклонных лет
Я презираю тяготенье.
Я знал еще души волненье —
Любви минувшей грозный след.
Но говорю: краса Терезы...
Теперь среди полночной грезы
Мне кажется: идет она
Между каштанов и черешен...
Катится по небу луна...
Как я доволен и утешен!
Я вижу кудри... взор живой
Горячей влагою оделся...
Как жемчуг перси белизной.
Так живо образ дорогой
В уме моем напечатлелся!
Стан невысокий помню я
И азиатские движенья,
Уста пурпурные ея,
Стыда румянец и смятенье...

Но полно! полно! я любил,
Я чувств своих не изменил!..

. . . .

Любовь, сокрывшись в сердце диком,
В одних лишь крайностях горит
И вечно (тщетно рок свирепый
Восстал) меня не охладит,
И тень минувшего бежит
Поныне всюду за Мазепой...

. . . .

* * *

Никто моим словам не внемлет... я один.
День гаснет... красными рисуясь полосами,
На запад уклонились тучи, и камин
Трещит передо мной. Я полон весь мечтами
О будущем... и дни мои толпой
Однообразною проходят предо мной,
И тщетно я ищу смущенными очами
Меж них хоть день один, отмеченный судьбой!

* * *

Мое грядущее в тумане,
Былое полно мук и зла...
Зачем не позже иль не ране
Меня природа создала?

К чему творец меня готовил,
Зачем так грозно прекословил
Надеждам юности моей?..
Добра и зла он дал мне чашу,
Сказав: я жизнь твою украшу,
Ты будешь славен меж людей!..

И я словам его поверил,
И, полный волею страстей,
Я будущность свою измерил
Обширностью души своей;
С святыней зло во мне боролось,

Я удушил святыни голос,
Из сердца слезы выжал я;
Как юный плод, лишенный сока,
Оно увяло в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

Тогда, для поприща готовый,
Я дерзко вник в сердца людей
Сквозь непонятные покровы
Приличий светских и страстей.

* * *

Из-под таинственной, холодной полумаски
Звучал мне голос твой отрадный, как мечта,
Светили мне твои пленительные глазки
И улыбалися лукавые уста.

Сквозь дымку легкую заметил я невольно
И девственных ланит и шеи белизну.
Счастливец! видел я и локон своевольный,
Родных кудрей покинувший волну!..

И создал я тогда в моем воображенье
По легким признакам красавицу мою;
И с той поры бесплотное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люблю.

И все мне кажется: живые эти речи
В года минувшие слыхал когда-то я;
И кто-то шепчет мне, что после этой встречи
Мы вновь увидимся, как старые друзья.

* * *

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небрежный.
Как сына, ты его благослови
И осени вершиной белоснежной;
От юных лет к тебе мечты мои
Прикованы судьбою неизбежной,

На севере — в стране тебе чужой —
Я сердцем твой всегда и всюду твой.

Еще ребенком робкими шагами
Взбирался я на гордые скалы,
Увитые туманными чалмами,
Как головы поклонников аллы.
Там ветер машет вольными крылами,
Там ночевать слетаются орлы,
Я в гости к ним летал мечтой послушной
И сердцем был — товарищ их воздушный.

С тех пор прошло тяжелых много лет,
И вновь меня меж скал своих ты встретил.
Как некогда ребенку, твой привет
Изгнаннику был радостен и светел.
Он пролил в грудь мою забвенье бед,
И дружно я на дружний зов ответил;
И ныне здесь, в полуночном краю,
Все о тебе мечтаю и пою.

* * *

Не плачь, не плачь, мое дитя,
Не стоит он безумной муки.
Верь, он ласкал тебя шутя,
Верь, он любил тебя от скуки!
И мало ль в Грузии у нас
Прекрасных юношей найдется?
Быстрей огонь их черных глаз,
И черный ус их лучше вьется!

Из дальней, чуждой стороны
Он к нам заброшен был судьбою;
Он ищет славы и войны, —
И что ж он мог найти с тобою?
Тебя он золотом дарил,
Клялся, что вечно не изменит,
Он ласки дорого ценил —
Но слез твоих он не оценит!

ЭПИГРАММЫ, ЭКСПРОМТЫ, ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ЭПИГРАММА

Дурак и старая кокетка — все равно:
Румяны, горсть белил — все знание его!..

МАДРИГАЛ

«Душа телесна!» — ты всех уверяешь смело;
Я соглашусь, любовию дыша:
Твое прекраснейшее тело
Не что иное, как душа!..

ЭПИГРАММЫ

1

Есть люди странные, которые с друзьями
Обходятся как с сюртуками:
Покуда нов сюртук: в чести — а там
Забыт и подарен слугам!..

2

Тот самый человек пустой,
Кто весь наполнен сам собой.

3

Поэтом (хоть и это бремя)
Из журналиста быть тебе не суждено;
Ругать, и льстить, и лгать в одно и то же
время,
Признаться — очень мудрено!

4. Г-ну П...

Аминт твой на глупца походит,
Когда за счастием бежит;
А под конец так крепко спит,
Что даже сон другим наводит.

5

Стыдить лжеца, шутить над дураком
И спорить с женщиной — все то же,
Что черпать воду решетом:
От сих троих избавь нас, боже!..

6

Дамон, наш врач, о друге прослезился,
Когда тот кончил жизнь; поныне он грустит
(Но не о том, что жизни друг лишился):
Пять раз забыл он взять *билеты за визит!..*

К ГРУЗИНОВУ

Скажу, любезный мой приятель,
Ты для меня такой смешной,
Ты муз прилежный обожатель,
Им даже жертвуешь собой!..
Напрасно, милый друг! коварных
К себе не приманишь никак;
Ведь музы женщины — итак,
Кто ж видел женщин благодарных?..

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ N.N.

Чего тебе, мой милый, пожелать?
Учись быть счастливым на разные манеры
И продолжай беспечно пировать
Под сенью Марса и Венеры...

МОЯ МОЛЬБА

Да охранюся я от мушек,
От дев, не знающих любви,
От дружбы слишком нежной и —
От романтических старушек.

ЭПИТАФИЯ

(Утонувшему игроку)

Кто яму для других копать трудился,
Тот сам в нее упал — гласит писанье так.
Ты это оправдал, бостонный мой чудак,
Топил людей — и утопился.

А. Д. З...

О ты, которого клеврет твой верный Павел
В искусство ёрников в младенчестве наставил;
О ты, к которому день всякий Валерьян
На ваньке приезжал ярыгой, глуп и пьян,
Которому служил лакеем из лакеев
Шут, алырь, женолаз, великий Теличеев,
Приветствую тебя и твой триумвират:
И кто сказать бы смел, что черт тебе не брат?

⟨НОВОГОДНИЕ МАДРИГАЛЫ И ЭПИГРАММЫ⟩

Н. Ф. И.

Дай бог, чтоб вечно вы не знали,
Что значат толки дураков,
И чтоб вам не было печали
От шпор, мундира и усов;
Дай бог, чтоб вас не огорчали
Соперниц ложные красы,
Чтобы у ног вы увидали
Мундир, и шпоры, и усы!

БУХАРИНОЙ

Не чудно ль, что зовут вас Вера?
Ужели можно верить вам?
Нет, я не дам своим друзьям
Такого страшного примера!..

Поверить стоит раз... но что ж?
Ведь сам раскаиваться будешь,
Закона веры не забудешь
И старовером прослывешь!

ТРУБЕЦКОМУ

Нет! мир совсем пошел не так;
Обиняков не понимают;
Скажи не просто: ты дурак —
За комплимент уж принимают?
Все то, на чем ума печать,
Они привыкли ненавидеть!
Так стану ж умным называть,
Когда захочется обидеть!

Г⟨-НУ⟩ ПАВЛОВУ

Как вас зовут? ужель поэтом?
Я вас прошу в последний раз,

Не называйтесь так пред светом:
Фигляром назовет он вас!

Пускай никто про вас не скажет:
Вот стихотворец, вот поэт;
Вас этот титул только свяжет
С ним привилегий вовсе нет.

АЛЯБЬЕВОЙ

Вам красота, чтобы блеснуть,
Дана;
В глазах душа, чтоб обмануть,
Видна!..
Но звал ли вас хоть кто-нибудь:
Она?

Л. НАРЫШКИНОЙ

Всем жалко вас: вы так устали!
Вы не хотели танцевать —
И целый вечер танцевали!
Как, наконец, не перестать?..
Но если б все ценить умели
Ваш ум, любезность ваших слов, —
Клянусь бессмертием богов —
Тогда б мазурки опустели.

ТОЛСТОЙ

Недаром она, недаром
С отставным гусаром.

БАРТЕНЬЕВОЙ

Скажи мне: где переняла
Ты обольстительные звуки
И как соединить могла
Отзывы радости и муки?

Премудрой мыслию вникал
Я в песни ада, в песни рая,
Но что ж? — нигде я не слыхал
Того, что слышал от тебя я!

МАРТЫНОВОЙ

Когда поспорить вам придется,
Не спорьте никогда о том,
Что невозможно быть с умом
Тому, кто в этом признается;
Кто с вами раз поговорил,
Тот с вами вечно спорить будет,
Что ум ваш вечно не забудет
И что другое все забыл!

ДОДО

Умеешь ты сердца тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нежной оживить;
Умеешь ты польстить случайно
С холодной важностью лица
И умника унизить тайно,
Взяв пылко сторону глупца!
Как в *Талисмане* стих небрежный,
Как над пучиною мятежной
Свободный парус челнока,
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понял север хладный;
В наш круг ты брошена судьбой,
Как божество страны чужой,
Как в день печали миг отрадный!

БАШИЛОВУ

Вы старшина собранья, верно,
Так я прошу вас объявить,
Могу ль я здесь нелицемерно

В глаза всем правду говорить?
Авось, авось займет нас делом
Иль хоть забавит новый год,
Когда один в собранье целом
Ему навстречу не солжет;
Итак, я вас не поздравляю;
Что год сей даст вам — знает бог.
Зато минувший, уверяю,
Отмстил за вас как только мог!

КРОПОТКИНОЙ

Я оклеветан перед вами;
Как оправдаться я могу?
Ужели клятвами, словами?
Но как же! — я сегодня лгу!..

ЩЕРБАТОВОЙ

Поверю ль я, чтоб вы хотели
Покинуть общество Москвы,
Когда от самой колыбели
Ее кумиром были вы?
Что даст вам скучный брег Невы:
Ужель там больше веселятся,
Ужели балов больше там?
Нет, как мудрец, скажу я вам:
Гораздо лучше оставаться.

БУЛГАКОВУ

На вздор и шалости ты хват
И мастер на безделки.
И, шутовской надев наряд,
Ты был в своей тарелке;
За службу долгую и труд
Авось наместо класса
Тебе, мой друг, по смерть дадут
Чин и мундир паяса.

САБУРОВОЙ

Как? вы поэта огорчили
И не наказаны потом?
Три года ровно вы шутили
Его любовью и умом?
Нет! вы не поняли поэта,
Его души печальный сон;
Вы небом созданы для света,
Но не для вас был создан он!..

УВАРОВОЙ

Вы мне однажды говорили,
Что не привыкли в свете жить:
Не спорю в этом; но не вы ли
Себя заставили любить?
Все, что привычкою другие
Приобретают — вы душой;
И что у них слова пустые —
То не обман у вас одной!

* * *

Вы не знавали князь Петра;
Танцует, пишет он порою,
От ног его и от пера
Московским дурам нет покою;
Ему устать бы уж пора,
Ногами — но не головою.

〈Н. Н. АРСЕНЬЕВУ〉

Дай бог, чтоб ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытия,
Чтоб дух твой в небо не умчался,
Чтоб не иссякла плоть твоя;
Пусть покровительство судьбины

Повсюду будет над тобой,
Чтоб ум твой не вскружили вины
И взор красавицы младой;
Ланиты и вино нередко
Фальшивой краскою блестят;
Вино поддельное, кокетка
Для головы и сердца — яд!

⟨ЭПИГРАММА НА Н. КУКОЛЬНИКА⟩

В Большом театре я сидел,
Давали Скопина: я слушал и смотрел.
Когда же занавес при плесках опустился,
Тогда сказал знакомый мне один:
«Что, братец! жаль! — вот умер и Скопин!..
Ну, право, лучше б не родился».

⟨ЭПИГРАММА НА Ф. БУЛГАРИНА, I⟩

Россию продает Фадей
Не в первый раз, как вам известно,
Пожалуй, он продаст жену, детей
И мир земной и рай небесный,
Он совесть продал бы за сходную цену,
Да жаль, заложена в казну.

⟨ЭПИГРАММА НА Ф. БУЛГАРИНА, II⟩

Россию продает Фадей
И уж не в первый раз, злодей.

* * *

Се Маккавей-водопийца кудрявые речи раскинул
как сети,
Злой сердцелов! ожидает добычи, рекая в пустыне,

Сухосплетенные мышцы расправил и, корпий
Вынув клоком из чутких ушей, уловить замышляет
Слово обидное, грозно вращая зелено-сереющим
оком,
Зубом верхним о нижний, как уголь черный,
щелкая.

* * *

Остаться без носу — наш Маккавей боялся;
Приехал на воды — и с носом он остался.

⟨А. ПЕТРОВУ⟩

Ну что скажу тебе я спросту?
Мне не с руки хвала и лесть:
Дай бог тебе побольше росту —
Другие качества все есть.

⟨К М. И. ЦЕЙДЛЕРУ⟩

Русский немец белокурый
Едет в дальную страну,
Где косматые гяуры
Вновь затеяли войну.
Едет он, томим печалью,
На могучий пир войны;
Но иной, не бранной *сталью*
Мысли юноши полны.

⟨К ПОРТРЕТУ СТАРОГО ГУСАРА⟩

Смотрите, как летит, отвагою пылая...
Порой обманчива бывает седина:
Так мхом покрытая бутылка вековая
Хранит струю кипучего вина.

⟨А. А. ОЛЕНИНОЙ⟩

Ах! Анна Алексевна,
Какой счастливый день!
Судьба моя плачевна,
Я здесь стою как пень.
И что сказать — не знаю,
А мне кричат: «Plus vite!» [1]
Я счастья вам желаю,
Et je vous félicite [2].

⟨Э. К. МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ⟩

Графиня Эмилия —
Белее чем лилия,
Стройней ее талии
На свете не встретится.
И небо Италии
В глазах ее светится.
Но сердце Эмилии
Подобно Бастилии.

* * *

Посреди небесных тел
Лик луны туманный,
Как он кругл и как он бел,
Точно блин с сметаной.

Кажду ночь она в лучах
Путь проходит млечный.
Видно, там на небесах
Масленица вечно!

⟨ЭПИГРАММА⟩

Под фирмой иностранной иноземец
Не утаил себя никак —
Бранится пошло: ясно немец;
Похвалит: видно, что поляк.

---

[1] Скорей! (*франц.*)
[2] И я вас поздравляю (*франц.*).

И. П. МЯТЛЕВУ

На наших дам морозных
С досадой я смотрю,
Угрюмых и серьезных
Фигур их не терплю.
Вот дама Курдюкова,
Ее рассказ так мил,
Я от слова до слова
Его бы затвердил.
Мой ум скакал за нею,
И часто был готов
Я броситься на шею
К madame de-Курдюков.

⟨А. А. УГЛИЦКОЙ⟩

Ma chère Alexandrine,
Простите, же ву при,
За мной армейский чин
Все, что je vous écris;

Меж тем, же ву засюр,
Ich wünsche счастья вам,
Surtout beaucoup d'amour
Quand vous serez *Мадам.*

* * *

Надежда Петровна,
Отчего так неровно
Разобран ваш ряд,
И локон небрежный
Над шейкою нежной...
На поясе нож.
C'est un vers qui cloche [1].

[1] Вот стих, который хромает *(франц.)*.

* * *

Расписку просишь ты, гусар, —
Я получил твое посланье;
Родилось в сердце упованье,
И легче стал судьбы удар;
Твои пленительны картины
И дерзкой списаны рукой;
В твоих стихах есть запах винный —
А рифмы льются м. . . .ей.

Борделя грязная свобода
Тебя в пророки избрала;
Давно для глаз твоих природа
Покров обманчивый сняла;
Чуть тронешь ты жезлом волшебным
Хоть отвратительный предмет,
Стихи звучат ключом целебным,
И люди шепчут: он поэт!

Так некогда в степи безводной
Премудрый пастырь Аарон
Услышал плач и вопль народный,
И жезл священный поднял он,
И на челе его угрюмом
Надежды луч блеснул живой,
И тронул камень он немой, —
И брызнул ключ с приветным шумом
Новорожденною струей.

* * *

Он был в краю святом,
На холмах Палестины.
Стальной его шелом
Иссекли сарацины.

Понес он в край святой
Цветущие ланиты;
Вернулся он домой
Плешивый и избитый.

Неверных он громил
Обеими руками —
Ни жен их не щадил,
Ни малых с стариками.

Встречаясь с ним подчас,
Смущалися красотки;
Он п.... их не раз,
Перебирая четки.

Вернулся он в свой дом
Без славы и без злата;
Глядит — детей Содом,
Жена его брюхата.

Пришибло старика...

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОЛЛЕКТИВНОЕ

ЮГЕЛЬСКИЙ БАРОН

БАЛЛАДА

(*Ал. М. В—ой*)

До рассвета поднявшись, перо очинил
Знаменитый Югельский барон.
И кусал он, и рвал, и писал, и строчил
Письмецо к своей Сашеньке он,
И он крикнул: «Мой паж!.. мой малютка!..
скорей!..
Подойди!.. что робеешь ты так!»
И к нему подошел долговязый лакей,
Тридцатипятилетний дурак.
«Вот!.. возьми письмецо ты к невесте моей
И на почту его отнеси!
И потом пирогов, сухарей, кренделей —
Чего хочешь, в награду проси!»
«Сухарей не хочу, и письма не возьму,
Хоть расплачься, высокий барон,
А захочешь узнать, я скажу почему,
Нет!.. уж лучше смолчать», — и поклон.
«Паж!.. хочу я узнать!..» — «Нет!.. позволь
мне смолчать!..» —
«Говори!» — «За невестой твоей
Обожателей рать кто бы мог сосчитать?
И в разлуке ты вверился ей!
Не девица ль она?.. и одна ли верна?
Нам ли думать: на Севере, там,
Все вздыхает она, одинока, бледна;

Нам ли веровать женским словам?
Иль один обольщен, изумлен, увлечен
Ты невестою милой своей?
Нет!.. высокий барон, ты порой мне смешон,
И письма не отправлю я к ней!»
Рассмеялся барон — так уверен был он.
«Ты малютка, мой паж молодой!
Знай!.. ты сам ослеплен! Знай! у северных жен
Не в размолвке обеты с душой!
Там девица верна, постоянна жена;
Север силой ли только велик?
Жизнь там веры полна, счастья там сторона,
И послушен там сердцу язык!
Мелких птиц, как везде, нет в орлином гнезде,
Там я выбрал невесту себе,
Не изменит нигде; ей как вечной звезде,
Ей вверяюсь, как самой судьбе!
Так!.. снегов в стороне, будет верною мне!»
Паж невольно барону внимал,
И без слов, в тишине, он сознался в вине
И на почту с письмом побежал!

* * *

О, как прохладно и весело нам
Вечером плыть по заснувшим волнам.
Солнце погасло в туманной дали,
Звезды лампады ночные зажгли.
Резво играя в вершинах холмов,
Ветер приносит дыханье цветов.
О, как чудно, прохладно с песнями плыть
И влажные кудри над морем сушить.

Остался ли кто в морской глубине?
Луна, улыбаясь, глядится в волне.
И звезды, украсив чертог голубой,
Сверкают и гаснут одна за другой.
Радостно, весело поплывем по волне,
Видишь в водах, как дрожат и как гаснут оне.

СТИХОТВОРЕНИЯ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

* * *

Non, si j'en crois mon espérance,
J'attends un meilleur avenir.
Je serai malgré la distance
Près de vous par le souvenir.
Errant sur un autre rivage,
De loin je vous suivrai,
Et sur vous si grondait l'orage,
Rappelez-moi, je reviendrai.

* * *

Quand je te vois sourire,
Mon cœur s'épanouit,
Et je voudrais te dire,
Ce que mon cœur me dit!

Alors toute ma vie
A mes yeux apparaît;
Je maudis, et je prie,
Et je pleure en secret.

Car sans toi, mon seul guide,
Sans ton regard de feu
Mon passé paraît vide,
Comme le ciel sans dieu.

Et puis, caprice étrange,
Je me surprends bénir
Le beau jour, oh mon ange,
Où tu m'as fait souffrir!..

L'ATTENTE

Je l'attends dans la plaine sombre;
Au loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement...
Eh non! — trompeuse espérance —
C'est un vieux saule qui balance
Son tronc desséché et luisant.

Je me penche et longtemps j'écoute:
Je crois entendre sur la route
Le son qu'un pas léger produit...
Non, ce n'est rien! C'est dans la mousse
Le bruit d'une feuille que pousse
Le vent parfumé de la nuit.

Rempli d'une amére tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse
Et m'endors d'un sommeil profond...
Tout-á-coup, tremblant, je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Sa bouche me baisait au front.

НАБРОСКИ И ОТРЫВКИ

* * *

Забывши волнения жизни мятежной,
Один жил в пустыне рыбак молодой.
Однажды на скале прибрежной,
Над тихой, прозрачной рекой,
Он с удой беспечно
Сидел
И думой сердечной
К протекшему счастью летел.

* * *

В старинны годы жили-были
Два рыцаря друзья;
Не раз они в Сион ходили,
Желанием горя,
С огромной ратью, с королями
Его освободить...
И крест священный знаменами
Своими осенить...

* * *

Лилейной рукой поправляя
Едва пробившийся ус,
Краснеет, как дева младая,
Капгар, молодой туксус.

* * *

1

На бурке под тенью чинары
Лежал Ахмет Ибрагим,
И, руки скрестивши, татары
Стояли молча пред ним.

2

И, брови нахмурив густые,
Лениво молвил Ага:
— О слуги мои удалые,
Мне ваша жизнь дорога!

3

* * *

Это случилось в последние годы могучего Рима.
Царствовал грозный Тиверий и гнал христиан
беспощадно;
Но ежедневно на месте отрубленных ветвей, у древа
Церкви Христовой юные вновь зеленели побеги.
В тайной пещере, над Тибром ревущим, скрывался
в то время
Праведный старец, в посте и молитве свой век
доживая;
Бог его в людях своей благодатью прославил.
Чудный он дар получил: исцелять от недугов телесных
И от страданий душевных. Рано утром, однажды,
Горько рыдая, приходит к нему старуха простого
Звания, с нею и муж ее, грусти безмолвной исполнен.
Просит она воскресить ее дочь, внезапно во цвете
Девственной жизни умершую... «Вот уж два дня и две
ночи, —

Так она говорила, — мы наших богов неотступно
Молим во храмах и жжем ароматы на мраморе хладном,
Золото сыплем жрецам их и плачем... но все бесполезно!
Если б знал ты Виргинию нашу, то жалость стеснила б
Сердце твое, равнодушное к прелестям мира! Как часто
Дряхлые старцы, любуясь на белые плечи, волнистые кудри,
На темные очи ее, молодели; и юноши страстным
Взором ее провожали, когда, напевая простую
Песню, амфору держа над главой, осторожно тропинкой
К Тибру спускалась она за водою... иль в пляске
Перед домашним порогом подруг побеждала искусством,
Звонким ребяческим смехом родительский слух утешая...
Только в последнее время приметно она изменилась:
Игры наскучили ей, и взор отуманился думой,
Из дома стала она уходить до зари, возвращаясь
Вечером темным, и ночи без сна проводила... При свете
Поздней лампады я видела раз, как она, на коленах,
Тихо, усердно и долго молилась... кому?.. неизвестно!..
Созвали мы стариков и родных для совета; решили...»

ПРИМЕЧАНИЯ

Поэзия Лермонтова, связанная с поэтической традицией Пушкина и декабристов, вобравшая опыт мировой поэтической культуры, представляет собой великое явление русской и мировой литературы. Имя Лермонтова давно уже стоит рядом с именем Пушкина.

Продолжая традиции гражданской лирики Пушкина и декабристов в новых исторических условиях, Лермонтов открывал в поэзии собственный путь.

Уже в юношеской лирике сложилась центральная для всего творчества Лермонтова тема трагической судьбы человека в условиях николаевской России. Его юношеские стихи — это романтическая исповедь, поэтический дневник, непрерывный монолог героя, выражение сложных противоречий мыслей и чувств передового интеллигента той эпохи, человека последекабристского поколения, поколения Герцена, Огарева, Белинского.

Неудовлетворенный окружающей действительностью, лермонтовский герой мечтает о счастье и о свободе; они немыслимы для него без счастья и свободы всего человечества. Наделенный силой духа и мысли, громадной жаждой жизни, непримиримой ненавистью ко лжи и несправедливости, он — человек действия, борьбы.

В поэтическом дневнике Лермонтова нет резких границ между личными и общественными темами: в интимных стихотворениях поднимаются философские вопросы; в послании, обращенном к любимой женщине, звучат политические мотивы, говорится о высоком назначении человека, о гибели в борьбе за общее дело.

В юношеский период сложилась и другая особенность творчества Лермонтова: «резко ощутительное присутствие мысли в художественной форме» (Белинский). Развитие мысли, «борение дум» служат композиционной основой многих лермонтовских стихотворений. И это придает поэзии Лермонтова особое своеобразие. Однако юношеские стихи — поэзия во многом еще условная, романтически отвлеченная.

Ранние стихотворения не предназначались поэтом для печати, хотя и распространялись в кругу его друзей и товарищей. С 1837 года Лермонтов начинает выступать со своими стихотворениями в печати. Этим годом открывается период творческой зрелости поэта. Намечаются существенные изменения в подходе к явлениям жизни, расширяется круг тем в творчестве Лермонтова. Это сказывается в языке и стиле поэзии.

Герой лермонтовской лирики по-прежнему противостоит окружающему обществу, однако его взаимоотношения со средою рисуются теперь конкретно и получают социально-историческое осмысление. Трагедия одинокой личности, неудовлетворенной существующим порядком вещей, рассматривается поэтом уже как судьба целого поколения. Это сразу отметил Белинский. «...Кто же из людей нового поколения, — писал он о стихотворении «Дума», — не найдет в нем разгадки собственного уныния, душевной апатии, пустоты внутренней и не откликнется на него своим воплем, своим стоном?..»

Лермонтовское беспощадное отрицание, отвергавшее всякие надежды на примирение противоречий действительности, играло в эти годы прогрессивную роль.

В лирике последних лет (1840—1841) усиливаются мотивы одиночества, разрыва связей с окружающим обществом. Такие стихотворения, как «Завещание», «Они любили друг друга», «Листок», не означали утраты интереса к общественным темам: наоборот, они свидетельствовали о социальном неблагополучии. В последние годы жизни Лермонтов выступил со стихотворениями, содержащими суровое обвинение современному обществу («Последнее новоселье»). Такое стихотворение, как «Спор», полно большой исторической значимости. В эти же годы все отчетливее проявляются истинные симпатии Лермонтова. Если «Прощай, немытая Россия...» лаконически точно и беспощадно характеризует политический строй и систему феодально-крепостнических отношений «страны рабов, страны господ», то стихотворе-

ние «Родина» воссоздает образ русской земли, столь дорогой сердцу поэта.

Многие юношеские стихотворения, представлявшие собой раскрытие с разных сторон единого сознания героя, воспринимаются как часть лирических циклов. Особенность зрелой лирики — в идейной значимости каждого отдельного стихотворения. Недаром Белинский утверждал, что в них «выразился исторический момент русского общества». Отличаясь законченностью мысли и чувства, они обладают громадной силой воздействия. Такие стихотворения, как «Смерть Поэта», «Бородино», «Дума», «И скучно и грустно», сразу же становились событием в сознании передовых людей русского общества.

Многие стихотворения Лермонтова были напечатаны в самом прогрессивном русском журнале того времени —«Отечественных записках». Они читались и горячо обсуждались молодежью наряду со статьями Белинского и Герцена. В 1840 году на страницах этого журнала появилось стихотворение «Журналист, читатель и писатель» — размышление о судьбах русской литературы. К этому произведению Лермонтова вполне применимы слова Белинского по поводу «Театрального разъезда» Гоголя: «В этой пьесе, поражающей мастерством изложения» автор «является столько же мыслителем-эстетиком, глубоко постигающим законы искусства, которому он служит с такой славой, сколько поэтом и социальным писателем».

Наряду с «субъективными» (по выражению Белинского) стихотворениями, такими, как «Дума», выросшими из юношеских монологов, Лермонтов все чаще и чаще обращается к объективным стихотворениям — эпическим и фольклорным, — в которых глубокая философская мысль часто выражена в аллегорических образах («Три пальмы», «Утес», «Листок», «Дары Терека», «Пленный рыцарь» и др.).

Поэзия Лермонтова сыграла громадную роль в дальнейшем развитии русской лирики, отразилась в творчестве многих поэтов — от Некрасова до Маяковского, до современных советских поэтов, лучшие из которых унаследовали от классической русской поэзии — в том числе и от Лермонтова — глубокий психологизм, силу мысли, высокий гражданский пафос.

*

Основными источниками текстов стихотворений Лермонтова являются: сборник «Стихотворения М. Лермонтова», вышедший в Петербурге в 1840 году; прижизненные публикации в журналах и альманахах; автографы и авторизованные копии; наиболее авторитетные копии, сделанные при жизни поэта и после его смерти, посмертные публикации стихотворений, автографы которых не сохранились.

Для сборника стихотворений 1840 года Лермонтов произвел самый строгий отбор. Сборник открывает «Песня про царя Ивана Васильевича...» и завершают «Тучи» — последнее стихотворение, написанное Лермонтовым в Петербурге перед отъездом на Кавказ во вторую ссылку.

Вскоре после смерти Лермонтова были опубликованы стихотворения, написанные им в последние месяцы жизни. Большая часть автографов этих стихотворений находится в записной книжке, подаренной Лермонтову его другом — писателем В. Ф. Одоевским 13 апреля 1841 года, перед последним отъездом поэта на Кавказ. На книжке надпись: «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам, и всю исписанную. К<нязь> В. Одоевский. 1841 г. Апреля 13-е Спб». В настоящем издании для краткости она называется «Записная книжка Одоевского». Хранится в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Там же находится альбом, который Лермонтов заполнял на Кавказе в 1840 году и в начале 1841 года в Петербурге.

Из рукописных источников текстов стихотворений Лермонтова следует назвать еще тетрадь Чертковской библиотеки (ныне Государственного исторического музея в Москве). Историю тетради раскрывает надпись ее владельца Л. И. Арнольди на первом листе: «Собственноручные, черновые бумаги покойного Лермонтова, доставшиеся мне от его двоюродного брата Шан-Гирея». В «Чертковскую тетрадь» переплетены отдельные автографы Лермонтова разных лет.

Многие автографы Лермонтова сохранились в альбомах современников и в письмах поэта.

Источником текста для юношеских стихотворений являются автографы и авторизованные копии, содержащиеся в тетрадях Лермонтова, пронумерованных позднее собирателями архива поэта (хранятся в отделе рукописей Института русской лите-

ратуры Академии наук СССР). Эти тетради позволяют довольно точно датировать ранние стихотворения на основе помет на обложках, сделанных рукой Лермонтова, дат в заглавиях стихотворений или, наконец, по их содержанию.

Тетради II, III относятся к 1828—1829 годам, тетради V, VI, VII, VIII — к 1830 году, X, XI — к 1831 году, тетрадь IV — к концу 1831 — началу 1832 года (рубежом является цикл новогодних стихотворений, относящихся к маскараду в Московском благородном собрании в ночь на 1 января 1832 года).

Наиболее трудно датируются стихи, тексты которых известны нам по XX тетради, представляющей собою писарскую копию избранных стихотворений Лермонтова 1829—1832 годов. Автографы целой группы этих стихотворений, относящихся к 1830—1831 годам, до нас не дошли, и поэтому тексты их точной датировке пока что не поддаются. В настоящем издании, как это принято и в других изданиях, они печатаются под рубрикой «1830—1831». Исключение составляют те стихотворения из этой группы, заглавия которых содержат даты их написания — «1831-го января», «1831-го июня 11 дня».

Часть стихотворений 1832 года в автографах содержится в так называемой «казанской тетради», представлявшей прежде одно целое с XX тетрадью, последние листы которой Лермонтов использовал для черновиков. Листы эти впоследствии затерялись и только недавно были обнаружены в Казани (см. статью Б. Эйхенбаума в «Литературном наследстве», тт. 45—46).

В связи с тем, что год, под которым печатается то или иное юношеское стихотворение, сам по себе указывает, что его текст воспроизводится по одной из юношеских тетрадей — в примечаниях к разделу ранних стихотворений источник текста и аргументация датировок не указываются. Исключение составляют те случаи, когда текст воспроизводится по другим источникам.

Датировка зрелых стихотворений определяется по авторским пометам в автографах, по палеографическим признакам, по прижизненным публикациям, мемуарам современников, по содержанию. В каждом отдельном случае это оговаривается в примечаниях.

Что касается публикации юношеских стихотворений, то при жизни Лермонтова были опубликованы только «Весна» («Атеней», 1830), «Ангел» («Одесский альманах на 1840 г.») и «Русалка» (в сборнике 1840 г., с датой «1836»). Другие остались неизвестными современникам и большими группами появлялись

в печати главным образом уже во второй половине прошлого века — в «Библиотеке для чтения» (1844 и 1845), в «Отечественных записках» (1841—1843 и 1859), в книге «Стихотворения М. Ю. Лермонтова, не вошедшие в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862). В 1875 году юношеские стихотворения Лермонтова публиковал «Саратовский справочный листок». Многие впервые появились в издании под ред. П. А. Висковатова (1889—1891), и в «Северном вестнике» (1889 и 1891). Остальные печатались в «Русском сборнике», в «Русском архиве», в «Русской мысли», в «Русском библиофиле», в «Литературной газете» (1939).

Сведения о публикации зрелых стихотворений приводятся в комментариях к каждому стихотворению.

В настоящем издании приняты следующие условные сокращения:

Белинский — В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, изд. Академии наук СССР, М. 1953—1956.

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Добролюбов — Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений в шести томах, ГИХЛ, М.—Л. 1934—1941.

«Записки» Сушковой — Е. Сушкова (Е. А. Хвостова), Записки. Первое полное издание под ред. Ю. Г. Оксмана, Л. 1928.

ИРЛИ — Институт русской литературы АН СССР.

ЛБ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).

ОЗ — журнал «Отечественные записки».

Сборник 1840 г. — «Стихотворения М. Лермонтова», Спб. 1840.

Соч. под. ред. Висковатова — «Сочинения М. Ю. Лермонтова», первое полное издание под ред. П. А. Висковатова, в шести томах, М. 1889—1891.

Соч. изд. «Academia» — М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений в пяти томах под редакцией Б. М. Эйхенбаума, изд. «Academia», 1935—1937.

Соч. изд. АН — М. Ю. Лермонтов, Сочинения в шести томах, изд. Академии наук СССР, М. — Л. 1954—1956.

Соч. изд. «Огонек» — М. Ю. Лермонтов, Собрание сочинений в четырех томах под ред. И. Л. Андроникова, изд. «Правды», М. 1953.

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГИАЛ — Центр. Гос. историч. архив в Ленинграде.

1837

Смерть Поэта (стр. 7)

Печатается по беловому автографу ГПБ (кончая словами «И на устах его печать...»); заключительные шестнадцать строк — по копии, приложенной к «Делу о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии гусарского полка Лермонтовым и о распространении оных губернским секретарем Раевским» (ИРЛИ).

На автографе помета В. Ф. Одоевского: «Стихотворение Лермонтова, которое не могло быть напечатано».

Впервые — в «Полярной звезде на 1856 год» (Лондон, кн. 2). В России впервые — в «Библиографических записках» (1858, т. I, № 20).

Стихотворение (без заключительных шестнадцати строк) было написано сразу после того, как Лермонтов узнал о смерти Пушкина (29 января 1837 г.). Оно разошлось по Петербургу и за его пределами во множестве списков. Современник Лермонтова писал позднее: «Помню один приятельский вечер, куда Раевский принес только что написанные Лермонтовым стихи на смерть Пушкина, которые и переписывались на том же вечере в несколько рук» («Русский архив», 1873, т. I, стр. 528).

Вскоре Лермонтову стало известно, что высшее общество столицы защищает Дантеса и клевещет на Пушкина. Передавая мнение светских кругов, двоюродный брат поэта камер-юнкер Н. А. Столыпин, чиновник министерства иностранных дел, говорил Лермонтову, что Дантес и Геккерен «не подлежат ни законам, ни суду русскому» (П. Е. Щеголев, Книга о Лермонтове, вып. I, 1929, стр. 263). Как бы в ответ на это Лермонтов написал заключительные шестнадцать строк стихотворения, в которых были названы главные виновники гибели Пушкина — придворная знать. Эти стихи также быстро разошлись по городу и произвели большое впечатление в русском обществе. Николай I получил по почте копию заключительных стихов с надписью: «Воззвание к революции».

21 февраля Лермонтов и его друг С. А. Раевский были арестованы. 25 февраля последовал приказ Николая I о переводе Лермонтова на Кавказ в действующую армию и о ссылке С. А. Раевского в Олонецкую губернию.

В некоторых списках стихотворения есть эпиграф, взятый из трагедии французского писателя Ротру (1609—1650) «Венцеслав» в переделке А. Жандра:

Отмщенья, государь, отмщенья!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Эпиграф появился после написания заключительных строк; он отсутствует в большинстве дошедших до нас копий, в том числе в тексте, опубликованном в «Полярной звезде». Весьма вероятно, что текст стихотворения с эпиграфом предназначался для определенного круга читателей, связанного со двором; не случайно эпиграф есть в списке, находящемся в «Деле о непозволительных стихах...» Вряд ли эпиграф, который взывает к великодушию монарха и тем самым уничтожает революционное значение лермонтовской патетики, входил в замысел поэта. Поэтому в настоящем издании по решению редколлегии (как и в ряде предшествующих изданий) эпиграф не воспроизводится.

Бородино (стр. 9)

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1837 г. Впервые — в журнале «Современник» (1837, № 2).

Написано, по-видимому, после стихотворения «Смерть Поэта». В ином случае, надо думать, Раевский упомянул бы «Бородино» в своих показаниях по делу о «непозволительных» стихах, в которых он говорит о патриотических чувствах Лермонтова и ссылается на его стихотворения.

Написано в связи с двадцатипятилетней годовщиной Отечественной войны 1812 г.

В стихотворении историческая тема сочетается с острым злободневным смыслом. «Вся основная идея стихотворения выражена во втором куплете:

...Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!

...Эта мысль — жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел», — писал Белинский. Он подчерки-

вал и большую художественную удачу «Бородина»: «В каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии. Ровность и выдержанность тона делают осязаемо ощутительною основную мысль поэта» (Белинский, т. IV, стр. 503).

Первоначальный замысел этого стихотворения относится к 1830—1831 гг. (см. прим. к стихотворению «Поле Бородина», стр. 381).

Ветка Палестины (стр. 12)

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1836 г. Впервые — в ОЗ (1839, № 5).

В копии ИРЛИ под заглавием написано: «Посвящается А. М — ву». Писатель А. Н. Муравьев в своих воспоминаниях сообщает, что стихотворение Лермонтов сочинил у него на квартире 20 февраля 1837 г.: «Долго ожидая меня, написал он... чудные свои стихи «Ветка Палестины», которые по внезапному вдохновению у него исторглись в моей образной, при виде палестинских пальм, принесенных мною с Востока» (А. Н. Муравьев, Знакомство с русскими поэтами, Киев, 1871, стр. 24).

Узник (стр. 13)

Печатается по сборнику 1840 г. Впервые — в «Одесском альманахе на 1840 г.» (Одесса, 1839).

Написано в феврале 1837 г., когда Лермонтов находился под арестом за стихотворение «Смерть Поэта». По словам родственника Лермонтова А. П. Шан-Гирея, поэт «велел завертывать хлеб в серую бумагу и на этих клочках, с помощью вина, печной сажи и спички, написал несколько пьес, а именно: «Когда волнуется желтеющая нива...», «Я, матерь божия, ныне с молитвою...», «Кто б ни был ты, печальный мой сосед...», и переделал старую пьесу «Отворите мне темницу...» («Русское обозрение», 1890, № 8, стр. 740).

Сосед («Кто б ни был ты, печальный мой сосед...») (стр. 13)

Печатается по сборнику 1840 г., где появилось впервые. Написано в феврале 1837 г. (см. прим. к стихотворению «Узник»).

«Когда волнуется желтеющая нива...» (стр. 14)

Печатается по сборнику 1840 г., где появилось впервые. Написано в феврале 1837 г. (см. прим. к стихотворению «Узник»).

Молитва («Я, матерь божия, ныне с молитвою...») (стр. 15)

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1837 г. Впервые — в ОЗ (1840, № 7). По воспоминанию А. П. Шан-Гирея, стихотворение написано в феврале 1837 г. (см. прим. к стихотворению «Узник»); однако до нас дошел автограф (в письме от 15 февраля 1838 г.), в котором стихотворение озаглавлено «Молитва странника». Посылая этот текст М. А. Лопухиной, Лермонтов сообщает ей, что нашел его в своих дорожных бумагах. Поэтому можно предположить, что стихотворение было написано позднее, уже в ссылке на Кавказе; это подтверждает и заглавие: «Молитва странника». Относится, по-видимому, к В. А. Лопухиной.

«Расстались мы, но твой портрет...» (стр. 15)

Печатается по сборнику 1840 г., где появилось впервые с датой «1837».

Переработка юношеского стихотворения 1831 г. «Я не люблю тебя; страстей...» (стр. 217), обращено к Е. А. Сушковой.

«Я не хочу, чтоб свет узнал...» (стр. 16)

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки Впервые — в сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1) с пропуском двух стихов, вероятно цензурного характера: «И пусть меня накажет тот, // Кто изобрел мое мученье».

Датируется 1837 г., так как написано на обороте листа с автографом стихотворения «Не смейся над моей пророческой тоскою...»

«Не смейся над моей пророческой тоскою...» (стр. 16)

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки. Впервые — в сборнике «Вчера и сегодня» (1846, кн. 2) без последней строки и с пропуском слова «плаха» в строке 4-й, вероятно цензурного характера.

Датируется предположительно 1837 г. по содержанию; написано, очевидно, в связи с преследованием Лермонтова за стихотворение «Смерть Поэта» («Я знал: удар судьбы меня не обойдет...»). Первые строки восходят к юношескому стихотворению 1830 г. «Когда твой друг с пророческой тоскою...».

«Прощай, немытая Россия...» (стр. 17)[1]

Автограф стихотворения не сохранился, до нас дошел ряд позднейших копий, содержащих существенные разночтения.

К. В. Пигарев указывает на список этого стихотворения, сделанный рукой П. И. Бартенева и обнаруженный в архиве Н. В. Путяты. 4-я строка читается в нем: «И ты, им преданный народ»; 6-я строка — «Укроюсь от твоих царей». В конце приписка: «С подлинника руки Лермонтова» («Известия АН СССР, отд. литературы и языка», 1955, т. XIV, вып. 4, июль—август). Однако тот же П. И. Бартенев писал библиографу П. А. Ефремову (9 марта 1873 г.): «Вот еще стихи Лермонтова, списанные с подлинника»,—но сообщал при этом другой текст, в котором строка 4-я читается: «И ты, послушный им народ».

В 1890 г. тот же П. И. Бартенев поместил в «Русском архиве» (№ 11) третий текст, сопроводив его примечанием: «Записано со слов поэта современником» (4-я строка читается в нем: «И ты, им преданный народ»; 6-я — «Укроюсь от твоих пашей»). Такие образом, Бартенев отказался от публикации первых двух редакций, якобы «списанных с подлинника», в пользу третьей. Этой редакции, публикуемой в настоящем издании, отдано предпочтение ввиду того, что при чтении «царей» исчезает смысловая связь между первой и второй строфой: в России «пашами» называли жандармов, которые носили «голубые мундиры» (о них говорится в первой строфе); неоправдано и множественное число слова «царей». Не характерна для Лермонтова и неполноценная рифма («царей — ушей»). Что же касается чтения 4-й строки: «И ты, им преданный народ», то оно проходит через все списки (кроме сообщенного в письме П. И. Бартенева к П. А. Ефремову).

Соображения о том, что в тексте Лермонтова было слово «царей», замененное впоследствии словом «пашей» из опасения

---

[1] Примечание к этому стихотворению принадлежит редколлегии издания.

цензуры, отпадают, так как с точки зрения царской цензуры стихотворение было неприемлемо в целом и поправки подобного рода не делали его более приемлемым.

Впервые стихотворение напечатано в «Русской старине» (1887, № 12). В этой публикации строка 4-я читается: «И ты, им преданный народ», а строка 6-я — «Укроюсь от твоих вождей». (Последнее разночтение — искажение цензурного характера. Ясно, что в копии было: «царей».)

П. Висковатов, впервые опубликовавший это стихотворение, отнес его без всякой мотивировки к 1841 г. В издании сочинений Лермонтова, вышедшем в 1891 г., Висковатов снабдил стихотворение примечанием, источником которого послужил, по-видимому, лишь текст самого стихотворения. Из примечания следует, что оно написано «в досаде на некоторых недоброжелателей» поэта, не допустивших его добиться отставки в 1841 г. Однако эта дата не согласуется с основным смыслом стихотворения, ибо обращение к «немытой России» и написанное весною 1841 г. стихотворение «Родина» вряд ли могли быть созданы в течение одного месяца: слишком отчетлива разница в трактовке патриотической темы. Между тем стихотворение «Прощай, немытая Россия...» гораздо легче сближается с пафосом заключительной строфы «Смерти Поэта» и позволяет по-новому понять идейную эволюцию Лермонтова. В связи с этим стихотворение относится в нашем издании к 1837 г.— времени первой ссылки поэта.

«Спеша на север издалека...» (стр. 17)

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки. Впервые — в сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1).

Написано, по всем признакам, в конце 1837 г. на пути с Кавказа в Петербург, когда Лермонтов получил перевод по службе из Нижегородского в Гродненский полк, стоявший тогда в Новгороде.

1838

Кинжал (стр. 19)

Печатается по ОЗ (1841, № 6), где появилось впервые.

Судя по содержанию, написано, вероятно, после возвращения Лермонтова в Россию из первой ссылки (в начале 1838 г.).

Стихотворение находится на одном листе с автографом посвящения к поэме «Тамбовская казначейша».

В копии зачеркнуто первоначальное заглавие «Подарок» и заменено названием «Кинжал».

«Гляжу на будущность с боязнью . . .» (стр. 19)

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки. Впервые — в сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1).

Датируется началом 1838 г., так как находится на одном листе с автографом посвящения к поэме «Тамбовская казначейша», написанным, видимо, в начале этого года.

«Слышу ли голос твой . . .» (стр. 20)

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки. Впервые — в сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1).

Датируется 1838 г., так как находится на обороте листа с записью: «Я в Тифлисе...», относящейся к 1838 г. и представляющей собой набросок к «Тамани» (см. И. Л. Андроников, Лермонтов, М. 1951, стр. 204 и далее).

«Как небеса, твой взор блистает . . .» (стр. 20)

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки. Впервые — в «Библиографических записках» (1859, № 1).

Датируется началом 1838 г., так как находится на одном листе с черновым автографом последних строф поэмы «Тамбовская казначейша».

«Она поет — и звуки тают . . .» (стр. 21)

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки. Впервые — в «Библиографических записках» (1859, № 1).

Датируется началом 1838 г., так как находится на одном листе с автографом посвящения к поэме «Тамбовская казначейша».

Вид гор из степей Козлова (стр. 21)

Печатается по сборнику «Вчера и сегодня» (1846, кн. 2), где появилось впервые. Датируется 1838 г. на основании воспоминаний Л. И. Арнольди («Литературное наследство», т. 58, стр. 464).

Перевод одноименного стихотворения Мицкевича из цикла «Крымские сонеты», сделанный Лермонтовым на основе подстрочного перевода с польского (см. воспоминания Л. И. Арнольди). Возможно, что Лермонтов выбрал для перевода именно этот сонет потому, что на него обратил внимание Белинский в известной статье «Стихотворения Владимира Бенедиктова» (1835).

Козлов — старинное название Евпатории.

⟨К Н. И. Бухарову⟩ («Мы ждем тебя, спеши, Бухаров . . .») (стр. 22)

Печатается по автографу ЦГАЛИ. Впервые — в украинском литературном сборнике «Молодик на 1844 г.» (Спб. 1844).

Датируется 1838 г., так как в послании есть почти текстуальное совпадение со строками из стихотворения «<К портрету старого гусара>», тоже посвященного Бухарову и написанного в 1838 г. (см. стр. 316).

⟨А. Г. Хомутовой⟩ («Слепец, страданьем вдохновенный. . .») (стр. 22)

Печатается по украинскому литературному сборнику «Молодик на 1844 г.» (Спб. 1844), где опубликовано впервые. Автограф — в Берлинской Государственной библиотеке.

Анна Григорьевна *Хомутова* (1784—1856) — двоюродная сестра поэта И. И. Козлова (1779—1840). Встреча с Хомутовой в 1838 г. после двадцатилетней разлуки вдохновила Козлова, который был в это время уже тяжело болен и слеп, на стихотворение «К другу весны моей после долгой, долгой разлуки».

По словам современницы, Лермонтов узнал об их встрече «в это же время» «из оживленного рассказа самого поэта Козлова» и под впечатлением написал послание А. Г. Хомутовой («Русский архив», 1867, № 7).

Дума (стр. 23)

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1838 г. Впервые — в ОЗ (1839, № 2).

Строки: Перед опасностью позорно малодушны
И перед властию — презренные рабы... —

изъятые цензурой в журнальной публикации и в первом отдельном издании, восстанавливаются по «Библиографическим запискам» (1859, № 12) и изданию: «Стихотворения М. Ю. Лермонтова, не вошедшие в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862).

В «Думе», посвященной судьбам своего поколения, Лермонтов продолжил традицию политической поэзии декабристов. Стихотворение перекликается со знаменитым «Гражданином» Рылеева (1824). Само название лермонтовского стихотворения невольно ассоциировалось с рылеевскими думами. Вместе с тем названию стихотворения точно соответствует его характер — это действительно «дума», размышление, та самая «рефлексия», о которой писал Белинский как о характерной черте современного ему поколения.

Поэт («Отделкой золотой блистает мой кинжал...») (стр. 24)

Печатается по ОЗ (1839, № 3), где появилось впервые. В этом стихотворении Лермонтов, говоря о высоком гражданском назначении поэзии и поэта, пользуется образами и терминологией, широко распространенными в революционной поэзии того времени («кинжал», «вечевой колокол», «пророк», «клинок», «мщение»).

1839

«Ребенка милого рожденье...» (стр. 27)

Печатается по ОЗ (1843, № 12), где появилось впервые.

Датируется февралем 1839 г.; написано по поводу рождения сына (13 февраля 1839 г.) у друга и родственника Лермонтова — Алексея Александровича Лопухина и включено в текст поздравительного письма к нему от февраля — марта 1839 г. (см. т. 4 наст. издания).

Не верь себе (стр. 27)

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1839 г. Впервые — в ОЗ (1839, № 5).

Эпиграф взят из стихотворения французского поэта Огюста Барбье «Пролог», которым открывался его сборник «Ямбы». Однако поэт сделал существенное изменение в первом стихе:

вместо «Que me font» («Какое дело мне») — у Лермонтова «Que nous font» («Какое дело нам»).

В этом стихотворении Лермонтов выступает против поэтов, отгородившихся от действительной жизни и чуждых интересам общества. Их поэзия, основанная на ложном вдохновении и ограниченная собственными переживаниями, не имеет ничего общего с истинным искусством.

Три пальмы (стр. 29)

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1839 г. Впервые — в ОЗ (1839, № 8).

По словам Белинского, относится к группе стихотворений, где «личность поэта исчезает за роскошными видениями явлений жизни». «Пластицизм и рельефность образов, выпуклость форм и яркий блеск восточных красок — сливают в этой пьесе поэзию с живописью: это картина Брюллова, смотря на которую хочешь еще и осязать ее» (Белинский, т. IV, стр. 534).

Стихотворение аллегорично.

Отрывки из него были взяты Н. А. Добролюбовым в качестве эпиграфа и заключения к одному из разделов статьи «Темное царство», характеризующей трагическое положение личности в темном царстве произвола и угнетения.

Молитва («В минуту жизни трудную . . .») (стр. 30)

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1839 г. Впервые — в ОЗ (1839, № 11).

Дары Терека (стр. 31)

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1839 г. Впервые — в ОЗ (1839, № 12).

В стихотворении отразилось знакомство Лермонтова с песнями живущих на Тереке гребенских казаков.

Памяти А. И. О⟨доевско⟩го (стр. 33)

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1839 г. Впервые — в ОЗ (1839, № 12).

Посвящено памяти поэта-декабриста Александра Ивановича Одоевского (1802—1839), автора знаменитого стихотворения «Струн вещих пламенные звуки...», написанного в ответ на «Послание в Сибирь» Пушкина. (Строки из стихотворения Одоевского — «Из искры возгорится пламя» — были взяты эпиграфом к большевистской газете «Искра».)

В 1837 г. А. И. Одоевский был переведен из Сибири на Кавказ рядовым солдатом Нижегородского драгунского полка, где встретился и подружился с Лермонтовым. А. И. Одоевский умер 15 августа 1839 г. от лихорадки, находясь в действующей армии на берегу Черного моря.

«На буйном пиршестве задумчив он сидел . . .» (стр. 35)

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки с воспроизведением последней, зачеркнутой автором строфы, без которой стихотворение не существует как художественное целое. Впервые две начальные строфы напечатаны в «Современнике» (1854, № 1); полностью (с зачеркнутой строфой) — там же (1857, № 10).

Датируется 1839 г., так как написано на одном листе с окончанием стихотворения «Памяти А. И. О<доевско>го».

Связано с рассказом французского писателя Лагарпа «Пророчество Казота» (опубликован в 1806 г.). Ж. Казот — французский писатель-монархист, казненный в 1792 г. Лагарп рассказывает, что на обеде у одного знатного вельможи Казот якобы предсказал в 1788 г. Французскую революцию и казнь на гильотине присутствующих на пире гостей, в том числе и собственную судьбу.

Следуя легенде Лагарпа, Лермонтов создал злободневное политическое стихотворение. В конце 1839 г. в связи с неурожаем усилилась волна крестьянских восстаний. В «нравственно-политическом отчете» Николаю I за этот год шеф жандармов Бенкендорф писал, что «Россия представляла в продолжение целого лета ряд происшествий, дотоле беспримерных». «В народе толкуют... что всему злу причиной господа, т. е. дворяне!.. Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством...» («Крестьянское движение 1827—1869 годов. Подготовил к печати Е. А. Мороховец». Вып. I, Соцэкгиз, 1931, стр. 36, 31).

По своему настроению стихотворение близко к юношескому «Предсказанию» 1830 г. (стр. 151).

1840

«Как часто, пестрою толпою окружен...» (стр. 36)

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1840 г. Впервые — в ОЗ (1840, № 1).

Дата «1 января» перед текстом стихотворения позволяет считать, что Лермонтов подчеркивает его связь с новогодним маскарадным балом в дворянском собрании. И. С. Тургенев вспоминал, что Лермонтову, присутствовавшему на этом балу, «не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества» (И. С. Тургенев, Собр. соч., М. 1956, т. 10, стр. 331).

Стихотворение звучало особенно остро еще и потому, что на балу присутствовали члены царской семьи.

И скучно и грустно (стр. 37)

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1840 г. Впервые — в «Литературной газете» (1840, № 6).

Стихотворение выражало настроение передовых людей 30-х годов прошлого века — периода политической реакции. Белинский об этом стихотворении писал, что это «потрясающий душу реквием всех надежд, всех чувств человеческих, всех обаяний жизни!.. Тот, кто не раз слышал внутри себя ее могильный напев, а в ней увидел только художественное выражение давно знакомого ему ужасного чувства, тот припишет ей слишком глубокое значение, слишком высокую цену, даст ей почетное место между величайшими созданиями поэзии...» (Белинский, т. IV, стр. 525—526).

Казачья колыбельная песня (стр. 38)

Печатается по сборнику 1840 г., где датирована 1840 г. Впервые — в ОЗ (1840, № 2).

Стихотворение близко по содержанию и стилю к песням гребенских казаков. Сохранилось предание, что Лермонтов написал это стихотворение в станице Червленной, на Тереке, услышав, как молодая казачка напевала песню над колыбелью ребенка (см. Л. П. Семенов, Лермонтов на Кавказе, Пятигорск, 1939, стр. 132—133).

⟨М. А. Щербатовой⟩ («На светские цепи . . .») (стр. 39)

Печатается по автографу ЦГАЛИ. Впервые — в ОЗ (1842, № 1), где датировано 1840 г.

Обращено к княгине Марии Алексеевне Щербатовой (урожденной Штерич). М. И. Глинка вспоминал, что М. А. Щербатова, «молодая вдова, была прелестна. хотя не красавица, была видная, статная и чрезвычайно увлекательная женщина» (М. И. Глинка, Литературное наследие, М. — Л. 1952, т. I, стр. 192).

А. И. Тургенев, знакомый Лермонтова, встретив Щербатову в Москве 10 мая 1840 г., записал в дневнике: «Был у кн. Щер<батовой>. Сквозь слезы смеется. Любит Лермонт<ова>» («Литературное наследство», тт. 45—46, стр. 420).

Родственник поэта М. Н. Лонгинов назвал это стихотворение Лермонтова «вдохновенным портретом нежно любимой им женщины».

«Есть речи — значенье . . .» (стр. 40)

Печатается по ОЗ (1841, № 1), где появилось впервые.

Датируется 1840 г., так как цензурное разрешение на выпуск в свет № 1 «Отеч. зап.» получено 1 января 1841 г. После смерти Лермонтова в сборнике «Вчера и сегодня» (1846, кн. 2) появилась другая редакция стихотворения (судя по всему более ранняя) под заглавием «Волшебные звуки».

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.
Как полны их звуки
Тоскою желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья...
Их кратким приветом,
Едва он домчится,
Как божиим светом,
Душа озарится.
Средь шума мирского
И где я ни буду,
Я сердцем то слово
Узнаю повсюду;
Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу
И брошусь из битвы

Ему я навстречу.
Надежды в них дышат,
И жизнь в них играет, —
Их многие слышат,
Один понимает,
Лишь сердца родного
Коснутся в дни муки
Волшебного слова
Целебные звуки,
Душа их с моленьем,
Как ангела, встретит,
И долгим биеньем
Им сердце ответит.

Соседка («Не дождаться мне, видно, свободы . . .») (стр. 41)

Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые — в ОЗ (1842, № 2).

Датируется мартом — апрелем 1840 г., на основании воспоминаний А. П. Шан-Гирея, который указывал, что Лермонтов писал это стихотворение в ордонанс-гаузе, где он сидел под арестом за дуэль с де Барантом («Русское обозрение», 1890, № 8, стр. 749).

Пленный рыцарь (стр. 42)

Печатается по ОЗ (1841, № 8), где опубликовано впервые.

Датируется по содержанию предположительно мартом — апрелем 1840 г., когда Лермонтов находился под арестом за дуэль с де Барантом.

Журналист, читатель и писатель (стр. 43)

Печатается по сборнику 1840 г. Впервые — в ОЗ (1840, № 4). На копии помета рукою В. А. Соллогуба: «С.-Петербург, 20 марта 1840. Под арестом, на Арсенальной гауптвахте».

Эпиграф — прозаический перевод двустишия Гете, из его «Изречений в стихах» («Sprüche in Reimen»).

Подобно «Разговору книгопродавца с поэтом» Пушкина, стихотворение построено как драматическая сцена, характеризующая сложность положения писателя в современных Лермонтову общественных условиях. В словах читателя и писателя выражены размышления, близкие самому Лермонтову. Сатирически очерченный образ журналиста сходен с обликом Н. А. Полевого, превратившегося в 30-е годы в беспринципного официозного критика.

В «Отечественных записках» и в стихотворениях 1840 г. в третьей реплике читателя строка «Живое *свежее* творенье» печаталась: «Живое *светлое* творенье». В последних изданиях исправляется по беловому автографу Лермонтова.

⟨М. П. Соломирской⟩ («Над бездной адскою блуждая...») (стр. 48)

Печатается по ОЗ (1842, № 10), где опубликовано впервые.

Находясь под арестом за дуэль с де Барантом, Лермонтов получил от Марии Петровны Соломирской, увлеченной его поэзией, записку без подписи.

Стихотворение написано, очевидно, вскоре после освобождения из-под ареста, поэтому датируется предположительно весной 1840 г.

Воздушный корабль (стр. 48)

Печатается по сборнику 1840 г. Впервые — в ОЗ (1840, № 5).

Датируется мартом 1840 г. В. Г. Белинский, навестивший Лермонтова, когда тот находился под арестом за дуэль с де Барантом, писал В. П. Боткину 15 марта 1840 г., что Лермонтов «переводит Зейдлица» (Белинский, т. XI, стр. 496).

Стихотворение представляет переделку баллады австрийского поэта-романтика И. Х. Цедлица «Das Geisterschiff» («Корабль призраков»). Написано в связи с решением французского правительства о перенесении праха Наполеона с острова св. Елены в Париж.

Отчего (стр. 51)

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1840 г. Впервые — в ОЗ (1840, № 6).

Благодарность (стр. 51)

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1840 г. Впервые — в ОЗ (1840, № 6).

В этом стихотворении Лермонтов обращается к богу. В сборнике 1840 г. в местоимении «ты» было строчное «т», благодаря чему стихотворение воспринималось как обращение к женщине и не привлекло внимания цензуры. Стихотворение полемично по отношению к религиозно-сентиментальному стихотворению В. И. Красова «Молитва» (напечатано в 12-й книжке «Оте-

чественных записок» 1839 г.), которое заканчивалось словами: «Благодарю, творец, за все благодарю» (см. статью Б. Бухштаба «Благодарность» в «Литературном наследстве», т. 58, стр. 406—409).

Из Гете (стр. 51)

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1840 г. Впервые — в ОЗ (1840, № 7).

Вольный перевод стихотворения Гете «Ночная песнь странника»: «Wanderers Nachtlied» («Über allen Gipfeln...»).

Ребенку (стр. 51)

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1840 г. Впервые — в ОЗ (1840, № 9).

Биографы относят стихотворение к дочери В. А. Лопухиной-Бахметевой, несмотря на то, что речь здесь идет о мальчике. Выражая свои настроения и чувства, Лермонтов не стремился к точному биографическому соответствию, тем более что данное стихотворение предназначалось для печати.

А. О. Смирновой (стр. 52)

Печатается по ОЗ (1840, № 10), где появилось впервые. Датировано 1840 г. по времени опубликования.

Александра Осиповна Смирнова-Россет (1809—1882) была в дружеских отношениях с Пушкиным, Гоголем, Жуковским. Лермонтов во время непродолжительного пребывания в Петербурге в 1840—1841 гг. часто посещал ее литературный салон, а также встречался с нею в доме своих друзей Карамзиных. Написано в альбом А. О. Смирновой (ИРЛИ). В рукописи текст стихотворения имеет еще одну (первую) строфу:

В простосердечии невежды
Короче знать вас я желал,
Но эти сладкие надежды
Теперь я вовсе потерял.

К портрету (стр. 53)

Печатается по ОЗ (1840, № 12), где появилось впервые.

Посвящено известной петербургской красавице графине А. К. Воронцовой-Дашковой (1818—1856). В 1840 г. она получила из Парижа свой портрет, гравированный Греведоном.

Тучи (стр. 53)

Печатается по сборнику 1840 г., где появилось впервые, — на последней странице, с датой: «Апрель 1840». По свидетельству В. А. Соллогуба, написано в день отъезда в ссылку на Кавказ, в доме Карамзиных, где собрались друзья, чтобы проститься с поэтом.

⟨Валерик⟩ («Я к вам пишу случайно; право...») (стр. 54)

Печатается по черновому автографу ЛБ. Впервые — в альманахе «Утренняя заря на 1843 г.» (Спб. 1843), с рядом неточностей и пропусков, с заголовком «Валерик». В черновом автографе заглавия нет. В списке, принадлежавшем Ю. Ф. Самарину и с его пометой «Подарено автором», — заголовок «Валерик». Оттуда и взято название стихотворения.

Датируется летом 1840 г.; в стихотворении описано сражение 11 июля 1840 г., в котором принимал участие Лермонтов, находясь в составе отряда генерала Галафеева во время похода в Чечню.

Сохранился «Журнал военных действий» отряда генерала Галафеева (ИРЛИ), свидетельствующий о точности лермонтовского описания похода. В «Журнале» сообщается об «отменном мужестве», хладнокровии и храбрости Лермонтова, представленного за бой при Валерике к награде. Николай I не утвердил это представление.

Валерик — приток реки Сунжи, впадающей в Терек.

Завещание («Наедине с тобою, брат...») (стр. 60)

Печатается по ОЗ (1841, № 2), где появилось впервые.

Датируется предположительно концом 1840 г., когда Лермонтов участвовал в походах в Большую и Малую Чечню.

1841

Оправдание (стр. 62)

Печатается по ОЗ (1841, № 3), где появилось впервые.

Датируется началом 1841 г. по времени опубликования.

В «Отечественных записках» слово «иной» (в строке «Скажи, что судит нас иной») согласно правописанию того времени начиналось с прописной буквы.

Родина (стр. 63)

Печатается по ОЗ (1841, № 4), где появилось впервые.

Первоначальное заглавие (в автографе ИРЛИ) — «Отчизна».

В. Г. Белинский 13 марта 1841 г. писал В. П. Боткину: «Лермонтов еще в Пигере. Если будет напечатана его «Родина» — то, аллах-керим, — что за вещь — пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских» (Белинский, т. XII, стр. 35).

Демократические симпатии, выраженные в этом стихотворении, позволили Н. А. Добролюбову в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858) сделать важнейший вывод об эволюции лермонтовского творчества: «Лермонтов... умевши рано постичь недостатки современного общества, умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе. Доказательством служит его удивительное стихотворение «Родина», в котором он... понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно». (Добролюбов, т. I, стр. 238).

Последнее новоселье (стр. 63)

Печатается по ОЗ (1841, № 5), где появилось впервые. Датируется 1841 г. по времени опубликования.

Написано в связи с перенесением останков Наполеона с острова св. Елены в Париж, 15 декабря 1840 г.

Из славы сделал ты игрушку лицемерья,// Из вольности — орудье палача. — Лермонтов, как и декабристы, считал, что террор якобинцев погубил завоевания Французской революции. Наполеон казался ему спасителем революции от диктатуры якобинцев («Ты погибал... и *он* явился, с строгим взором...»).

Вы сына выдали врагам. — Сын Наполеона I и Марии-Луизы — Наполеон II после падения Наполеона (в 1814 г.) был привезен в Австрию. В 1832 г. он умер от чахотки в возрасте двадцати одного года.

В большинстве изданий, начиная с «Отечественных записок», слова, относящиеся к Наполеону, печатаются с прописных букв («Он», «перед Ним», «Его», «Столица», «Скала», «Океан»). В настоящем издании такое написание не воспроизводится.

Любовь мертвеца (стр. 65)

Печатается по авторизованной копии ИРЛИ. Впервые — в альманахе «Утренняя заря на 1842 г.» (Спб. 1842).

Датируется весной 1841 г. по положению чернового автографа в альбоме Лермонтова (ГПБ) — между «Последним новосельем» и предисловием ко второму изданию «Героя нашего времени».

⟨Из альбома С. Н. Карамзиной⟩ («Любил и я в былые годы . . .») (стр. 67)

Печатается по фотокопии с автографа, хранящейся в ИРЛИ (автограф утрачен). Впервые без последней строфы — в сборнике «Русская беседа» (1841, т. 2), полностью — в «Русском библиофиле» (1916, № 6).

Датируется предположительно по содержанию началом 1841 г.

Софья Николаевна *Карамзина* (1802—1865) — старшая дочь писателя и историка Николая Михайловича Карамзина. Лермонтов во время своих приездов в Петербург часто посещал Карамзиных и подружился с С. Н. Карамзиной, «умной и вдохновенной руководительницей и душой... гостеприимного салона» (А. Ф. Тютчева, При дворе двух императоров, 1828, стр. 71). Здесь он встречал друзей Пушкина — В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, В. Ф. Одоевского, А. И. Тургенева и других выдающихся литераторов своего времени.

Это альбомное стихотворение, написанное в интимном тоне и заключающееся шуткой, представляет своеобразную литературную декларацию; Лермонтов заявляет здесь об отказе от романтического метода творчества и своем переходе к методу реалистического изображения жизни; оно, очевидно, связано со спорами, которые велись в салоне.

Смирнова А. О. — см. прим. к стихотворению «А. О. Смирновой» на стр. 354.

Саша — Александр Николаевич Карамзин, сын историка.

Ишка Мятлев — И. П. Мятлев — поэт (см. прим. к стихотворению «И. П. Мятлеву» на стр. 396).

⟨Графине Ростопчиной⟩ («Я верю: под одной звездою . . .») (стр. 67)

Печатается по сборнику «Русская беседа» (Спб. 1841, т. 2), где опубликовано впервые.

Датируется апрелем 1841 г. на основании воспоминаний Евдокии Петровны Ростопчиной (урожденная Сушкова, 1811—1858) («Стихотворения графини Ростопчиной», изд. 2-е, Спб. 1857, т. 2, стр. 85).

Лермонтов был знаком с Ростопчиной, известной поэтессой, еще в годы ранней молодости, когда она разделяла взгляды передовой молодежи и писала стихи к сосланным декабристам. Во время последнего приезда в Петербург поэт почти ежедневно встречался с Ростопчиной; уезжая на Кавказ в середине апреля 1841 г., он подарил ей альбом, в который вписал стихотворение «Я верю: под одной звездою...»

Договор (стр. 68)

Печатается по копии ИРЛИ. Впервые — в ОЗ (1842, № 3). Переработка юношеского стихотворения «Прелестнице» (стр. 267).

Датируется предположительно 1841 г.

«На севере диком стоит одиноко . . .» (стр. 69)

Печатается по копии ИРЛИ. Впервые — в ОЗ (1842, № 1) под заглавием «Сосна» и с датой «1840». Однако стихотворение датируется весной 1841 г., так как черновой автограф его находится в альбоме Лермонтова (ГПБ) среди записей 1841 г.

Перевод стихотворения Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam» из «Книги песен». Первоначальная редакция перевода (автограф ГПБ) ближе к подлиннику и значительно отличается от окончательного текста:

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf Kahler Höh.
Heine.

На хладной и голой вершине
Стоит одиноко сосна
И дремлет... под снегом сыпучим,
Качаяся, дремлет она.

Ей снится прекрасная пальма
В далекой восточной земле,
Растущая тихо и грустно
На жаркой песчаной скале.

Утес (стр. 69)

Печатается по беловому автографу из записной книжки Одоевского. Впервые — в ОЗ (1843, № 4).

В рецензии «Стихотворения М. Лермонтова» (1844) Белинский

писал: «Сон», «Тамара», «Утес», «Выхожу один я на дорогу», «Морская царевна», «Из-под таинственной холодной полумаски», «Дубовый листок оторвался от ветки родимой», «Нет, не тебя так пылко я люблю», «Не плачь, не плачь, мое дитя», «Пророк», «Свидание» — одиннадцать пьес, все высокого, хотя не равного, достоинства, потому что «Тамара», «Выхожу один я на дорогу» и «Пророк» даже и между сочинениями Лермонтова принадлежат к блестящим исключениям...» (Белинский, т. VIII, стр. 339).

Спор (стр. 69)

Печатается по беловому автографу ЛБ. Впервые — в «Москвитянине» (1841, № 6).

Датируется апрелем 1841 г. на основании свидетельства Ю. Ф. Самарина в письме к И. С. Гагарину от 3 августа 1841 г. и его записи в дневнике 1841 г. (см. Ю. Ф. Самарин, Сочинения, М. 1911, т. 12, стр. 55—57).

Еще один автограф этого стихотворения имеется в записной книжке Одоевского. На обороте предшествующего листа написано: «Восток». И. Л. Андроников высказал предположение, что «Спор», «Тамара» и «Свидание», автографы которых следуют далее в альбоме, должны были войти в цикл стихотворений, посвященных Востоку.

Стихотворение явилось как бы ответом Лермонтова на споры, которые велись в это время по вопросу об исторической роли России, об отношении России к Востоку и Западу. В стихотворении в аллегорической форме говорится о победах русской армии на Кавказе.

Сон («В полдневный жар в долине Дагестана...») (стр. 72)

Печатается по автографу из записной книжки Одоевского. Впервые — в ОЗ (1843, № 4).

Возможно, что стихотворение навеяно песней терских казаков «Ох, не отстать-то тоске-кручинушке», в которой рассказывается, как казак видит себя во сне убитым, лежащим с простреленным сердцем.

(«Они любили друг друга так долго и нежно...») (стр. 73)

Печатается по беловому автографу из записной книжки Одоевского. Впервые — в ОЗ (1843, № 12).

Вольный перевод стихотворения Гейне «Sie liebten sich beide» из «Книги песен».

Лермонтов изменил концовку стихотворения Гейне: у Гейне влюбленные не знают о смерти друг друга, у Лермонтова — они встречаются в загробной жизни, но друг друга не узнают.

В той же записной книжке имеется другая редакция перевода:

Они любили друг друга так нежно,
С тоской глубокой и страстью мятежной!
Но как враги опасалися встречи,
И были пусты и хладны их речи.

Они расстались в безмолвном страданье
И милый образ во сне лишь видали.
Но смерть пришла, им настало свиданье...
И что ж? Друг друга они не узнали.

Тамара (стр. 73)

Печатается по беловому автографу из записной книжки Одоевского. Впервые — в ОЗ (1843, № 4).

В основу этой баллады положена грузинская легенда о царице Дарье. Очевидно, Лермонтов слышал вариант этой легенды, в котором имя Дарьи заменено именем царицы Тамары, героини многих грузинских сказаний.

Свиданье (стр. 75)

Печатается по автографу из записной книжки Одоевского. Впервые — в ОЗ (1844, № 2).

Листок (стр. 77)

Печатается по беловому автографу из записной книжки Одоевского. Впервые — в ОЗ (1843, № 6).

Образ листка, гонимого бурей, является здесь символом изгнанника. Этот образ был распространен в поэзии XIX века.

«Нет, не тебя так пылко я люблю. . .» (стр. 78)

Печатается по беловому автографу из записной книжки Одоевского. Впервые — в ОЗ (1843, № 6).

По предположению, высказанному В. И. Масальским (см. Лермонтов, Избранные произведения, «Московский рабочий», 1949, стр. 492), стихотворение обращено, по-видимому, к дальней родственнице поэта, Екатерине Григорьевне Быховец.

Это же предположение выдвигает В. В. Баранов (Ученые записки Калужского педагогического института, вып. IV, 1957, стр. 182—192).

«Выхожу один я на дорогу...» (стр. 79)

Печатается по автографу из записной книжки Одоевского. Впервые — в ОЗ (1843, № 4).

Морская царевна (стр. 79)

Печатается по автографу из записной книжки Одоевского. Впервые — в ОЗ (1843, № 5).

Пророк (стр. 81)

Печатается по беловому автографу из записной книжки Одоевского. Впервые — в ОЗ (1844, № 2).

Развивая тему стихотворения Пушкина «Пророк» о великом назначении поэзии и поэта, Лермонтов пишет о трагическом разрыве, конфликте между обществом и передовой личностью, провозглашающей «любви и правды чистые ученья».

СТИХОТВОРЕНИЯ 1828–1836

1828

Осень (стр. 85)

Стихотворение сохранилось неполностью: следующий лист тетради вырван

Заблуждение Купидона (стр. 85)

Стихотворение относится к числу ученических упражнений на заданную тему. Поэтические опыты «в древнем роде» (см. ниже «Цевница», «Пир», «Пан»), очевидно, связаны с уроками А. Ф. Мерзлякова, преподававшего Лермонтову литературу.

Поэт (стр. 86)

Печатается по автографу ГПБ (в письме Лермонтова к М. А. Шан-Гирей от декабря 1828 г. — см. т. 4 наст. издания).

1829

К П . . . . . ну («Забудь, любезный П⟨етерсо⟩н . . .») (стр. 88)

Печатается по тетради А. С. Солоницкого.

Обращено к Дмитрию Васильевичу Петерсону, учившемуся в Университетском благородном пансионе в одном классе с Лермонтовым.

Лермонтов зашифровывал имена адресатов своих стихотворений согласно поэтической традиции XIX века. Поэтому в заглавиях стихотворений имена не раскрываются, кроме случаев, когда зашифровка вызвана условиями цензуры.

К Д . . . . ву («Я пробегал страны России . . .») (стр. 88)

Печатается по тетради А. С. Солоницкого.

Обращено к Дмитрию Дмитриевичу Дурнову, товарищу Лермонтова по Университетскому благородному пансиону.

Стихотворение является подражанием посланию Рылеева к А. А. Бестужеву (посвящение к поэме «Войнаровский»).

Посвящение. N. N. («Вот, друг, плоды моей небрежной музы!») (стр. 89)

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «При случае ссоры с Сабуровым». Обращено к товарищу Лермонтова по Университетскому благородному пансиону Михаилу Ивановичу Сабурову.

Этим стихотворением открывается тетрадь (II), озаглавленная Лермонтовым «Мелкие стихотворения. Москва в 1829 г.», в которую поэт собрал стихотворения 1828—1829 гг.

Пир (стр. 89)

В автографе — позднейшая помета Лермонтова «К Сабурову. (Как он не понимал моего пылкого сердца?)» — см. прим. к предыдущему стихотворению.

Веселый час (стр. 90)

В литературе о Лермонтове высказано предположение, что стихотворение написано в связи с известием об осуждении французского поэта Пьера-Жана Беранже, приговоренного к тюремному заключению за его сатирические песни (см. статью Н. Любович в «Литературном наследстве», № 58, стр. 373).

Романс («Коварной жизнью недовольный...» (стр. 92)

Написан, очевидно, в связи с отъездом в Италию в феврале 1829 г. С. П. Шевырева. С. П. Шевырев (позднее — реакционный критик «Москвитянина») был в то время сотрудником журнала «Московский вестник» и подвергался резким нападкам Ф. Булгарина. Об отъезде Шевырева Лермонтов мог узнать от участника этого журнала С. Е. Раича (см. прим. к стихотворению «Русская мелодия», стр. 363—364).

Портреты. 1—6 (стр. 92)

Первое стихотворение печатается по автографу в тетради II (поздняя редакция), где оно озаглавлено «Портрет». Остальные — по автографу в тетради А. С. Солоницкого.

Во II тетради позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Этот портрет был доставлен одной девушке: она в нем думала узнать меня: вот за какого эгоиста принимают обыкновенно поэта». Во втором «портрете», возможно, изображен И. Р. Грузинов, бездарный поэт, пансионский товарищ Лермонтова. Очевидно, и в других «портретах» даны эпиграммы на товарищей Лермонтова по пансиону.

К Гению (стр. 94)

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Напоминание о том, что было в ефремовской деревне в 1827 году — где я во второй раз полюбил 12 лет — и поныне люблю». Ефремовская деревня — имение отца Лермонтова (Кропотовка, в Ефремовском уезде Тульской губ.).

Письмо (стр. 97)

В автографе — позднейшая помета Лермонтова: «Это вздор». По всей вероятности, это означает, что стихотворение представляет собой художественный вымысел, не связанный с каким-либо биографическим фактом.

Война (стр. 99)

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «В пансионе». Стихотворение написано в связи с началом действий русских войск на Балканах в 1829 г.

Русская мелодия (стр. 99)

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова: «Эту пьесу подавал за свою Раичу Дурнов — друг, которого поныне

люблю и уважаю за его открытую и добрую душу — он мой первый и последний». Семен Егорович Раич (1792—1855) — поэт и переводчик, издатель журнала «Галатея» — преподавал в Университетском благородном пансионе и руководил пансионским литературным кружком, в котором принимал участие Лермонтов.

К... («Не привлекай меня красой!») (стр. 100)

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова: «(А. С.) (Хотя я тогда этого не думал)».

А. С. — Анна Григорьевна Столыпина, двоюродная сестра матери Лермонтова, сверстница поэта.

Романс («Невинный нежною душою...») (стр. 100)

В автографе — позднейшая помета Лермонтова в скобках «Дурнову» (см. прим. к стихотворениям «К Д....ву», стр. 362, и «Русская мелодия», стр. 363).

Три ведьмы (стр. 101)

Перевод отрывка из трагедии Шекспира «Макбет» (I акт, 4 явление) в переделке Шиллера.

К Нине (стр. 102)

Перевод стихотворения Шиллера «An Emma» («К Эмме», 1796).

К N. N. («Ты не хотел! но скоро волю рока...») (стр. 103)

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «К Сабурову — наша дружба смешана с столькими разрывами и сплетнями — что воспоминания об ней совсем невеселы. Этот человек имеет женский характер. Я сам не знаю, отчего так дорожил им» (см. прим. к стихотворению «Посвящение. N. N.», стр. 362).

Наполеон («Где бьет волна о брег высокой...») (стр. 103)

Стихотворение открывает цикл, посвященный Наполеону. Образ Наполеона в юношеской лирике Лермонтова освещается двояко. В стихотворениях «Поле Бородина», «Два великана» Лермонтов показывает бессилие Наполеона перед русским на-

родом, отстаивающим свою независимость. В ряде других стихотворений Лермонтов стремится объяснить причины величия и могущества Наполеона. Имя Наполеона у Лермонтова было тесно связано с темой революции и свободы (см. стихотворения: «Наполеон (Дума)» (1830), «Эпитафия Наполеона» (1830), «Св. Елена» (1831), «Воздушный корабль» (1840), «Последнее новоселье» (1841).

Пан (стр. 105)

В автографе — позднейшая помета Лермонтова в скобках: «В Середникове».

Середниково — подмосковное имение брата бабушки Лермонтова Е. А. Арсеньевой, Дмитрия Алексеевича Столыпина.

Жалобы турка (стр. 106)

Политический смысл стихотворения замаскирован заглавием. Прием иносказания был обычен для передовой русской литературы того времени (ср. Пушкин «К Лицинию», Рылеев «К временщику», Полежаев «Песнь пленного ирокезца», Ф. Глинка «Плач плененных иудеев» и др.).

К N. N.*** («Не играй моей тоской . . .») (стр. 108)

И. Л. Андроников предполагает, что стихотворение обращено к Михаилу Сабурову, к которому относятся «Посвящение. N. N» и «К N. N.», находящиеся в одной тетради с настоящим стихотворением («Мелкие стихотворения. Москва в 1829 г.»).

Грузинская песня (стр. 109)

В автографе — приписка в скобках: «Слышано мною что-то подобное на Кавказе». Первый у Лермонтова опыт подражания народной песне.

Мой демон (стр. 110)

Написано одновременно с началом работы Лермонтова над поэмой «Демон».

Лермонтов развивает образ, намеченный Пушкиным в стихотворении «Демон» (1828); у Пушкина Лермонтов взял и самое название (первоначально пушкинское стихотворение было напечатано под заглавием «Мой демон»). В 1831 г. Лермонтов переработал это стихотворение (см. «Мой демон», стр. 251).

К другу («Взлелеянный на лоне вдохновенья...»)
(стр. 111)

Первоначальное заглавие «Эпилог (к Д....ву)», то есть к Дурнову (см. о нем стр. 362 и 363).

Монолог (стр. 113)

В этом отроческом стихотворении намечена развернутая позднее в «Думе» тема трагической судьбы лермонтовского поколения — передовых русских людей, вступивших в жизнь после разгрома декабрьского восстания 1825 г.

Встреча (стр. 113)

Перевод двух первых строф стихотворения Шиллера «Eine Begegnung» (1797). Размер и строфика оригинала (октавы) сохранены, но в тексте много отступлений и неточностей. Как и предыдущие переводы, это — ученическое упражнение.

Баллада («Над морем красавица дева сидит...»)
(стр. 114)

Подражание балладам Шиллера: «Der Taucher» («Водолаз») — в известном переводе Жуковского («Кубок») — и «Der Handschuh» («Перчатка»).

Перчатка (стр. 115)

Перевод баллады Шиллера «Der Handschuh» с пропуском одиннадцати стихов оригинала. Стихотворение интересно как одна из первых в русской поэзии попыток в области чисто тонического стиха.

Дитя в люльке (стр. 117)

Перевод стихотворения Шиллера «Das Kind in der Wiege» (1796).

К* («Делись со мною тем, что знаешь...») (стр. 117)

Вольный перевод стихотворения Шиллера «An*». («Teile mit mir, was du weisst...», 1796.)

1830

Кавказ (стр. 119)

Датируется весной 1830 г., так как находится в одной тетради с поэмой «Джюлио», имеющей дату: «(1830 года. Великим постом и после)». Датировка подтверждается строкою: «Пять лет пронеслось: все тоскую по вас». На Кавказе Лермонтов был летом 1825 г. В заметке 1830 г. Лермонтов писал: «Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду?» (см. т. 4 наст. издания).

Н. Ф. И....вой (стр. 121)

Обращено к Наталии Федоровне Ивановой (1813—1875), дочери московского драматурга Ф. Ф. Иванова. История отношений Лермонтова с Н. Ф. Ивановой отразилась в цикле стихотворений 1830—1832 гг. и в юношеской драме «Странный человек» (см. И. Л. Андроников, Лермонтов, 1951, стр. 5 и далее).

«Ты помнишь ли, как мы с тобою...» (стр. 122)

Печатается по ОЗ (1842, № 3), где было опубликовано впервые.

Вольный перевод стихотворения английского поэта-романтика Томаса Мура (1779—1852) «Вечерний выстрел».

Датируется 1830 г. на основании свидетельства В. С. Межевича, который писал, что в одном из рукописных журналов, издаваемых воспитанниками Московского университетского пансиона, находился перевод Лермонтова из Томаса Мура под названием «Выстрел» («Северная пчела», 1840, № 284, стр. 1134—1135). Лермонтовский перевод очень близок к прозаическому переводу, помещенному в журнале «Атеней» (1829, ч. 3).

Весна (стр. 123)

Печатается по копии XX тетради, представляющей более позднюю редакцию по сравнению с текстом, опубликованным в 1830 г. в «Атенее» (ч. 4) за подписью «L».

Это — первое стихотворение Лермонтова, появившееся в печати. Посвящено Екатерине Александровне Сушковой. Лермонтов посвятил Сушковой целый ряд стихотворений: «Нищий»,

«Стансы», «Свершилось! Полно ожидать...», «Итак, прощай! Впервые этот звук...» (см. о ней в предисловии Ю. Г. Оксмана к «Запискам» Сушковой).

Ночь. I («Я зрел во сне, что будто умер я . . .») (стр. 123)

Стихотворение написано под впечатлением чтения Байрона («The Dream», «Darkness» — «Сон», «Мрак»). Е. А. Сушкова, описывая лето 1830 г., вспоминает, что Лермонтов «был неразлучен с огромным Байроном».

Разлука (стр. 125)

Высказывалось предположение, что стихотворение обращено к М. Сабурову (см. соч. изд. «Огонек», т. I, стр. 364).

Незабудка (стр. 128)

Переделка стихотворения немецкого поэта Августа Платена (1796—1835) «Vergissmeinnicht» («Незабудка»).

В альбом («Нет! — я не требую вниманья . . .») (стр. 131)

Стихотворение навеяно произведением Байрона «Lines written in an Album at Malta» («Строки, написанные в альбом на Мальте»). В 1836 г. Лермонтов переработал это стихотворение (см. «В альбом. Из Байрона», стр. 299), приблизив его к оригиналу.

К глупой красавице («Тобой пленяться издали. . .») (стр. 135)

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Меня спрашивали, зачем я не говорю с одной девушкой, а только смотрю...»

Крест на скале (стр. 137)

Печатается по копии ИРЛИ.

Датируется предположительно 1830 г., когда Лермонтов познакомился с семейством Сушковых. В копии стихотворения — надпись: «M-lle Souschkoff». Биограф Лермонтова П. А. Висковатов предполагал, что оно адресовано Е. П. Сушковой, впоследствии Ростопчиной.

«Оставленная пустынь предо мной...» (стр. 141)

В автографе пометы Лермонтова в скобках: «В Воскресенске». «Написано на стенах [пустыни] жилища Никона», «1830 года». Перед второй частью стихотворения — помета тоже в скобках: «Там же в монастыре».

Монастырь в Воскресенске (ныне г Истра) назывался «Новый Иерусалим» и был основан патриархом Никоном

Ночь. III («Темно. Все спит. Лишь только жук ночной...») (стр. 143)

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Сидя в Середникове у окна».

Farewell (стр. 144)

Перевод стихотворения Байрона «Farewell! if ever fondest prayer», очень близкий к подлиннику.

Элегия («Дробись, дробись, волна ночная...») (стр. 144)

В центре стихотворения образ «добровольного изгнанника», покинувшего берег родной земли. Противопоставление «палатки рыбарей» — «блеску обманчивой столицы» возникло у Лермонтова под воздействием поэмы Пушкина «Цыганы».

Эпитафия («Простосердечный сын свободы...») (стр. 145)

По-видимому, посвящена памяти Дмитрия Владимировича Веневитинова, поэта и философа, умершего в 1827 г., в возрасте двадцати двух лет.

Для чувств он жизни не щадил... — перефразировка стиха из предсмертного стихотворения Веневитинова «Поэт и друг» — «Кто жизни не щадил для чувства».

Он верил темным предсказаньям,//И талисманам, и любви... — подразумевается цикл стихотворений Веневитинова, посвященных кн. З. А. Волконской (она подарила поэту перстень-талисман).

Гроб Оссиана (стр. 146)

В автографе позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Узнав от путешественника описание сей могилы».

Оссиан — легендарный поэт, которому шотландский писатель Макферсон приписал созданные им самим в духе народных шотландских песен поэмы; они были изданы в 1760—1763 гг.

В горах Шотландии моей. — По преданию, один из предков Лермонтова был выходцем из Шотландии.

Посвящение («Прими, прими мой грустный труд . . .») (стр. 146)

Вероятно, это посвящение к трагедии «Испанцы». На одном листе с ним находится список действующих лиц трагедии.

Кладбище (стр. 147)

Приписка в автографе в скобках: «На кладбище написано» — и дата: «1830».

К*** («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья . . .») (стр. 150)

В автографе приписка Лермонтова: «Прочитав жизнь Байрона, <написанную> Муром». Под текстом дата: «1830».

Биография Байрона, составленная его другом, поэтом Томасом Муром, вышла в 1830 г. в Лондоне.

О, если б одинаков был удел... — Байрон погиб в 1824 г. в Греции, куда он приехал, чтобы принять участие в борьбе греческого народа за свою независимость.

Дереву (стр. 151)

В автографе дата: «1830». На следующем листе помета: «Мое завещание. (Про дерево, где я сидел с А. С.)».

А. С. — очевидно, Анна Григорьевна Столыпина (см. о ней стр. 364).

Предсказанье (стр. 151)

В автографе — позднейшая приписка: «Это мечта».

Написано под впечатлением крестьянских восстаний, участившихся в 1830 г. в связи с эпидемией холеры. Выражение

«черный год» в литературе XVIII—XIX веков относилось к восстанию Пугачева. Стихотворение свидетельствует о том, что в это время Лермонтов считал революцию в России неизбежной.

Булевар (стр. 153)

Под текстом помета: «(Продолжение впредь)» — и запись: «В следующей сатире всех разругать, и одну грустную строфу. Под конец сказать, что я напрасно писал и что, если б это перо в палку обратилось, а какое-нибудь божество новых времен приударило в них, оно — лучше».

В четвертой строфе имеется в виду князь П. И. Шаликов, поэт, издатель «Дамского журнала» и редактор «Московских ведомостей». О каком Башуцком идет речь в десятой строфе — не установлено.

Мосолов — генерал Федор Иванович Мосолов. В 1828—1832 гг. председатель комиссии военного суда при московском ордонанс-гаузе.

10 июля. (1830) (стр. 157)

Сохранились только начальные восемь строк (очевидно, первая строфа) стихотворения. Следующий лист тетради, на котором находилось продолжение, вырван.

1830 год был ознаменован Июльской революцией во Франции и усилением национально-освободительного движения в Европе. В литературе о Лермонтове был выдвинут ряд предположений о том, каким событиям стихотворение посвящено: 1) Июльской революции во Франции, 2) восстанию 1830 г. в Польше, 3) восстанию горцев на Кавказе, 4) восстанию албанских патриотов. Однако все эти предположения противоречат либо дате в заглавии, либо самому тексту стихотворения.

К Су . . . (стр. 158)

В автографе рядом с заглавием позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «При выезде из Середникова к Miss black-eys. Шутка, преположенная от M. Kord».

«Miss black-eys» («Черноокая») — так называли Е. А. Сушкову.

Мистер Корд — гувернер Аркадия Столыпина, двоюродного брата матери Лермонтова.

Благодарю! (стр. 158)

Печатается по «Запискам» Сушковой.

Под текстом, приведенным Сушковой, дата: «Середниково. 12 августа».

Во всех изданиях в первой строке заключительной строфы вместо «укажет» печатается «покажет». Считая это исправление необоснованным, возвращаемся к тексту Сушковой.

Нищий (стр. 159)

Обращено к Е. А Сушковой.

В стихотворении нашел отражение услышанный Лермонтовым во время посещения Троице-Сергиевской лавры рассказ слепого нищего о бессердечной шутке над ним «молодых господ».

Чума в Саратове (стр. 159)

В автографе рядом с заглавием помета рукой Лермонтова в скобках: «Cholera — morbus» — и дата: «1830 года августа 15 дня».

30 июля. — (Париж) 1830 года (стр. 160)

Стихотворение написано под впечатлением Июльской революции во Франции. 30 июля 1830 г. — на третий день народного восстания — отрекся от престола король Карл X.

Стансы («Взгляни, как мой спокоен взор . . .») (стр. 161)

В автографе рядом с текстом нарисован пером портрет девушки в профиль, по всей вероятности Е. Сушковой, к которой обращено стихотворение.

Чума (стр. 162)

Против первого стиха в автографе — дата: «(1830. Августа)».

Стихотворение написано во время холерной эпидемии. Лермонтов вместе с бабушкой Е. А. Арсеньевой в дни холерной эпидемии оставался в Москве.

Баллада («Берегись! берегись! над бургосским путем...») (стр. 165)

Вольный перевод баллады из XVI песни «Дон-Жуана» Байрона. Переведены строфы первая, третья и первая половина четвертой. После текста приписка в скобках: «Продолжение впредь».

Бургос — город в Испании.

«Когда к тебе молвы рассказ...», «Передо мной лежит листок...», «Свершилось! Полно ожидать...» (стр. 167), «Итак, прощай!» (стр. 168)

Эти стихотворения посвящены Е. А. Сушковой и воспроизводятся по ее «Запискам».

Новгород (стр. 168)

В автографе дата: «3 октября 1830 г.». Стихотворение не закончено и зачеркнуто.

Обращение «Сыны снегов, сыны славян» относится скорее всего к современникам Лермонтова «упавшим мужеством» в годы реакции Имеется также предположение, что стихотворение обращено к декабристам. Древний Новгород в декабристской литературе был символом политической свободы.

Глупой красавице («Амур спросил меня однажды...») (стр. 168)

В автографе под текстом позже приписана дата: «1830 года — 4 октября».

Могила бойца (стр. 169)

В автографе под текстом дата: «1830 год — 5 октября. Во время холеры — morbus».

Смерть («Закат горит огнистой полосою...») (стр. 170)

Печатается по копии ИРЛИ.

Под текстом в копии — дата. «1830. Октября 9». Относится к циклу стихотворений, написанных в связи с холерой (ср. «Чума в Саратове» и «Чума»).

Черны очи (стр. 171)

Печатается по автографу ЛБ.

Датируется предположительно 1830 г. Относится к циклу стихотворений, посвященных Е. А. Сушковой, которую называли «Черноокой» (ср. прим. к стихотворению «К Су...», стр. 371).

1831

«Послушай! вспомни обо мне . . .» (стр. 172)

Печатается по автографу ИРЛИ (альбом Н. И. Поливанова).

Вслед за этим стихотворением в альбоме приписка рукою Поливанова, товарища Лермонтова по университету: «23-го марта 1831 г. Москва. Михайла Юрьевич Лермонтов написал эти строки в моей комнате во флигеле нашего дома на Молчановке, ночью; когда вследствие какой-то университетской шалости он ожидал строгого наказания. Н. Поливанов».

Университетская шалость, о которой пишет Поливанов, — это известная «маловская история»: 16 марта 1831 г. студенты выгнали из университетской аудитории «глупого, грубого и необразованного» профессора М. Я. Малова. (Об этом подробно рассказано А. И. Герценом в «Былом и думах», ч. I, гл. VI.) Лермонтов принимал участие в «маловской истории», но тогда, по-видимому, не пострадал за нее.

1831-го июня 11 дня (стр. 173)

В пятой строфе поэт обращается к Наталье Федоровне Ивановой (см. о ней на стр. 367). Строфы первая, вторая, пятая вошли в драму «Странный человек» как стихотворение героя драмы Владимира Арбенина.

Романс к И . . . («Когда я унесу в чужбину . . .») (стр. 182)

Печатается по авторизованной копии ИРЛИ.

Стихотворение обращено к Наталье Федоровне Ивановой (см. о ней на стр. 367). В измененном виде включено в драму «Странный человек».

Завещание («Есть место: близ тропы глухой...») (стр. 182)

В автографе приписка в скобках: «Середниково, ночью; у окна».

Вольный перевод завещания Вертера из романа Гете «Страдания молодого Вертера».

«Сижу я в комнате старинной...» (стр. 183)

В автографе приписка рукой Лермонтова: «(Средниково) (В мыльне) (Ночью, когда мы ходили попа пугать)».

К* («Всевышний произнес свой приговор...») (стр. 183)**

Стихотворение обращено к Н. Ф. Ивановой (ср. в стихотворении «К Н. И....... » слова: «Прощальный поцелуй однажды // Я сорвал с нежных уст твоих»).

Желание («Зачем я не птица, не ворон степной...») (стр. 184)

В автографе приписка: «(Средниково. Вечер на бельведере (29 июля)». Здесь развита тема, намеченная раньше в стихотворении «Гроб Оссиана» (стр. 146).

Св. Елена (стр. 186)

На острове св. Елены Наполеон провел последние годы жизни. Умер в 1821 г.

К другу В. Ш. (стр. 186)

В. Ш. — Владимир Александрович Шеншин, один из товарищей Лермонтова университетской поры.

«Блистая, пробегают облака...» (стр. 187)

В автографе на месте заглавия — надпись: «7-го августа. В деревне на холме; у забора».

Видение (стр. 191)

Относится к циклу стихотворений, связанных с Н. Ф. Ивановой. С некоторыми изменениями повторено в трагедии «Странный человек».

К Л. — (стр. 194)

В основу положено стихотворение Байрона «Stanzes to a lady on leaving England» («Стансы к даме при отъезде из Англии»).

К Н. И...... («Я не достоин, может быть...») (стр. 195)

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. о ней на стр. 367).

Воля (стр. 196)

Стихотворение с некоторыми изменениями в тексте вошло в повесть «Вадим».

Сентября 28 (стр. 197)

Стихотворение обращено к Н. Ф. Ивановой.

«Зови надежду сновиденьем...» (стр. 198)

Е. А. Сушкова в своих «Записках» сообщает, что после стихотворения «Весна» «внизу очень мелко было написано карандашом как будто противоядие этой едкой по его мнению правде» — далее следует текст стихотворения.

Обычно воспроизводится другая редакция стихотворения (по автографу):

К *

Не верь хвалам и увереньям,
Неправдой истину зови,
Зови надежду сновиденьем...
Но верь, о верь моей любви.

Такой любви нельзя не верить,
А взор не скроет ничего;
Ты не способна лицемерить —
Ты слишком ангел для того.

Анализ текста показывает, что это более ранняя редакция.

«Прекрасны вы, поля земли родной» (стр. 198)

В заключительных строках этого стихотворения говорится о могиле отца Лермонтова (умер 1 октября 1831 г.). (Ср. со стихотворениями «Ужасная судьба отца и сына», стр. 208, «Эпитафия», стр. 269.)

К кн. Л. Г—ой (стр. 202)

По-видимому, обращено к Елизавете Павловне Горчаковой, двоюродной сестре Н. Ф. Ивановой.

«Я видел тень блаженства; но вполне...» (стр. 203)

Здесь Лермонтов говорит, по-видимому, о своей любви к Н. Ф. Ивановой.

К** («Ты слишком для невинности мила...») (стр. 204)

Перед стихотворением в автографе немецкий оригинал первых четырех стихов:

Sie ist zu schön um tugendhaft zu sein,
Um treu zu lieben, ist zu lieblich sie;
Wohl tausend Herzen könnte sie erfreun,
Doch selbst, — selbst glücklich wird sie nie.

Автор немецкого текста не установлен. На полях приписка рукой Лермонтова: «L'âme de mon âme» («Душа моей души»).

Ангел (стр. 205)

Стихотворение опубликовано Лермонтовым в «Одесском альманахе на 1840 г» (Одесса, 1839). Однако в сборник 1840 г. включено не было.

Стансы («Я не могу ни произнесть...») (стр. 206)

Печатается по копии XX тетради. В автографе XI тетради — в заглавии после «Стансов» написано «К Д».

«Ужасная судьба отца и сына...» (стр. 208)

В стихотворении говорится о смерти отца поэта.

...свершил свой подвиг — завершил жизненный путь, умер.

Из Паткуля (стр. 210)

Иоганн Рейнгольд *Паткуль* (1660—1707) — лифляндский политический деятель, возглавивший борьбу против шведского господства в Прибалтике и казненный Карлом XII.

В августе 1831 г. вышел из печати I том романа Лажечникова «Последний Новик», в котором Паткуль изображается как борец за свободу своей страны.

Лермонтов, по всей вероятности, был знаком и с романом Лажечникова и с книгой «Письма несчастного графа Иоганна Рейнгольда Паткуля, полководца и посланника российского императора Петра Великого» (М. 1806). Очевидно, этим и объясняется заглавие.

«Я не для ангелов и рая . . .» (стр. 210)

Судя по расположению автографа в тетради, это стихотворение написано по окончании второй редакции «Демона» и является своего рода послесловием к поэме.

К Д. («Будь со мною, как прежде бывала . . .») (стр. 212)

Адресат стихотворения не установлен.

Отрывок («Три ночи я провел без сна — в тоске . . .») (стр. 214)

Набросок к задуманной Лермонтовым исторической поэме о Мстиславе Черном (см. набросок плана этой поэмы в 4 томе наст. издания).

Баллада («В избушке позднею порою . . .») (стр. 215)

Печатается по копии ИРЛИ.

Связано с относящимся к этому времени замыслом исторической поэмы о Мстиславе Черном и его борьбе с татарами.

«Я не люблю тебя; страстей . . .» (стр. 217)

В 1837 г. Лермонтов переработал это стихотворение (см. «Расстались мы, но твой портрет...», стр. 15).

Стансы («Мгновенно пробежав умом . . .») (стр. 217)

Печатается по копии в альбоме М. Д. Жедринской (ЦГАЛИ). В альбоме дата: «1832». Впервые — в «Литературной газете» (1939, 15 октября, № 57). В VI тетради находится автограф первоначальной редакции «Стансов», относящийся к 1830 г:

Я не крушуся о былом,
Оно меня не усладило.
Мне нечего запомнить в нем,
Чего б тоской не отравило!

Как настоящее, оно
Страстями чудными облито
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забытый!

Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою,
И если о любви пою —
Она была моей мечтою.

Я к одиночеству привык,
Я б не умел ужиться с другом;
Я б с ним препровожденный миг
Почел потерянным досугом.

Мне скучно в день, мне скучно в ночь,
Надежды нету в утешенье;
Она навек умчалась прочь,
Как жизни каждое мгновенье.

На светлый запад удалюсь;
Вид моря грусть мою рассеет.
Ни с кем в отчизне не прощусь —
Никто о мне не пожалеет!..

Быть может, будет мне о ком
Тогда вздохнуть, — и провиденье
Заплотит мне спокойным днем
За долгое мое мученье.

1830—1831

Звезда (стр. 218)

В некоторых изданиях текст этого стихотворения воспроизводится по копии из альбома Верещагиной (см., например, соч. АН СССР). В настоящем томе дается его другая редакция, которую считаем позднейшей (авторизованная копия XX тетради).

Венеция (стр. 219)

Стихотворение связано с поэмой «Джюлио» (1830) и относится, вероятно, к 1830 г.

«Я видел раз ее в веселом вихре бала...» (стр. 221)

Написано под воздействием стихотворения Пушкина «Дорида» (1819).

Подражание Байрону (стр. 221)

Подражание стихотворению Байрона «Послание к другу в ответ на стихи, увещевающие автора быть веселым» («Epistle to a friend in answer to some lines exhorting the author to be cheerful...»).

Пир Асмодея (стр. 224)

Датируется предположительно 1830 г. на основании содержания.

Подарок второго демона — «вино свободы» — намек на Июльскую революцию 1830 г. во Франции и революционное движение в Европе.

Подарок третьего демона — стакан хлорной воды — отклик на эпидемию холеры в Москве в 1830 г.

Имя царя Павла I, занимающего почетное место на пире у главного демона, Асмодея, в рукописи обозначено звездочками. Оно восстанавливается предположительно.

На картину Рембрандта (стр. 227)

Картина великого голландского художника Рембрандта, которая вдохновила Лермонтова, «Молодой монах-капуцин в высоком капюшоне», находилась в 30-х годах XIX века в художественной галерее Строгановых.

Быть может, ты писал с природы... — Предположение Лермонтова правильно: Рембрандту позировал его сын Титус.

К*** («О, полно извинять разврат!») (стр. 227)

По-видимому, обращено к Пушкину. Лермонтов, высоко ценивший вольнолюбивую лирику и южные поэмы Пушкина, подобно многим другим современникам, не смог сразу правильно оценить пушкинские произведения второй половины 20-х годов. «Стансы», «Друзьям», «Чернь», поэму «Полтава», «Граф Нулин» он воспринимал как отход от традиций гражданской поэзии и называл этот период в творчестве Пушкина «продолжительным

сном» (в стихотворении «Опять, народные витии...» он писал о Пушкине как о поэте, «восставшем в блеске новом от продолжительного сна»).

Возможно, что непосредственным поводом для лермонтовского стихотворения явилось послание Пушкина «К вельможе» (1830), вызвавшее резкие нападки со стороны некоторых представителей прогрессивной журналистики.

Под «изгнаньем из страны родной» Лермонтов разумел ссылку Пушкина в Бессарабию и Одессу.

Звуки (стр. 231)

Стихотворение, по-видимому, посвящено известному гитаристу и сочинителю музыки для семиструнной гитары Михаилу Тимофеевичу Высотскому, у которого Лермонтов часто бывал в студенческие годы.

Поле Бородина (стр. 232)

В этом стихотворении образ героя лишен исторической конкретности, поэт не свободен еще от романтической патетики.

Некоторые наиболее удачные поэтические образы этого стихотворения Лермонтов использовал впоследствии в «Бородине» (1837).

К*** («Не ты, но судьба виновата была . . .») (стр. 239)

Обращено к Н. Ф. Ивановой.

Ночь («В чугун печальный сторож бьет . . .») (стр. 240)

Относится к циклу стихотворений, связанных с Н. Ф Ивановой.

Из Андрея Шенье (стр. 248)

У французского поэта А. Шенье такого стихотворения нет, но общие мотивы его предсмертного лирического цикла близки к стихотворению Лермонтова.

Возможно, что это название дано Лермонтовым для того, чтобы зашифровать политический смысл стихотворения. Юный поэт следовал Пушкину, который выступил с элегией «Андрей

Шенье», воспринятой современниками как отклик на декабрьские события 1825 г. В связи с распространением отрывка из элегии Пушкина (в некоторых копиях он был озаглавлен «На 14 декабря») возник политический процесс в 1826—1828 гг., о котором, очевидно, знал Лермонтов, так как главный обвиняемый штабс-капитан Алексеев, приговоренный в первой инстанции к смертной казни, был хорошим знакомым Е. А. Сушковой.

Стансы «Не могу на родине томиться...» (стр. 250)

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. о ней на стр. 367).

Мой демон (стр. 251)

Переработка одноименного стихотворения 1829 г. Связано с дальнейшей работой над поэмой «Демон».

1832

Прощанье («Не уезжай, лезгинец молодой...») (стр. 258)

По наблюдению И. Л. Андроникова стихотворение представляет собой первоначальный вариант сцены прощания Зары с Измаилом из поэмы «Измаил-Бей».

«Она была прекрасна, как мечта...» (стр. 259)

Использовано для стихотворения «Девятый час; уж темно... (стр. 261).

«Время сердцу быть в покое...» (стр. 259)

Первые шесть стихов являются вольным переводом начала стихотворения Байрона 1824 г. «On this day I complete my thirty sixth year» («В день, когда мне исполнилось тридцать шесть лет»).

К* («Я не унижусь пред тобою...») (стр. 264)**

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. стр. 367).

⟨В альбом Н. Ф. Ивановой⟩ («Что может краткое свиданье . . .») (стр. 265)

Печатается по копии из альбома М. Д. Жедринской (ЦГАЛИ), где обозначена дата: «1832». Впервые — в «Литературной газете» (1939, 15 октября, № 57).

⟨В альбом Д. Ф. Ивановой⟩ («Когда судьба тебя захочет обмануть . . .») (стр. 265)

Печатается по копии из альбома М. Д. Жедринской (ЦГАЛИ), где обозначена дата: «1832». Впервые — в «Литературной газете» (1939, 15 октября, № 57).

Обращено к Дарье Федоровне Ивановой, сестре Н. Ф. Ивановой.

«Синие горы Кавказа, приветствую вас!» (стр. 266)

Строка «Воздух там чист, как молитва ребенка...» перефразирована в «Герое нашего времени»: «Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка» («Княжна Мери», запись 11 мая).

Отрывок представляет собой опыт ритмической прозы. Высказывалось предположение, что это не самостоятельное произведение, а заготовка для будущего стихотворного текста (см. статью Т. Левита в «Литературном наследстве», № 45—46). Действительно: многие образы этой записи почти дословно повторены во вступительных строфах поэмы «Измаил-Бей», над которой Лермонтов работал как раз в это время (см. соч. изд. «Огонек», т. I, стр. 381).

Прелестнице (стр. 267)

В 1841 г. Лермонтов переделал это стихотворение (см. «Договор», стр. 68).

Had we never loved so kindly (стр. 269)

Стихотворение представляет перевод эпиграфа к поэме Байрона «Абидосская невеста», взятого из стихотворения Роберта Бернса «Прощальная песнь к Кларинде» («Parting song to Clarinda»). В первом стихе Лермонтов слово «kindly» перевел — «дитя», произведя его от немецкого слова «kind». По-английски «kindly» — «нежно».

Эпитафия («Прости! увидимся ль мы снова?») (стр. 269)

Посвящена отцу поэта Ю. П. Лермонтову.

«Измученный тоскою и недугом . . .» (стр. 269)

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. стр. 367).

«Болезнь в груди моей, и нет мне исцеленья . . .» (стр. 272)

В этом стихотворении Лермонтов говорит о своей любви к Н. Ф. Ивановой.

К* («Мы случайно сведены судьбою . . .») (стр. 273)

Обращено к Варваре Александровне Лопухиной (1815—1851), которую Лермонтов глубоко любил и которой посвятил много стихотворений.

Баллада («Из ворот выезжают три витязя в ряд . . .») (стр. 275)

Первые два стиха являются переводом начальных стихов старинной немецкой народной песни «Die drei Ritter». Дальнейший текст — оригинальный.

«Я жить хочу! хочу печали . . .» (стр. 275)

Датируется летом 1832 г. на том основании, что отрывок из этого стихотворения процитирован Лермонтовым в письме С А. Бахметевой от августа 1832 г.

«Приветствую тебя, воинственных славян . . .» (стр. 276)

См. прим. к стихотворению «Новгород», 1830 (стр. 373)

Желанье («Отворите мне темницу . . .») (стр 277)

В 1837 г. Лермонтов переделал это стихотворение (см. «Узник», стр. 13).

Два великана (стр. 279)

В этом стихотворении в фольклорно-аллегорических образах изображается борьба русского народа с Наполеоном.

К* («Прости! — мы не встретимся боле . . .») (стр. 279)

Стихотворение относится, по-видимому, к Н. Ф. Ивановой.

«Безумец я! вы правы, правы!» (стр. 281)

В автографе вычеркнуто заглавие «Толпе».

«Она не гордой красотою . . .» (стр. 281)

Относится к В. А. Лопухиной.

«Примите дивное *посланье* . . .» (стр. 282)

Приведено в письме Лермонтова к С. А. Бахметевой от начала августа 1832 г. (см. т. 4 наст. издания).

В первых строках игра слов: под «Павловым писаньем» разумеется писание апостола Павла. Павел же, который должен был доставить Бахметевой письмо Лермонтова с этим стихотворением, — родственник поэта Павел Александрович Евреинов.

Челнок («По произволу дивной власти . . .») (стр. 283)

Печатается по автографу «казанской тетради». Другой тограф — в письме к С. А. Бахметевой (август 1832).

«Для чего я не родился . . .» (стр. 283)

В письме к М. А. Лопухиной от 28 августа 1832 г. Лермонтов сообщает, что написал это стихотворение накануне, во время небольшого наводнения (см. т. 4 наст. издания).

Парус (стр. 285)

Приведено в письме Лермонтова к М. А. Лопухиной от 2 сентября 1832 г. (см. т. 4 наст. издания).

Это одно из лучших юношеских стихотворений Лермонтова было напечатано уже после смерти поэта и стало популярным в русском обществе как выражение передовых гражданских идей того времени.

«Он был рожден для счастья, для надежд...» (стр. 288)

Приведено в письме Лермонтова к М. А. Лопухиной около 15 октября 1832 г. (см. т. 4 наст. издания).

Первые пять стихов были перенесены в стихотворение «Памяти А. И. О<доевско>го», 1839 (стр. 33). Следующие четыре стиха с некоторыми изменениями вошли в стихотворение «Дума», 1838 (стр. 23).

Русалка (стр. 288)

Печатается по сборнику 1840 г., где напечатано с датой «1836 г.». Однако датируется 1832 г., так как в «казанской тетради» имеется ранняя редакция текста, относящаяся к 1832 г., в которую были внесены лишь незначительные изменения.

1833

Юнкерская молитва (стр. 291)

Печатается по копии ИРЛИ (с пометой: «1833»).

Алёхин глас. — «Алеха» — имеется в виду преподаватель юнкерской школы Алексей Степанович Стунеев.

1833—1834

«На серебряные шпоры...» (стр. 292)

Это и следующее стихотворение датируются 1833—1834 гг. — временем пребывания Лермонтова в юнкерской школе.

«В рядах стояли безмолвной толпой...» (стр. 292)

Печатается по копии ИРЛИ («Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова» В. Хохрякова).

По предположению М. Ф. Николевой, в стихотворении говорится о похоронах Егора Сиверса, обучавшегося одновременно с Лермонтовым в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Сиверс числился юнкером лейб-гвардии Уланского полка; умер 5 декабря 1833 г.

В стихотворении ощущается воздействие известного стихотворения И. И. Козлова «На погребение английского генерала сира Джона Мура» («Не бил барабан перед смутным полком...»).

1834—1835

«Опять, народные витии...» (стр. 294)

В черновом автографе, по которому печатается стихотворение, после стиха «Мы чужды ложного стыда» зачеркнуты следующие семь строк:

Так нераздельны в деле славы
Народ и царь его всегда.
Веленьям власти благотворной
Мы повинуемся покорно
И верим нашему царю!
И будем все стоять упорно
За честь его, как за свою.

Датируется предположительно 1834—1835 гг. по содержанию и на основании свидетельства С. А. Раевского, который в показаниях на следствии по делу о стихотворении «Смерть Поэта» сообщал, что «Опять, народные витии...» написаны, «кажется, в 1835 году» в связи с опубликованием статьи «в каком-то французском журнале» (см. «Вестник Европы», 1887, № I, стр. 339—340).

Лермонтовское стихотворение, так же как и «Клеветникам России» Пушкина, направлено против выступлений депутатов французского парламента, поддерживавших польскую эмиграцию и призывавших к войне с Россией.

«Когда надежде недоступный...» (стр. 295)

Датируется предположительно 1834—1835 гг, так как находится в одной тетради с черновыми набросками поэмы «Сашка».

1836

Умирающий гладиатор (стр. 297)

В копии ИРЛИ (тетрадь XV), по которой печатается текст стихотворения, последние две строфы зачеркнуты неизвестной рукой. Под стихотворением — дата: «2 февраля 1836 г.». Год и эпиграф к стихотворению вписаны рукой Лермонтова.

Начало стихотворения представляет свободное переложение строф 139—141 песни IV поэмы Байрона «Чайльд-Гарольд»; но Лермонтов, продолжая традиции декабристской поэзии, значительно усилил здесь гражданские политические мотивы.

Эпиграф — из поэмы Байрона «Чайльд-Гарольд», песнь IV, строфа 110.

Еврейская мелодия («Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!») (стр. 298)

Печатается по сборнику 1840 г, где датировано 1836 г. Впервые — в ОЗ (1839, № 6).

Вольный перевод стихотворения Байрона «My soul is dark» («Hebrew melodies») — «Моя душа темна» («Еврейские мелодии»).

В альбом («Как одинокая гробница...») (стр. 299)

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1836 г. Впервые — в ОЗ (1839, № 6).

Перевод стихотворения Байрона «Lines written in an album at Malta» («Строки, написанные в альбом на Мальте»).

«Великий муж! Здесь нет награды...» (стр. 299)

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки. Впервые — в «Русской старине» (1875, № 9).

В рукописи оторвана часть листа, на котором были написаны первая строфа и название стихотворения и где, возможно, значилось имя «великого мужа».

Высказывался ряд предположений о том, кому посвящено стихотворение. Назывались имена Чаадаева, Барклая де Толли, Радищева, Рылеева, Пестеля. Вопрос этот до сих пор не решен.

Стихотворения неизвестных годов

«Ах! ныне я не тот совсем...» (стр. 300)

Печатается по «Библиографическим запискам» (1861, № 16), где появилось впервые.

«Никто моим словам не внемлет... я один...», «Мое грядущее в тумане...» (стр. 301)

Печатаются по автографу ЦГАЛИ. Впервые — в «Литературном наследстве» (тт. 19—21).

«Из-под таинственной холодной полумаски...» (стр. 302)

Печатается по ОЗ (1843, № 5), где опубликовано впервые.

«Тебе, Кавказ, суровый царь земли . . .» (стр. 302)

Печатается по факсимиле (с автографа из частного собрания в Париже) в «Литературном наследстве» (тт. 43—44). Впервые — с неточностями в «Молодике на 1844 г.» (Спб. 1844). Комментируемый текст, по-видимому, представляет собой посвящение к одной из двух «кавказских» редакций «Демона», 1838 года (см. соч. изд. «Огонек», т. II, стр. 498—499).

Существует еще одна редакция посвящения к поэме:

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стих небрежный.
Как сына, ты его благослови
И осени вершиной белоснежной.
Еще ребенком, чуждый и любви
И дум честолюбивых, я беспечно
Бродил в твоих ущельях, грозный, вечный,
Угрюмый великан, меня носил
Ты бережно, как пестун, юных сил
Хранитель верный — [и мечтою
Я страстно обнимал тебя порою].

И мысль моя, свободна и легка,
Бродила по утесам, где, блистая
Лучом зари, сбирались облака,
Туманные вершины омрачая,
Косматые, как перья шишака;
А вдалеке, как вечные ступени
С земли на небо, в край моих видений,
Зубчатою тянулись полосой,
Таинственней, синей одна другой,
Всё горы, чуть приметные для глаза,
Сыны и братья грозного Кавказа.

«Не плачь, не плачь, мое дитя . . .» (стр. 303)

Печатается по ОЗ (1843, № 6), где появилось впервые.

ЭПИГРАММЫ, ЭКСПРОМТЫ, ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Эпиграммы. 1—6 (стр. 307)

Датируются 1829 г., так как находятся в тетради II.

Эпиграммы 1, 2, 5-я текстуально близки к «Мыслям, выпискам и замечаниям», напечатанным в альманахе «Цефей на 1829 г.», в котором участвовали воспитанники пансиона при Мос-

ковском университете (см. статью Т. Левита в «Литературном наследстве», тт. 45—46, стр. 225—254). Эпиграмма 3-я относится, по-видимому, к писателю П. И. Шаликову (см. о нем на стр. 393), 4-я — к писателю Н. Ф. Павлову (см. о нем на стр. 391).

К Грузинову (стр. 308)

Датируется 1829 г., так как находится в тетради II.

Иосиф Романович *Грузинов* — пансионский товарищ Лермонтова. Сборник его стихотворений «Цитра» (1830) подвергся критике в «Литературной газете» (1830).

Моя мольба (стр. 309)

Датируется 1830 г., так как находится в тетради VI.

В автографе — приписка: «После разговора с одной известной очень мне старухой, которая восхищалась, и читала, и плакала над Грандиссоном».

Грандиссон — «благородный» герой сентиментального романа «История кавалера Грандиссона» английского писателя Ричардсона (1689—1761).

А. Д. З... (стр. 309)

Датируется 1831 г., так как находится в тетради XI.

Это шутливое послание обращено к Андрею Дмитриевичу Закревскому, товарищу Лермонтова по университету. В стихотворении упоминаются студенты словесного отделения: кн. Валериан Павлович Гагарин и Дмитрий Павлович Теличеев (см. статью Н. Бродского «Лермонтов-студент и его товарищи» в сборнике «Жизнь и творчество Лермонтова», М. 1941).

⟨Новогодние мадригалы и эпиграммы⟩ (стр. 310)

Датируются последними днями 1831 г. по положению в тетради IV (за исключением мадригала «Бартеньевой»).

Написаны Лермонтовым к новогоднему маскараду в Московском благородном собрании.

Н. Ф. И. (стр. 310)

Адресовано Н. Ф. Ивановой (см. о ней на стр. 367).

Бухариной (стр. 310)

Вера Ивановна *Бухарина* (1812—1902) была дочерью московского сенатора Ивана Яковлевича Бухарина. В 1832 г. она вышла замуж за Н. Н. Анненкова.

Трубецкому (стр. 310)

Трубецкой — вероятно, Николай Николаевич (1812—1879), служивший в это время в Межевой канцелярии. В 1833 г. он женился на Елизавете Александровне Лопухиной (см. письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной от 4 августа 1833 г. в т. 4 наст. издания).

Г <-ну> Павлову (стр. 310)

Николай Филиппович *Павлов* (1805—1864) — писатель, автор «Трех повестей». В начале 30-х годов Павлов был известен как переводчик и поэт. Лермонтов был знаком с ним и его женой, поэтессой Каролиной Павловой (Яниш).

Алябьевой (стр. 311)

Александра Васильевна *Алябьева* (1812—1891) славилась в Москве своей красотой (см. стихотворение Пушкина «К вельможе»). В 1832 г. Алябьева вышла замуж за А. Н. Киреева.

Л. Нарышкиной (стр. 311)

Адресат стихотворения не установлен.

Толстой (стр. 311)

Адресат стихотворения не установлен.

Бартеньевой (стр. 311)

Печатается по беловому автографу ИРЛИ (альбом П. А. Бартеневой).

Лермонтов ошибся, написав «Бартеневой» через «ь». Прасковья Арсеньевна *Бартенева* (1811—1872) — известная певица.

Мартыновой (стр. 312)

Мадригал адресован одной из сестер Н. С. Мартынова — Елизавете или Екатерине.

Додо (стр. 312)

Додо — Евдокия Петровна Сушкова-Ростопчина (1811—1858), поэтесса. В 1830 г. Лермонтов посвятил ей стихотворение «Крест на скале». В этом же году П. А. Вяземский напечатал в альманахе «Северные цветы на 1831 год» ее стихотворение «Талисман», о котором Лермонтов и упоминает в своем мадригале. О первых московских встречах с Лермонтовым Ростопчина рассказала в своем письме к А. Дюма (см. «Записки» Сушковой).

Башилову (стр. 312)

Александр Александрович *Башилов* — тайный советник, сенатор, директор комиссии строений в Москве.

В другом автографе стихотворение носило заглавие: «A Son Ex<cellence> M-r Bachiloff» («Его превосходительству г-ну Башилову»).

Кропоткиной (стр. 313)

Адресат стихотворения не установлен

Щербатовой (стр. 313)

Относится к княжне Анне Александровне *Щербатовой*, славившейся своей красотой (см. стихотворение «<М. А. Щербатовой>», стр. 39).

Булгакову (стр. 313)

Константин Александрович *Булгаков* — сын московского почт-директора А. Я. Булгакова, гуляка и повеса. Лермонтов учился с ним в Московском благородном пансионе.

Сабуровой (стр. 314)

Адресат стихотворения не установлен.

Уваровой (стр. 314)

Адресат стихотворения не установлен.

«Вы не знавали князь Петра...» (стр. 314)

Эпиграмма относится, вероятно, к кн П. И Шаликову. Он писал чувствительные стихи и повести, подражая Карамзину. В критике Шаликова называли «кондитером литературы», «князем вралей» и проч.

⟨Н. Н. Арсеньеву⟩ (стр. 314)

Датируется предположительно. Печатается по автографу ЦГАЛИ.

Н. Н. Арсеньев (род. в 1809 г.) — двоюродный брат матери Лермонтова Учился в кадетском корпусе, потом служил в кавалергардах.

⟨Эпиграмма на Н. Кукольника⟩ (стр. 315)

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки. Впервые — в «Русской старине» (1875, № 9). Датируется на основании автографа, на одном листке с которым написаны «Молитва», «Расстались мы, но твой портрет...», датированные самим Лермонтовым 1837 г. Дело, однако, в том, что глубоко реакционная по содержанию псевдопатриотическая пьеса Н. Кукольника «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский» была поставлена на сцене Александринского театра в Петербурге в январе 1835 г. Ю. Г. Оксман предполагает, что к этому времени относится и эпиграмма, записанная позднее — в 1837 г.

⟨Эпиграммы на Булгарина. I, II⟩ (стр. 315)

Эпиграммы печатаются по автографу ГПБ. Впервые — в «Литературном наследстве» (т. 58).

Датируются 1837 г. по содержанию. В 1837 г. вышли три части книги реакционного писателя, агента III Отделения Ф. В. Булгарина «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях...», которая, несмотря на рекламу и дешевую цену, не находила сбыта. В апреле этого года Булгарин напечатал в «Северной пчеле» пространное объявление о продаже книги, в котором, не зная меры, расхваливал «свой труд». Объявление Булгарина, очевидно, послужило непосредственным поводом для эпиграммы Лермонтова.

В первой строке — игра слов. Под продажей России подразумевается и вся антипатриотическая деятельность Булгарина,

и его измена русским войскам (переход на сторону противника во время Отечественной войны) и продажа книги под названием «Россия».

«Се Маккавей-водопийца . . .» (стр. 315), «Остаться без носу — наш Маккавей боялся . . .» (стр. 316)

Печатаются по автографам ГПБ. Впервые — в «Литературном наследстве» (т. 58).

Датируются 1837 г., так как речь идет о посетителе Кавказских минеральных вод («водопийца», «приехал на воды»), где Лермонтов был в 1837 г., а также и по связи с эпиграммами на Булгарина (написаны на обороте того же листа).

⟨А. Петрову⟩ (стр. 316)

Печатается по «Русскому архиву» (1867, № 7). Впервые — в «Русском архиве» (1864, № 10) с неточностями.

Датируется 1837 г. на основании свидетельства А. П. Петрова, опубликовавшего стихотворение в «Русском архиве» в 1867 г.

Написано в альбом родственника М. Ю. Лермонтова — Аркадия Петрова, у отца которого, генерала П. И. Петрова, начальника штаба войск Кавказской линии и Черноморья, поэт бывал во время своего пребывания в Ставрополе в 1837 г. Сыну Петрова было в то время двенадцать лет.

⟨К М. И. Цейдлеру⟩ (стр. 316)

Печатается по «Библиографическим запискам» (1859, № 1). Впервые — в «Атенее» (1858, № 48).

С М. И. Цейдлером, товарищем по юнкерской школе, поэт встретился в 1838 г. в лейб-гвардии Гродненском полку. Экспромт написан во время проводов Цейдлера в армию на Кавказ 3 марта 1838 г. В концовке («но иной, не бранной сталью») — игра слов: Цейдлер был влюблен в жену дивизионного командира Софью Николаевну Стааль фон Гольштейн.

⟨К портрету старого гусара⟩ («Смотрите, как летит, отвагою пылая . . .») (стр. 316)

Печатается по ОЗ (1843, № 11), где появилось впервые. В авторизованной копии текст находится под рисунком А. Долгорукова, изображающим Н. И. Бухарова верхом на коне. Ру-

кой Лермонтова помета: «Рис. князь Долгорукий 2, 1838 г.» — и подпись.

Кн. Долгорукий А. Н. — товарищ Лермонтова по полку.

⟨А. А. Олениной⟩ (Ах! Анна Алексевна . . .») (стр. 317)

Печатается по копии ГПБ (архив А. Н. Оленина). Впервые — в соч. изд. АН.

Копия сделана рукой старшей сестры А. А. Олениной, Варвары. Ниже — приписка: «Приветствие больного гусарского офицера и поэта г. Лермонтова Анне Алексеевне Олениной в ее альбом 1839 года». В другой копии (ЦГАЛИ) приписка дополнена словами. «В день ее рождения». *А. А. Оленина* (1808—1888) — дочь директора Публичной библиотеки и президента Академии художеств А. Н. Оленина.

⟨Э. К. Мусиной-Пушкиной⟩ (стр. 317)

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки. Впервые — в «Русском вестнике» (1860, № 4).

Датируется 1839 г., так как находится на одном листе с автографом окончания стихотворения «Памяти А. И. О<доевско>го».

«Посреди небесных тел . . .» (стр. 317)

Печатается по автографу ЦГАЛИ. Впервые — в «Библиографических записках» (1858, № 20). В недавно поступившей в ИРЛИ фотокопии с автографа, хранящегося в Германии, имеется точная дата, поставленная рукою Лермонтова: «16 мая 1840 г.» (в автографе ЦГАЛИ даты нет).

⟨Эпиграмма⟩ («Под фирмой иностранной иноземец . . .») (стр. 317)

Печатается по «Библиографическим запискам» (1861, № 18), где опубликовано впервые.

Датируется по содержанию началом 1841 г. По предположению И. Л. Андроникова, направлено против реакционных журналистов Греча, Булгарина и Сенковского, сотрудничавших в «Сыне отечества» (для них — «фирме иностранной»).

Бранится пошло: ясно, немец... — очевидно, Н. И. Греч,

допустивший в анонимной заметке о «Герое нашего времени» («Сын отечества», 1840) грубую брань.

Похвалит: видно, что поляк... — О. И. Сенковский в обычном для него развязном тоне, граничащем с издевательством, расхваливал роман Лермонтова (сначала в «Библиотеке для чтения», а затем в «Сыне отечества»). Несколько ранее Ф. В. Булгарин в «Северной пчеле» написал хвалебную статью о «Герое нашего времени» за крупную взятку, полученную от издателя Глазунова.

И. П. Мятлеву («На наших дам морозных . . .») (стр. 318)

Печатается по ОЗ (1842, № 9), где появилось впервые.

Датируется 1841 г. — временем выхода в свет юмористического романа в стихах Ивана Петровича Мятлева «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границей, дан л'этранже». Роман написан макароническим стилем, основанным на смешении разноязычных слов. Лермонтов встречался с И. П. Мятлевым в салонах А. О. Смирновой и С. Н. Карамзиной, ценил его шутливые стихи.

В первой строке заключен каламбур, основанный на созвучии русского слова «мороз» с французским «morose» — угрюмый, мрачный.

⟨А. А. Углицкой⟩ («Ma chère Alexandrine . . .») (стр. 318)

Печатается по автографу ИРЛИ (из альбома А. А. Углицкой, по мужу — Альбрехт). Впервые — в альманахе «Радуга» (Пг., 1922).

Обращено к кузине Лермонтова А. А. Углицкой (1822—1862) в связи с ее предстоящим замужеством (в апреле 1841 г.). Написано в макароническом стиле.

«Надежда Петровна . . .» (стр. 318)

Датируется 1841 г. По воспоминаниям Э. А. Шан-Гирей, экспромт сочинен Лермонтовым в доме П. С. Верзилина в Пятигорске и обращен к его младшей дочери — Н. П. Верзилиной.

Обычно печатается в разделе стихотворений, приписываемых Лермонтову. Однако это единственный из его экспромтов 1841 г., который дошел до нас не в устной передаче, а в записи, внесенной в альбом Н. П. Верзилиной в 1842 г.

«Расписку просишь ты, гусар...» (стр. 319)

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки. Впервые (третья строфа) — в «Русской старине» (1875. № 9); целиком — в соч. под ред. Висковатова, т. I. Дата не установлена.

«Он был в краю святом...» (стр. 319)

Печатается по «Библиографическим запискам» (1861, № 1), где опубликовано впервые.

Пародия на стихотворение В. А. Жуковского «Старый рыцарь» (1832). Дата не установлена.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Коллективное

Югельский барон (стр. 323)

Печатается по книге «Для избранных. Стихотворения Варвары Анненковой» (М. 1844), где появилось впервые. Окончание стихотворения, напечатанное в настоящем издании петитом, написано В. Н. Анненковой (1795—1866).

Датируется 1837 г. по содержанию. Стихотворение представляет пародию на балладу Жуковского «Иванова ночь» («Смальгольмский барон»), начинающуюся словами: «До рассвета поднявшись, коня оседлал...». Баллада посвящена А. М. Верещагиной, родственнице и близкой приятельнице Лермонтова. В июле 1837 г. она вышла замуж за министра иностранных дел Вюртембергского королевства барона Гюгеля (Hugel — Югель), от его имени произошло название баллады.

«О, как прохладно и весело нам...» (стр. 324)

Печатается по автографу В. А. Соллогуба (ГПБ, фонд В. Ф. Одоевского). Впервые — в «Литературном наследстве» (т. 58).

Датируется предположительно летом 1839 г., так как в это время Лермонтов и Соллогуб одновременно находились в Петербурге. Стихотворение было послано Соллогубом в письме к В. Ф. Одоевскому (лето 1839 г.) с указанием на то, что оно написано совместно с Лермонтовым, и с просьбою сочинить к нему музыку (см. «Литературное наследство», т. 58).

Стихотворения на французском языке

«Non, si j'en crois mon espérance ...» (стр. 325)

Стихотворение было написано в альбом А. М. Верещагиной, очевидно, накануне переезда Лермонтова в Петербург, в 1832 г. Печатается по копии из альбома (ИРЛИ).

Перевод:

Нет, если бы я верил моей надежде, я ждал бы лучшего будущего. Несмотря на расстояние, я буду с вами воспоминанием. Блуждая на другом берегу, я издали буду следить за вами; и если над вами разразится гроза, позовите меня, — и я приду.

«Quand je te vois sourire...» (стр. 325)

Печатается по «Библиографическим запискам» (1859, т. 2, № 1). Дата написания не установлена.

Перевод:

Когда я вижу тебя улыбающейся, мое сердце расцветает, и я хотел бы высказать тебе, что говорит мне мое сердце. Тогда вся жизнь моя встает перед моими глазами; я проклинаю, и молюсь, и плачу тайно. Потому что без тебя, моего единственного путеводителя, без твоего огненного взгляда, мое прошедшее кажется пусто, как небо без бога. И потом — странная причуда! — я ловлю себя на том, что благословляю прекрасный день, — о ангел мой! — когда ты заставила меня страдать.

L'attente (стр. 326)

Послано С. Н. Карамзиной в письме от 10 мая 1841 г. (см. т. 4 наст. издания).

Перевод:

Ожидание

Я жду ее в угрюмой долине. Вдали, вижу, белеет призрак, который тихо приближается. Но нет! обманчива надежда! То старая ива колеблет свой сухой и блестящий ствол.

Я наклоняюсь и долго прислушиваюсь: мне кажется, что я слышу звук легких шагов по дороге. Нет, не то! Это лист шумит по мху, поднимаемый ароматным ветром ночи.

Полный горькой тоски, я ложусь в густую траву и засыпаю глубоким сном. Вдруг я вздрагиваю и просыпаюсь: ее голос шепчет мне на ухо, ее уста целуют мой лоб.

Наброски и отрывки

«Забывши волнения жизни мятежной...» (стр. 327)

Датируется 1829 г., так как находится в тетради III.

«В старинны годы жили-были...» (стр. 327)

Датируется 1830 г., так как находится в тетради VI.

«Лилейной рукой поправляя...» (стр. 327), «На бурке под тенью чинары...» (стр. 328)

Печатаются по автографам из записной книжки Одоевского, что позволяет датировать их маем — началом июля 1841 г. Впервые — в ОЗ (1844, № 2).

Капгар — слово написано небрежно; И. Л. Андроников предполагает, что его следует читать: Капгер. И. Х. Капгер — офицер Генерального штаба на Кавказе, с которым Лермонтов встретился в 1841 г.

Туксус (тюрк.) — буквально: безбородый.

«Это случилось в последние годы могучего Рима... (стр. 328)

Печатается по копии из тетради Чертковской библиотеки. Впервые (без последнего стиха) — в сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1). Дата не установлена.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

1839

1840

1841

СТИХОТВОРЕНИЯ 1828—1836

1828

1829

1830

1831

1830—1831

1832

1833

1833—1834

1834—1835

1836

Стихотворения неизвестных годов

ЭПИГРАММЫ, ЭКСПРОМТЫ, ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Коллективное

Стихотворения на французском языке

Наброски и отрывки

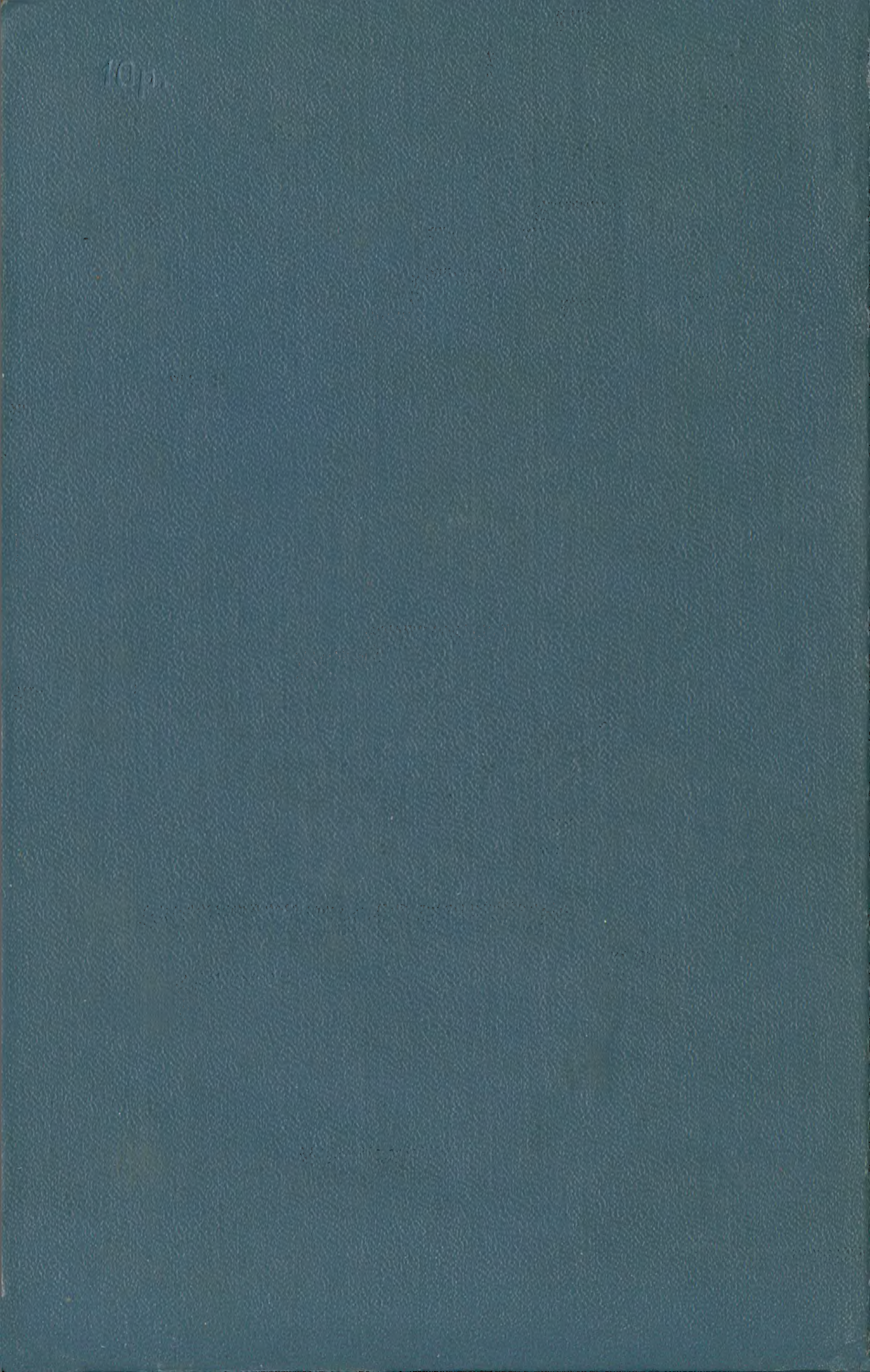
Михаил Юрьевич Лермонтов
Собр. соч., т. 1

Редактор *Е. Жезлова*
Художественный редактор *И. Жихарев*
Технический редактор *М. Позднякова*
Корректор *Е. Козлова*

Сдано в набор 15/VII 1957 г.
Подписано к печати 20/XII 1957 г.
Бумага $84 \times 108^{1}/_{32}$ — 13,37 печ. л. = 21,94 усл. л.
19,48 уч.-изд. л. + 5 вклеек = 19,93 л.
Тираж 430 000. Заказ № 2437. Цена 10 р.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Типография № 2 им. Евг. Соколовой
УПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Измайловский пр., 29

10р.